

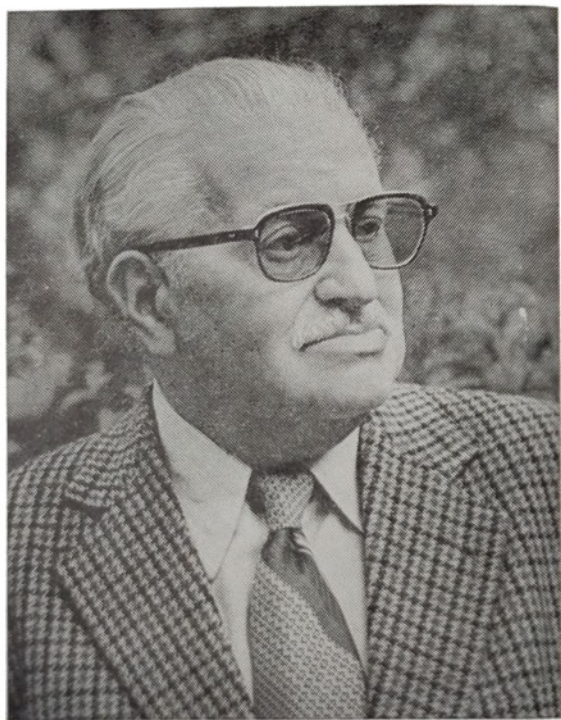
Як. Зискине

СЧАСТЛИВАЯ



СЖАМЕНИ





Як. Зискине



*Юмористические рассказы
и фельетоны*

Москва
Советский писатель
1980

Имя Як. Зискинда известно читателям по юмористическим рассказам и фельетонам, уже много лет появляющимся на страницах газет и журналов.

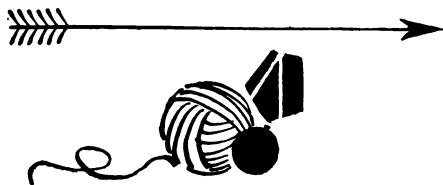
Это живые картины нашего быта — то сатирические, то просто смешные, порой проникнутые лиризмом.

Писатель касается многих людских недостатков, но сатира его не ранит больно, хотя заставляет все же задуматься над теми или иными явлениями жизни. Так, например, в рассказе «Сыночек» Як. Зискинд рисует облик взрослого эгоиста, его отношение к престарелой матери. Возмущает поведение отца и сына («Новая клюшка»). Целый раздел книги посвящен кино и театру. Тут есть забавные и верно подмеченные «житейские мелочи», как, например, в рассказе «Леокадия Сергеевна дает интервью».

Несмотря на разнообразие тем и персонажей, рассказы и фельетоны, вошедшие в эту книгу, имеют общее свойство — указать на зло и пробудить в людях доброе начало.

Художник К. И. Невлер





ВТОРАЯ БАБУШКА

У Алика было две бабушки. Первая — мать его мамы — заслуженная артистка республики. Она носила брючный костюм, элегантно курила и разговаривала красивым «артистическим» голосом. Алика она очень любила, называла «опорой своей старости» и дарила ему дорогие игрушки. О чем говорить, отличная бабушка! Алик ею очень гордился. Особенно после того, как их класс посмотрел «Синюю птицу», в которой бабушка играла роль юной и доброй Митиль.

А вторую бабушку — мать своего папы — Алик не знал. Она жила где-то далеко в Сибири и в гости к ним приехала впервые. Отец Алика несколько раз летал в родную сибирскую деревню, звал бабушку в Москву, и вот наконец выбралась...

Встречали ее на вокзале всей семьей: мама, папа и Алик. Бабушка вышла из поезда — маленькая, крепкая, как орешек, в теплом оренбургском платке, коротком полушубке и валенках. Посмотришь, — какая это бабушка? Нет, Алику она не понравилась...

Бабушка смущенно сказала: «Ну вот, прибыла в ваше распоряжение!», трижды расцеловала папу, маму и Алика, после чего неожиданно заплакала.

Домой поехали на такси. Бабушка с интересом смотрела на новые дома и поток автомобилей и вдруг сказала:

— И у нас хорошо! Само собой, дома пониже и асфальт пожиже!

В Москву она прибыла, конечно, с гостинцами. В большой плетеной корзине лежал богатырский гусь, сушеные грибы, кедровые орешки и черемша — дары далекой Сибири.

Приехали домой. Бабушка деловито осмотрела квартиру сына и тут же приступила к разделке гуся: в вагоне было жарко и он мог испортиться.

Готовила она легко и нешумно и так же легко и нешумно вошла в жизнь семьи своего сына, словно давным-давно жила в этом доме...

Ничего удивительного, что такая бабушка особого впечатления на Алика не произвела. Тихая, незаметная, в папиных шлепанцах и мамином фартучке. Вот первая бабушка — это да! Красивая. С маникюром. Недавно в газете был ее портрет...

Через несколько дней Алик и вторая бабушка были дома одни. Бабушка готовила на кухне, и оттуда доносились дразняще вкусные запахи, а Алик — редактор классной стенгазеты — рисовал заголовки и карикатуры.

Вскоре в комнату вошла бабушка. Полюбовалась работой Алика, похвалила его и сказала, что самое время перекусить.

— Потом, бабушка. У меня ни минуты времени.

— А ты быстренько съешь котлетку и — ладно! Я сюда принесу. Пойдет?

— Не надо, бабушка. Потом.

Бабушка ничего не ответила. Алик оглянулся и увидел, что она молча смотрит на портрет прославленного маршала, напечатанный на журнальной странице.

— Гляди, — скорее себе, чем Алику сказала бабушка, — маршалу-то нашему — семьдесят пять. И голова седая, и усы белые. Но при встрече все равно узнала бы...

— Вы его знаете? — удивленно спросил Алик.

— Знаю, — кивнула бабушка.

— Откуда?

— Ну как же... Служила в его дивизии.

— Вы? Разве вы были на войне? — недоверчиво спросил Алик.

— Была. В зенитном батальоне. А он тогда не маршалом был, а генерал-майором. Дивизией командовал.

Алик во все глаза глядел на бабушку, которая служила в зенитном батальоне, а она продолжала рассказывать о маршале:

— Это уж после, когда на ихней территории воевали, он получил генерал-полковника, а в маршалы его произвели в мирное время. Настоящий был генерал! Боевой, веселый... Вот такой факт: когда мы уже в Германию вошли — я регулировщицей была, — стою я на своем перекрестке, регулирую, а тут он едет. На газике с камуфляжем. Ну, я докладываю, как положено, а он смеется: «Здравствуй, красавица! На свадьбу скоро позовешь?» Конечно, никакой красавицей я не была, но и в бабушках тоже еще не числилась. Помоложе, одним словом, была. Вот я с ходу и рапортую: «Послезавтра свадьба, товарищ генерал-полковник!» Смеется: «Неужели правда?» — «Так точно, правда!» — «А кто жених?» — «Гвардии лейтенант Журавлев!» — «Знаю такого. А где свадьба?» — «В расположении части майора Зубкова!» — «Ясно!» И покатил.

— Ну, ну, бабушка. А что дальше?

— Приехал на свадьбу. Танцевал.

— С вами?

— И со мной, — кивнула бабушка и рассмеялась. — Ох, видел бы ты этот цирк: невеста в фате и кирзовых сапогах!..

— А еще вы с ним встречались?

— Да. Через месяц. Когда орден вручал.

— А у вас и орден есть? — спросил взволнованный Алик.

— Два, — тихо сказала бабушка.

Пораженный Алик опустился на диван и смотрел на бабушку как зачарованный. Фантастика, честное слово! Они ищут героев Великой Отечественной войны, пишут письма на их родину, собирают фотографии, а тут, за его спиной, стоит живая героиня... в папиных шлепанцах. Ну и ну!

— Бабушка, значит, вы... вы — героиня Великой Отечественной войны? — волнуясь спросил Алик.

— Какая там героиня! — махнула рукой бабушка.

— Ну, как же? Два ордена...

— Ладно, Алик, ладно, — совсем смутилась героиня. — Я лучше пойду... Мешаю тебе.

— Нет, бабушка, расскажите, пожалуйста, расскажите, за что у вас ордена.

— За что? Первый за бдительность, — сказала бабушка.

— В каком смысле? — не понял Алик.

— Ну,— нехотя начала бабушка,— стояла я на своем перекрестке, так?

— Так,— кивнул Алик.

— И увидела: кто-то идет. Шинель, пилотка. Прихрамывает... Вроде, раненый. Но мне его походка что-то не понравилась. Кричу: «Стой! Разрешите ваши документы!» Молчит. Я опять ему: «Стой!» А он подходит вплотную, улыбается, и в руке у него «вальтер»...

— Что? — не понял Алик.

— Пистолет немецкий небольшого калибра — «вальтер». Ну, думаю, влипла ты, Катя, по первое число! Поблизости никого, темнеет...

— И что же вы сделали? — замирая спросил Алик.

— Испугалась я очень и врезала ему автоматом по зубам. Он рухнул. А я автомат ему к груди и ору не своим голосом: «Хенде хох!» Тут на мое счастье появилась машина с нашими. Оказался — фашистский майор. И документы при нем важные.

«Вот тебе и бабушка! — думал Алик.— Врезала автоматом по зубам! Кому? Фашистскому майору! Ничего себе «испугалась»...»

А бабушка взглянула на Алика, смутилась и быстро сказала:

— Да я что? Аника-воин! Вот дедушка у тебя был действительно...

— Гвардии лейтенант Журавлев?

— Да. Выдающийся разведчик! Так в дивизионной газете и писали. Без «языка» из разведки не возвращался! Имел все ордена солдатской Славы, Боевое Знамя и Красную Звезду. Если б не война — жил бы по сей день. У него легкое было пробито. Лет пять после войны мучился и...

Бабушка замолчала и отвернулась.

— А папа об этом ничего не говорил,— пожал плечами Алик.

— Дело прошлое... — глухо сказала бабушка.

«И надо же! — думал Алик.— Такая выдающаяся бабушка, а я и не знал. Ничего, завтра же о ней расскажу в школе, мы ее пригласим, и после уроков она поделится воспоминаниями о Великой Отечественной войне. Ну и бабушка! На вид — мужичок с ноготок, а оказывается — Герой!»

А бабушка еще раз посмотрела на портрет маршала и неожиданно вскочила:

— Что же это я делаю? И тебе мешаю, и самой в булочную надо.

— Я пойду, бабушка,— решительно сказал Алик.

— Что ты, Аличек! А стенгазета?

— Успею.

И внук бабушки-героини отправился в булочную, словно на выполнение боевого задания.

ЖЕРТВА КАПИТАЛИЗМА

Это было в конце декабря. В мутноватом белесом небе висело белое, слепящее солнце, и мы изнемогали от жары и жажды. И не удивительно: термометр показывал плюс тридцать шесть в тени.

Да, я понимаю ваше недоумение, но события, о которых я хочу рассказать, произошли в «жемчужине Южной Америки» — Бразилии, в городе Сан-Пауло. Мы, группа советских туристов, усталые и измученные непривычной жарой, бродили по городу, глаза по сторонам и щелкая затворами фотоаппаратов.

И вдруг хлынул тропический ливень. Именно хлынул! Неожиданно! Бурно! Бешено!

Если у нас летний дождь как-то предупреждает о себе: наползают тучи, сверкают молнии и грохочет гром, то здесь, словно прорвав плотину в безоблачном небе, на нас обрушился шумный водопад тепловатой воды.

Мы едва успели укрыться под ближайшим полосатым тентом витрины, но через полминуты он промок и мы вошли в большой универсальный магазин.

— Блестящая идея, братцы! — сказал один из наших, молодой казахский художник. — Когда кончится это тропическое безобразие, неизвестно, а терять время я не намерен. Покупаю дождевик и иду в отель.

С этими словами он достал блокнот для рисования и фломастер, несколькими быстрыми штрихами изобразил дождевик и направился к прилавку, держа рисунок в руке.

Надо сказать, что метод установления торговых, а иногда и дружеских контактов с помощью прикладной графики был чрезвычайно удобен, так как португальского никто из нас не знал.

Белозубая смуглая девушка, не то креолка, не то метиска, с интересом посмотрела на рисунок, заулыбалась: «Си, синьор!» — и выложила на прилавок добрую дюжину дождевиков. Художник выбрал синий с капюшоном, примерил и поставил под своим рисунком большой вопросительный знак. Продавщица написала ниже вопросительного знака соответствующую цифру крузейро, художник кивнул, небрежно сказал: «Си, синьора!» — и полез в карман за бумажником. Словом, торговая сделка прошла в атмосфере доброжелательства и взаимопонимания. Художник уже было собрался надеть свою обновку, но, к его большому огорчению, столь неожиданно начавшийся ливень так же неожиданно кончился. Продавщица уложила дождевик в большую фирменную коробку, перевязала цветной ленточкой, приняла деньги, выбила чек, еще раз ослепительно улыбнулась и вручила художнику покупку.

Мы вышли на улицу. Над быстро сохнувшими лужами поднимался пар.

— Безобразие! Ливень называется! — шутливо ворчал художник, прижимая к боку неудобную фирменную коробку.

Мы еще часа три бродили по городу, так как время было послеобеденное и в этот день мы были свободны от жесткого туристского расписания. Только к вечеру, едва волооча ноги, мы добрались до своей гостиницы.

У входа мы увидели большую группу наших соотечественников. Они окружили какую-то девушку и оживленно размахивали руками. Мы подошли ближе и узнали продавщицу из универсального магазина. По ее смуглому лицу текли почти черные слезы. Увидев художника с пестрой фирменной коробкой, девушка вскрикнула, упала перед ним на колени, драматически простерла руки и что-то быстро заговорила по-португальски. Увы, из всего ее бурного монолога мы поняли только слово «синьор». Растерявшийся художник что-то залепетал по-казахски, и из его монолога мы тоже поняли только слово «синьора». А девушка вскочила с колен, выхватила из его рук коробку, быстро ее развязала, сняла крышку, и внутри

сверкнуло какое-то живое серебро, не то рыба, не то... Наконец она дрожащими руками извлекла содержимое коробки, и мы увидели роскошное серебряное платье, расшитое цветными блестками.

Художник застыл от изумления. Мы тоже.

К счастью, в нашей группе была молодая женщина — кинорежиссер, которая знала итальянский, а продавщица знала испанский, а оба этих языка похожи, как русский и украинский. Она объяснила, в чем дело.

Оказывается, какая-то богатая синьора купила вечернее платье, пришла домой и в коробке с покупкой вместо платья обнаружила... синий недорогой дождевик. Синьора вернулась в магазин и учинила шумный скандал. Владелица магазина вручила синьоре другое платье и тут же, в ее присутствии, уволила несчастную продавщицу, обещав завтра же утром вернуть стоимость платья. А платье стоит уйму денег. Продавщица столько зарабатывает за четыре месяца, а на ее шее мать, три сестрички и братик, который обязательно будет футболистом. Таким, как Пеле. А в стране безработица... Словом, девушка твердо решила покончить жизнь самоубийством. Но, на ее счастье, в магазин зашли еще русские, и среди них женщина, которая говорит по-итальянски, а итальянский похож на испанский, как русский на украинский...

Короче: через десять минут вся наша группа бодро шагала в магазин, в котором работала Джульетта, — так звали продавщицу. Вздвигаясь и улыбаясь. На ее груди красовался значок «Аэрофлот», а в руках она держала двух матрешек и деревянную ложку.

А художник разводил руками и сокрушался:

— Бедная девушка! Какие неприятности!.. Форменная жертва капитализма!

Владелица магазина — дородная дама с бриллиантовым крестиком на излишне декольтированной груди — приняла нас довольно сухо. Тогда художник, считавший себя основным виновником происшествия, снял с лацкана своего пиджака значок, на котором было написано «Кайрат. Футбол», и торжественно вручил обладательнице бриллиантового крестика.

Дама криво улыбнулась, но дрогнула. Тогда художник протянул ей бутылку «Столичной» и предложил:

если в магазине есть книга отзывов и предложений, то мы все напишем даме благодарность.

Такой книги в магазине не было, а водка и так сделала свое дело. Дама с крестиком заявила, что только из уважения к русским прощает Джульетту.

Так была спасена жертва капитализма...

Спустя несколько месяцев я встретил художника в Москве.

— Слушай, помнишь, я купил в Бразилии дождевик? — спросил он меня.

— Помню.

— А кто оказался жертвой капитализма, знаешь? — И, выждав эффектную паузу, добавил: — Я! Этот дождевик пропускает не то что тропический ливень, а обыкновенный алма-атинский дождь!

В АНТРАКТЕ

Во время антракта, в театральном фойе, среди зрителей прогуливались мужчина и женщина. Он был высокий, седой, лет за шестьдесят, с четким энергичным профилем, она — светловолосая и светлоглазая, и хоть давно рассталась с молодостью, сумела сохранить мягкую и неброскую красоту:

Они остановились перед портретом одного из актеров театра, который благодаря Центральному телевидению прославился на всю страну, и тихо беседовали об его удивительном мастерстве перевоплощения.

И тут, рядом с ними, возник широкоплечий крепыш, тугой и упругий, словно теннисный мячик, и исподтишка стал приглядываться к седому мужчине. Потом поглядел на него с другой стороны и наконец решительно подошел:

— Извините, конечно, вы не доктор?

— Доктор, — несколько удивленно согласился седой мужчина.

— Доктор! Наконец я вас встретил! — радостно воскликнул крепыш и протянул широкопалую пятерню. От этого жеста на его груди весело звякнули ордена и медали. — Спасибо, большое вам спасибо, товарищ доктор!

— За что? — удивился седой мужчина.

— За ногу. Вот эту, левую. Не помните? Еще бы. Сколько вы операций провели! А у меня ног всего две, — рассмеялся крепыш и увлек доктора и его спутницу в сторону. — Сорок второй год помните? Взятие Калуги?

— Помню, — кивнул доктор.

— Ну вот. Там меня и ранили. В бедро. И доставили в ваш госпиталь. Круглов моя фамилия. Круглов Дмитрий Иванович. И лежал я тогда на своей койке и страдал. Больно и обидно. «Все, думаю, оттяпают тебе, Круглов, ногу, и до кончания века будешь бегать на одной». А в госпитале вашем медсестричка была. Лида ее звали. Очень такая... красивая и симпатичная. Может, помните?

— Помню, — кивнул доктор.

— Вот она и говорит: «Ты, Круглов, не паникуй! Попадешь к доктору Пашкевичу, он зря не режет. Это хирург божьей милостью и человек выдающийся!»

— Так и сказала? — улыбнулся доктор.

— Точно! Понесли меня к вам на стол... Все как сейчас вижу. Стоите вы и ваши помощники. А у меня слух знаете какой: не зря в разведке был. И слышу, вы помощников спрашиваете: «Ну, что будем делать?» Один, в очках, говорит: «Надо резать!» Конечно, не так напрямую говорит, а по-научному, но смысл я уловил. А вы говорите: «Резать всегда успеем! Парень молодой, здоровый, как бычок...»

— Неужели я так и сказал? — смутился доктор.

— Честное слово, — приложил руку к груди крепыш, и ордена и медали снова звякнули. Он продолжал: «...здоровый, как бычок, может, и так справится!» Ну, вы что надо вырезали, что надо зашили, и я действительно справился, за что вам всю жизнь сердечно благодарен. Спасибо, доктор!

— Пожалуйста. Мой долг...

— Если б не вы, вся моя жизнь наперекосяк пошла бы. А так — грех жаловаться: через два месяца догнал свою часть, отвоевал честь честью, войну в Праге закончил. С соответствующими наградами. Да и теперь не хуже других: председатель колхоза! — закончил Круглов и, смутившись, поспешно спросил: — А как вы, доктор? В смысле жизни?

— Все так же, — улыбнулся доктор. — Хирург, который старается не резать.

Спутница доктора, которая в течение всего разговора молчала, тихо добавила:

— Доктор — уже профессор. Член-корреспондент медицинской академии.

— Вот это правильно! — обрадовался Круглов. — Поздравляю! От всей души!

— Благодарю вас, — слегка наклонил голову профессор и укоризненно посмотрел на свою спутницу.

— Теперь вам, профессор, нужно только одно: здоровье, — сказал Круглов.

— Не спорю, нужно, — кивнул профессор.

— А что? — почувствовав что-то недосказанное, забеспокоился Круглов.

И профессор, которого тронуло участие Круглова, произнес, как бы извиняясь:

— Да вот печень, будь она неладна!..

— Печень? — почему-то обрадовался Круглов. — Профессор, вы только не смейтесь, у нас живет бабка Алена... Верите, волшебница! Десятки людей спасла!

Профессор посмотрел на свою спутницу, она иронически усмехнулась, а Круглов, перехватив этот молчаливый обмен мнениями, даже повысил голос:

— Напрасно улыбаетесь. Мы ведь народную медицину не отрицаем, так? А я имею десятки фактов полезной деятельности бабки Алены. Seriously! Наш агроном. Тоже печень. Криком кричал, не ел, не пил. А недавно дочь замуж выдавал и — человек человеком! — так выпивал и закусывал, что смотреть было приятно. А у комбайнера Мельничука — язва была. Чего только ни делал, куда ни ездил, а бабка Алена вмешалась... — Тут Круглов понял, что несколько перехватил, и добавил: — Нет, медицина у нас, конечно, на высоте. И врачи замечательные, и профессора. Но я вам так скажу: хирургия творит чудеса. А прочие отрасли, ну, не все у них еще получается. Стенокардию не лечат, ревматизм, радикулит — тоже. Насморк и тот не всегда побеждаем... А бабка Алена любую хворь изгоняет...

— А чем она лечит, бабка Алена? — спросила спутница доктора.

— Травами. У нее, верите, двести трав от любой напасти, от любой хворобы... Послушайте меня, доктор, то есть профессор...

— Видите ли, голубчик,— перебил Круглова профессор,— я, так сказать, медицинский работник, врач и...

— И что же? — не сдавался Круглов.— Все знают, что травы — вещь полезная, а бабка Алена в своем деле — профессор... То есть, я хотел сказать, мастер своего дела. А здоровье — вещь экспериментальная: все пробовать надо. Лекарство не берет, а травы, может, и возьмут. Разве я не прав?

Профессор и его спутница промолчали.

— Товарищ профессор, ну чем вы рискуете, а? До моего колхоза от Москвы — двести семьдесят километров. Сейчас лето. У меня дом для приезжих — не хуже любого отеля. Дворец культуры! Жизнь теперь в колхозе — сами знаете какая. Полечитесь, отдохнете, а если рыбак — вместе рыбку половим, а? Я дело говорю, товарищ профессор!

— Спасибо, Дмитрий Иванович! Предложение, конечно, заманчивое,— растерялся профессор,— однако...

Но Круглов не дал ему договорить:

— Я ведь от чистого сердца приглашаю! Ну, пожалуйста! Ну, будьте любезны! И жена, и дети знаете как обрадуются! Я ведь им про вас сколько лет рассказывал. Ну? — торопил профессора с ответом Круглов. Потом выразительно посмотрел на спутницу профессора: «Дескать, что же вы молчите? Поддержали бы...»

Спутница профессора не отреагировала на его молчаливую просьбу, а Круглов, взглянув на нее еще раз, вдруг сказал:

— Извините, конечно, но и ваше лицо мне знакомо. Где-то я и вас видел, определенно!

— Видели. В госпитале под Калугой.

— Господи! Лида? Медсестричка Лида? — изумился Круглов.

— Именно медсестричка Лида,— подтвердил профессор.

А Круглов смотрел на медсестричку сияющими глазами и радостно объяснил:

— А я-то, голова, два уха, гляжу на вас и не узнаю. Вот елки-палки! Нет, будь вы в халате, я бы сразу узнал. Тем более, что вы совершенно не изменились!

— Перестаньте, Круглов! — отмахнулась Лида.— Я не люблю неправды!

— Честное слово! — приложил руку к груди Круг-

лов, но быстро переменял тему разговора: — Ну как, профессор, приглашение принято? Жду вашего слова.

— А что мое слово? — пожал плечами профессор. — Как решит медсестричка Лида!

— Поедем! — сказала она твердо.

ЗАКОНЫ ГОСТЕПРИИМСТВА

В прошлом году, зимой, вызывает меня наш директор. Прихожу к нему в кабинет, а там сидит красивый парень лет двадцати восьми, в синем костюме и замшевых башмаках.

Директор говорит:

— Знакомься, Лавров, это наш гость из Польши. Прибыл на месяц для учебы и обмена опытом. Он — инженер, ты — инженер, оба молодые... Не сомневаюсь — общий язык найдете. Покажи ему завод, Дворец культуры... Словом, он — гость, ты — хозяин.

— Ясно, — говорю, после чего мы обменялись рукопожатиями и дружескими улыбками.

Вышли от директора и пошли на завод. Тут выяснилось, что я по-польски знаю: «Дзень добры, дзенькую и проше пана», а он по-русски: «Здрасьте, спасибо и бог мой!» Но ничего, беседуем. Нашли общий язык. Хоть он и иностранец, но не капиталист какой-нибудь, а наш иностранец.

Дальше выяснилось, что его зовут Стефан, а я — Юра, так что минут через десять он меня называл по-ихнему — Ежи, а я его по-нашему — Степа!

Походили мы с ним по заводу, если не хватало слов, я рисовал ему в блокноте; одним словом, встреча, как говорится, прошла в обстановке сердечности и взаимопонимания.

А тут — конец рабочего дня. Он — гость, я — хозяин, существуют законы гостеприимства, и я, разумеется, приглашаю его обедать. Думаю: у нас дома обеды скромные, лучше поведу его в ресторан. Тем более позавчера была получка.

Сели мы с ним в такси и покатали на Новый Арбат, а улица эта, сами знаете, — визитная карточка Москвы. В конце дня она просто красавица: в стеклах высотных

зданий отражается закат, окна пылают, в небе розовые зимние облака.

Зашли мы со Степой в ресторан. Кругом, знаете, модерн, всевозможные витражи, колонны и барельефы.

Пообедали. Хорошо пообедали! Икра, белужий бочок, какие-то фирменные котлеты «космос», кофе... И конечно, выпили. Графинчик «Столичной».

Нет, я в принципе человек почти не пьющий. Так, иногда, по какому-нибудь особому поводу: день рождения, Новый год или новое пальто... Тем более, что я играю в нашей хоккейной команде в первой тройке нападения. А спортсменам это вредно. Не спортсменам тоже. Но спортсмены с этим примирились, а прочие...

Одним словом, подали нам хрустальный графинчик, он сверкает, как алмаз, водочка в нем ледяная — и мы выпили! Он, конечно, отказывался, я, конечно, настаивал. Сами понимаете, он — гость, я — хозяин, а законы гостеприимства обязывают!..

Вышли мы из ресторана чуть «подшофе», а на улице к этому времени зазвенел морозец. Такой, как у нас принято, — около тридцати! С ветерком! Все вокруг засверкало, как тот хрустальный графинчик, который мы одолели. Красота! Смотрю я на моего Степу, батюшки, он какого-то голубоватого цвета. И не удивительно: одет он, так сказать, по-среднеевропейски: шляпа, легкое пальтишко и замшевые туфли. Думаю: пропадет мой иностранец! Замерзнет, как французы в первой Отечественной войне.

Одним словом, повел я его к себе домой, отдал ему свою ушанку — я могу походить и в лыжной, — подобрал ему валенки, фуфайку теплую и, извините, конечно, кальсоны. Все как полагается! И человек сразу ожил и порозовел. Даже понятнее, что он говорит, потому что не лязгает зубами...

На следующий день моя мама пригласила его к нам на обед. Она — молодец, постаралась, обед был, как говорится, международный. Украинский борщ, в честь гостя — судак по-польски и цыплята-табака по-грузински. А потом чай по-русски, из самовара, которым, честно говоря, лет пять не пользовались! И тоже выпили. Армянского... Он, конечно, отказывался, я — настаивал. Он — гость, я — хозяин! Законы гостеприимства обязывают!..

О чем говорить? За этот месяц, не по собственному, что ли, желанию, выпивали мы довольно часто. И мало того что это вредно, оно еще и дорого. Что ни говорите, но я — инженер, а не какой-нибудь Рокфеллер, так что пришлось впервые в жизни обратиться в кассу взаимопомощи. Объяснил причину, поняли и помогли. Но это бог с ним, деньги — дело наживное! Я стал играть хуже, не то дыхание, удар не тот! Подвожу команду! Но и там поняли, что это во имя международных контактов.

Прошел месяц, и расстались мы со Степой добрыми друзьями. Уехал он чрезвычайно довольный, обогащенный опытом и одаренный сувенирами.

А летом этого года я поехал с ответным визитом в Варшаву.

Скажу вам честно, столица у поляков тоже дивной красоты. От нее ведь после войны остались одни руины, и молодцы поляки: столько построили нового — глаза разбегаются.

Встретил меня Степа как родного брата, повез в гостиницу и тут же пригласил в ресторан.

«Господи, — думаю, — теперь он меня будет поить!»

И когда мы уже подходили к ресторану, я не выдержал и говорю... Мы уже так приспособились, что почти полностью понимали друг друга. И вот я говорю:

— Степа, у меня к тебе огромная просьба: пить я не буду!

— Почему?

— Не люблю. Я с детства непьющий!

— Как?! Ты же меня поил каждый день! Я был уверен, что ты очень любишь это дело...

— Что ты! Наоборот! Я считал: ты иностранец, а если верить литературе, иностранцы без этого не могут!

— А я считал, если верить литературе, что русские без этого не могут!

Посмеялись мы с ним и увидели вдали молочное кафе. Над этим кафе из неоновых трубок сделан портрет коровы, которая подмигивает зеленым глазом.

— Степа, умоляю, пригласи меня в это кафе!

— Да что ты! Ты меня принимал в лучших ресторанах, а я тебя буду поить молоком?

— Но я люблю молоко. С детства.

— Честное слово?

— Честное слово, — сказал я искренне.

— Я тоже! — так же искренне сказал Степа. — Значит, мы с тобой не только друзья, но и молочные братья! Мы оба рассмеялись и вошли в кафе.

МЫ ИМ ДОКАЖЕМ!

— Нет, вы только подумайте, какой гонор, какая амбиция! — возмущался Иван Степанович, откидываясь на спинку кресла. — « Попрошу вас не разговаривать со мной таким тоном и не говорить мне «ты»!.. » А? И кто это говорит? Рядовой инженер, фитюлька, ноль без палочки!

Иван Степанович достал сигарету и чиркнул зажигалкой.

— Главный механик старше меня лет на пятнадцать, говорю ему «ты», и — ничего, терпит! Начальнику гаража сказал, что он дурак, — промолчал. А этот? Мелкая сошка! На заводе без году неделя и — на дыбы! Вот возьму и действительно выгоню ко всем чертям!..

Иван Степанович так затянулся, что даже закашлялся.

— Я же когда с ним разговаривал, только припугнуть его хотел. А он ишь ты какой!.. «У нас, слава богу, не капитализм и вы на заводе не хозяин, а директор! Но я бы и хозяину не позволил так разговаривать!» Он бы не позволил!.. Подумаешь, Гамлет, принц датский! Он требует уважения к личности! Так была бы личность! Сморок, шушера, а выпендривается, как эта... как ее? — Бринжит Бардо!

Директор погасил сигарету и придвинул папку с бумагами «на подпись». Прочел какой-то акт, не понял. Прочел еще раз и снова не понял.

— Тьфу! Все настроение испортил, прохвост! Ну, хорошо, я не оценил его предложения и дал неверное указание. Согласен! Промолчи, не возражай! Больше того, сделай по-своему! Нет, понимаешь! Объясняет, что я не прав! Я! Не прав! Мне уж, наверно, лет десять никто такого не объяснял! А этот — учить вздумал... Кого? Тьфу! Может, и вправду выгнать его в три шеи? А за что? Парень, видать, принципиальный, такую кашу заварит — не расхлебашь.

Директор пожевал губами, достал еще одну сигарету и, разминая ее пальцами, улыбнулся:

— Ну, погоди! Кажется, я придумал лихую штуку. Надо всегда делать такой ход, которого противник не ожидает! Вот я такой ход и сделаю!

Иван Степанович закурил и вызвал секретаршу.

— Алла! — сказал он улыбаясь. — Вызовите ко мне Лагутина. Кстати, как его имя-отчество?

Алла удивленно подняла плечи:

— По-моему, Геннадий Сергеевич.

Через пять минут инженер Лагутин вошел в кабинет к директору.

— Геннадий Сергеевич, — весело сказал директор, — хочу перед вами извиниться. Встал с левой ноги, наговорил лишнего, погорячился... извините.

Это действительно был такой неожиданный ход, что Лагутин покраснел от макушки до пяток и нервно залепетал:

— И вы... вы, в самом деле, просите, так сказать, извинения?

— Как видите! — наклонил голову директор.

— Спасибо! — сказал Лагутин. — До чего же это хорошо, Иван Степанович! Полностью меняет мое представление о вас.

— В каком смысле? — насторожился директор.

— Понимаете, — тихо сказал инженер, — весь завод говорит, что вы... Как бы это сказать поделикатнее?

— Говорите, говорите! Не стесняйтесь!

— Что вы... Вы только не обижайтесь! Что вы — хам и псих!

— Что? — вскочил директор.

— Хам и псих, — не поднимая глаз повторил инженер. — И только я один утверждал, что это не так. Но они говорят, что я с вами просто не сталкивался. А сегодня столкнулся и... — Лагутин смущенно улыбнулся. — Но после вашего извинения я так не думаю.

— Значит, хам и псих? — усмехнулся директор. — И все так считают?

— Если не все, то многие, — развел руками инженер. — Начальник гаража говорит: «Обозвал меня дураком! Может себе такое позволить нормальный человек? Нет, только псих! А с психами спорить нельзя! Еще уку-

сит! Медицина считает, что к ним надо относиться бережно!»

Директор молча смотрел на инженера. Еще секунда — и он бы взорвался, наорал, стукнул кулаком по столу, но инженер был так безмятежно наивен и простодушен, что директор сдержался. Холодное синее пламя в его глазах погасло, и он сказал:

— Надеюсь, вы развеете эту легенду?

— Конечно! — заверил его инженер. — Обязательно! Я всем скажу... Но мне могут не поверить! Знаете что, давайте эту легенду развеем вместе!

— Вместе? Как же это?.. — не понял директор.

— Очень просто. Вы своими действиями будете подтверждать мои рассказы.

— Своими действиями?..

— Да. Не говорите «ты», чаще говорите «пожалуйста!»... Словом, будьте таким, какой вы есть в действительности.

Директор недоверчиво посмотрел на Лагутина:

— А вы думаете, что я такой?

— Безусловно такой! И верьте мне, если мы объединим усилия — мы им докажем!

— Н-да, — глухо сказал директор, и в его глазах вспыхнули два синих огонька. Но он снова сдержался. — Что ж, попробую.

А инженер, излучая сияние и счастливо улыбаясь, направился к дверям кабинета.

— Я уверен, у нас получится! Разрешите идти?

— Пожалуйста! — впервые за многие годы хрипло сказал директор. А когда дверь за Лагутиным закрылась, директор встал из-за стола и нервно заходил по кабинету.

— Да, вот это влип! Что же теперь делать? Взять отпуск? Выйти досрочно на пенсию? А может, попробовать перестроиться, черт бы меня побрал, дурака старого!

НОВЫЙ СТИЛЬ

Директор завода, в отличие от других ораторов, говорил не «по бумажке», а «от себя», говорил взволнованно и убедительно. Он с удовольствием рассказал о ближай-

шем будущем завода, о новой технике, которая скоро вступит в строй, о планах на следующий год... А потом заговорил о тех, кто мешает осуществлению этих планов. И тут он надел очки и, поднеся к глазам листок бумаги, назвал несколько фамилий печально известных на заводе пьяниц, бракоделов и нарушителей дисциплины.

Разумеется, почти каждая фамилия была встречена веселым оживлением в зале, а некоторые ироническими аплодисментами.

Когда же уважаемый директор среди бракоделов назвал фамилию Пашкова, по рядам прошелестел недоуменный шепот. Но директор назвал уже следующую фамилию, и сидящие в зале вновь заулыбались и зашумели.

А Семен Иванович Пашков, мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, черноглазый, чья голова уже основательно поседела, а брови по-прежнему остались черными, сидел в третьем ряду. Он тоже смеялся и аплодировал, когда называли фамилии, вызывающие в зале оживление, но, когда прозвучала его фамилия, растерянно пожал плечами и решил, что, видимо, ослышался! Несомненно ослышался! На заводе он около тридцати лет, всегда числился в передовиках, не раз его портрет висел на доске Почета, и вдруг — бракодел! Ерунда какая-то! Но сидящий рядом Пахомов да и другие знакомые повернулись в его сторону — кто иронически усмехнулся, кто сочувственно покачал головой, кто подмигнул. И Пашков понял, что не ослышался и названа именно его фамилия. Но почему? Столько раз получал грамоты, благодарности, бесплатные путевки. Сидел в президиумах. В составе заводской делегации ездил в братскую Польшу. Да, а квартира? Кто три года назад получил новую квартиру? За брак он ее получил, что ли? За пьянство? За прогулы?

И такая обида захлестнула Семена Ивановича, что он даже побледнел, шумно встал и демонстративно вышел из зала, сопровождаемый возмущенным шиканьем.

Вышел Семен Иванович на улицу, постоял минутку у входа во Дворец культуры, куда какой-нибудь час назад явился в отличном настроении и новом костюме, дважды чертыхнулся, закурил и не спеша побрел домой.

— За что же он меня так приложил, елки-палки? Наверно, ошибся... А какое право он имеет ошибаться при

всем народе? — возмущался Семен Иванович, подходя к своему дому и размышляя о том, сказать об этом Нюре или не стоит?

Пожалуй, можно и промолчать. А что это даст? Весь дом — свои, заводские. Кто-нибудь завтра встретит Нюру и выложит во всех подробностях. А Петька? Он ведь тоже был на собрании со своими пэтэушниками, значит, тоже слышал и тоже доложит матери.

И Семен Иванович, только пришел домой, все Нюре и сообщил. Она минутку помолчала, а потом спросила:

— Но ты, Сеня, твердо уверен, что ошибка?

— Нюра! — с болью сказал Пашков. — Неужели я тебе врать буду? Неужели я не знаю, бракодел я или нет? Чист я, понимаешь, чист как стеклышко, елки-палки!

— Тогда напиши заявление в партком. Так и так, обидели. Они разберутся.

— Думаешь? — засомневался Пашков.

— Уверена. Пусть он ответит, откуда у него такие сведения, елки-палки! — решительно заявила Нюра.

— А что, совет правильный! — согласился Семен Иванович и, поужинав без аппетита, пошел спать.

А на следующий день бедному Пашкову стало совсем невмоготу. Человек двадцать, а то и больше, удивлялись, выражали сочувствие, остряли и давали полезные советы.

И от этого сочувствия и советов на душе у Семена Ивановича было удивительно плохо.

До обеденного перерыва он терпел, а в обед решил пойти к директору и объясниться. Если человека обидели зря, он не должен молчать!

Директорской секретарши на месте не было, и Пашков беспрепятственно прошел в кабинет. Там сидели какие-то люди, и председатель завкома Садофьев, оглянувшись на шум открывшейся двери, спросил:

— В чем дело, Пашков?

— Я к директору.

— А почему не в приемные часы? Тебе что, не терпится?

— Да, не терпится. Потому что наш уважаемый директор опозорил меня на весь мир. Людям в глаза смотреть стыдно, — твердо заявил Пашков.

— Я?! — удивился директор. — Каким образом?

— Вчера на собрании зачитывали список, и меня в бракоделы зачислили.

— Не может быть!

— Своими ушами слышал,— ответил Пашков.

— Сейчас проверим,— сказал директор и нажал кнопку звонка на своем письменном столе.

А Пашков подошел к директорскому столу и, для убедительности рубя воздух ладонью, произнес:

— Я, уважаемый Виталий Николаевич, на заводе двадцать девятый год и никогда в бракоделах не числился. Вы, извините, еще сопливым фабзайцем были, а я уже давал качество и висел на доске Почета...

— Слушай, Пашков, тут совещание, а ты скандалишь,— перебил Семена Ивановича Садофьев.— Ты завтра зайди или попозже...

— Нет-нет, пусть договорит,— встал с кресла директор, сказал сидящим за столом: — Извините, товарищи,— и повернулся к Пашкову.

— А я все сказал, Виталий Николаевич! С нас требуете, чтоб работали без брака, а сами... Э, да что говорить! — махнул рукой Семен Иванович, нахлобучил кепку и вышел из директорского кабинета. Тихо, но с достоинством, после чего, не глядя по сторонам, прошел в цех и включил свой токарный станок. И работал Пашков с такой яростью, что бедный станок только побряхтывал, а число обработанных деталей давно перешагнуло норму. И работал он, между прочим, без брака! Да, уважаемый Виталий Николаевич!..

Вечером Семен Иванович рассказал обо всем Нюре. Он и сам понимал, что не очень-то красиво и правильно врываться в директорский кабинет и кричать при посторонних бог знает что. Некрасиво!..

— Некрасиво — это полдела! — сказала Нюра. — Главное тут в другом. Привык, что Нюра тебе прощает все твои художества, а он — мужчина серьезный, он с тобой счеты сведет.

— Думаешь? — взглянул на жену Пашков.

— А как же! — убежденно ответила Нюра. — Ну, ты, слава богу, мастер, работу найдешь, а вот что мы с Петькой делать будем, когда он его из ПТУ выгонит?

— Ну-ну! Он директор, но и мы кое-чего значим! — неопределенно ответил Семен Иванович и пошел включать телевизор. Но настроение у Семена Ивановича было

такое, как у больных ревматизмом перед дождем: жизнь прекрасна, но жить почему-то не хочется...

А дня через два, в тихий вечерний час, когда Семен Иванович и Нюра смотрели по телевизору очередную серию очередного бесконечносерийного фильма, у входной двери задребезжал звонок. Нюра поспешила в коридор, и через несколько секунд раздался ее удивленный и в то же время испуганный голос:

— Да-да, дома. Ой, пожалуйста... Входите. Милости просим!

Пашков оглянулся и первой увидел растерянную и испуганную Нюру.

— К тебе, Сеня,—неестественно улыбаясь прошептала Нюра.

И тут уже удивился Пашков: в столовую входили директор и председатель завкома.

Пашков начал торопливо застегивать распахнувшуюся пижаму и быстро подумал: «Права Нюра! Определенно права. То ли хотят меня досрочно проводить на пенсию, то ли...»

Додумать эту мысль Пашков не успел, потому что Виталий Николаевич смущенно улыбнулся и протянул ему руку:

— Здравствуйте, Пашков. Извините, что без предупреждения и помешали...

— Да нет, что вы! — отмахнулся Семен Иванович, выключая телевизор. — Садитесь!

— Спасибо, — поблагодарил Виталий Николаевич, садясь.

Сел и Садофьев, после чего произошла небольшая пауза.

— Мы почему зашли? — начал директор. — Дело в том, Пашков, что вы оказались правы: действительно был у меня «брак в работе», не проверил я данный мне список...

— Машинистка отличилась, — пояснил Садофьев, — вместо «Панков» отстучала «Пашков», — а начальник производственного отдела туда же — подписал не глядя...

— Одним словом, извините, Семен Иванович, за допущенную ошибку. В очередном приказе по заводу мы ее исправим. Вот, так сказать, все! — сказал директор, поднимаясь.

— А может, чайку выпьете? — вдруг расхрабрилась

Нюра.— И пирог имеется. С грибами! — добавила она гордо.

— Спасибо, хозяйка! В другой раз. Торопимся на совещание, — поклонился директор и направился к выходу вслед за Садофьевым.

И тут Нюра догнала директора:

— Виталий Николаевич, и вы Семена простите.. Умеет он наболтать лишнего. Это я по себе знаю. Человек он хотя и вспыльчивый, но справедливый. Это я вам объективно говорю.

— Объективно? — усмехнулся директор.

— Вполне, — искренне сказала Нюра.

— Ну что ж, он меня извинил?

— Извинил, — кивнула Нюра.

— Значит, квиты. Ну, всего доброго! Как говорится, беседа прошла в теплой и дружеской атмосфере, — пошутил директор и вышел на лестницу вслед за попрощавшимся Садофьевым.

И когда за неожиданными гостями захлопнулась дверь, Семен Иванович выразительно взглянул на слегка ошалевшую Нюру и подмигнул:

— Говорила — чуть не голову снимет, а он вишь как — извинился, елки-палки!

— Действительно, — счастливо улыбнулась Нюра.

— А ты думала... Новый стиль! — значительно сказал гордый Пашков и поднял вверх указательный палец.

«БУДУ ПЯТОГО КУЗНЕЦОВ»

— именно эти три слова стояли в телеграмме: «Буду пятого Кузнецов». Казалось бы, они выражали несложную мысль и были предельно ясны и понятны, однако Андрей Иванович Грушнев, директор цирка в городе Н., перечитал телеграмму трижды, закурил и задумался.

Он не переменил позы, на его лице, как говорится, не дрогнул ни один мускул, но Татьяна Львовна — его секретарша — увидела целый ряд изменений и в лице и взгляде, незаметных постороннему глазу.

— Что такое, Андрей Иваныч? — спросила она участливым тоном, который толкает людей в пучину откровенности.

— Едет Кузнецов...— вздохнул директор.— Не было печали, едет Кузнецов.

— А кто такой Кузнецов?

— Неужели не знаете, кто такой Кузнецов? Кузнецов — ревизор. Лучший ревизор главного управления!

— Придирается? — догадалась Татьяна Львовна.

— Нет, просто проверяет. Но как! Скажу честно: удивлен, что прислал телеграмму. Обычно он как действует? Приедет неожиданно, в порядке инкогнито, часик-другой походит по цирку, побеседует с народом, проведает зверей, потом опечатает сейф, возьмет бухгалтерские книги, и — пошла ревизия. Каждую бумажонку, каждый акт — сам проверит. Если сомнения — неделю потратит, опросит каждого, кто подписывал, и что-нибудь да найдет.

Андрей Иванович еще раз прочитал телеграмму, затаился и еще раз вздохнул:

— Во время ревизии — строг и официален, где завтракает или обедает — неизвестно, в ложе дирекции не сидит...

— А где же?

— В прошлом году купил в кассе билет и сидел в амфитеатре.

— Феномен! — сказала Татьяна Львовна.— Молодой?

— Лет сорока, интересный, спортивного вида. Другой бы явился за кулисы, познакомился с актрисами... Нет! Не человек, а гранит! За всю жизнь у меня два выговора. Один на его совести. Слон был нездоров, а дрессировщик заставил его работать. Кто виноват? Директор! А то, что я сам иногда работаю больной, это никого не волнует.

— Ужасно, — сказала Татьяна Львовна, округлив глаза.— Что же делать?

— Выход один: не давать ему пищи...

— Как?

— Ну, в смысле его требований. Чтобы все было в ажуре. Сегодня второе?

— Второе, — подтвердила Татьяна Львовна.

— У нас три дня. И на эти три дня я сам стану Кузнецовым! Такую ревизию проведу — только держись! — кому-то погрозил пальцем директор. Потом снова задумался.— Но почему, почему он прислал телеграмму?

— Может, он изменился,— предположила Татьяна Ивановна.

— Думаете? — недоверчиво посмотрел на нее Андрей Иванович.

— А что? Вполне возможно. Знаете, как теперь люди меняются. Может, и он тоже. И к лучшему.

Директор усмехнулся и решительно встал со своего кресла...

И закипела, зашумела ревизия. Такого в цирке еще никогда не было! Директор, который быстро и свободно вошел в роль Кузнецова, свирепствовал, как один из ураганов, которым метеорологи присваивают женские имена. Каждая бухгалтерская книга, каждый акт, каждая справка были изучены и проверены с пристрастием. Весь цирк был отмыт и подкрашен, как военный корабль перед визитом иностранного адмирала.

Дошло до того, что униформистам — самым большим модникам в цирке — пришлось посетить парикмахерскую и подстричь свои излишне длинные гривы.

Словом, за три дня цирк прошел еще более строгую ревизию, чем та, которую обычно проводил Кузнецов. И все эти тяжелые, авральные дни директор мучительно думал — встречать Кузнецова или нет?

С одной стороны, если человек дал телеграмму, что будет пятого, значит, встречать его надо, надо забронировать гостиничный номер. Но, с другой стороны, он ведь не просит его встречать и не просит гостиничного номера. Что же делать? С одной стороны, может быть, права Татьяна Львовна: люди теперь быстро меняются и, может быть, он тоже изменился, дай бог, к лучшему. Поэтому он прислал телеграмму с сообщением, когда прибудет, понимая, что все остальное директор сообразит сам. С другой стороны, если он не изменился, его встретишь, а он вдруг рассвирепеет? Но почему же он прислал телеграмму?

Все эти сложные умственные построения лишали директора нормального сна и покоя. Он, который в военные годы был разведчиком, потом силовым акробатом, потом дрессировщиком тигров, который не боялся ни фашистов, ни зверей, просыпался в холодном поту и мучительно думал: встречать или не встречать? Бронировать номер в гостинице или нет?..

Наступило пятое, и директор, убедившись, что само-

деятельная ревизия проведена отлично, собрался на вокзал. Он надел свой лучший костюм с колодками военных и гражданских орденов и медалей, взбил редящие волосы и за десять минут до прибытия московского поезда прогуливался по перрону.

Подошел скорый, который в городе Н. стоял всего три минуты. Из вагонов торопливо высадились человек десять пассажиров. Среди них Кузнецова не было. Директор растерянно оглядывался, не зная, что делать дальше. И тут к нему подошел небольшой, щуплый молодой человек лет девятнадцати.

— Простите, вы не из цирка? — вежливо спросил он.

— Из цирка.

— Здравствуйте. Я — Кузнецов.

— Какой Кузнецов? — опешил директор.

— Выпускник студии циркового искусства. Работаю одноколесный велосипед.

— Одноколесный? — тупо спросил директор.

— Да. Одноколесный. Прислан к вам на стажировку. Неделю назад вам отправили из главка письмо... — словоохотливо объяснял одноколесный Кузнецов. — Мне сказали, у вас хорошее общежитие.

И вдруг директор, растерянно слушавший Кузнецова, неожиданно рассмеялся и сказал:

— Да что ты, Кузнецов? Какое общежитие? Я тебе забронировал номер люкс!

ЗВЕРЬ В ОЧКАХ

Анатолий Михайлович Шаронов, весьма солидный мужчина и уважаемый профессор, которого студенты за глаза называли «Зверь в очках» и «Прощай, стипендия!» — пребывал в состоянии крайнего страха и паники. Трудно поверить, но этот человек, который за последние пятнадцать лет ни разу не волновался, ежедневно неторопливо и методично преподавал сопротивление материалов, а потом с иронической усмешкой экзаменовал студентов, задавая им каверзные вопросы и нагоняя на них суеверный ужас своим железобетонным спокойствием, — сейчас был взволнован как молодая актриса перед первым выходом на сцену.

Его ноги, слабые и словно сделанные из ваты, с трудом поддерживали живот и грудную клетку, в которой билось маленькое и на смерть перепуганное сердечко, а зубы нервно жевали погасшую сигарету «БТ».

И все это происходило вот почему.

Ровно пять месяцев назад профессор Шаронов стал обладателем прекрасной «Волги» цвета беж. Четырехколесная красавица стояла во дворе, тихая и кроткая, и, возможно, ее вполне устраивала такая безоблачная жизнь. Но профессору казалось, что стоящая во дворе машина хочет мчаться по московским улицам и лететь быстрее ветра по загородным шоссе.

И Шаронов начал учиться вождению автомобиля.

Пойти на курсы он считал неудобным и учился «частным образом». Поэтому к нему зачастили какие-то Володи, Сережи и дяди Коли — brave и бывалые, пахнущие бензином автомобилисты, которые брались выучить Шаронова автовождению в две недели.

— Будете ездить как часы, — говорили они, небрежно опуская в карман купюры разного достоинства.

Потом Володи, Сережи и дяди Коли терпеливо вдавливали в мудрую голову профессора сложную технику поворотов, разворотов, трогания с места и переключения скоростей, поражаясь профессорской бестолковости.

— Да вы смотрите сюда, — хрипло говорил усатый дядя Коля, — выжимаю сцепление, так? Затем включаю скорость, отпускаю сцепление, даю газок и — будь здоров, поехали! Проще пареной репы!

И действительно, все было проще пареной репы!

Но странная вещь, когда за руль садился дядя Коля или Володя — личности с весьма средним образованием, все было просто. Личности включали стартер, и машина урчала тихо и ласково, как большая добрая кошка. Потом личности выжимали сцепление, включали скорость, отпускали сцепление, давали небольшой газок, и машина плавно и грациозно двигалась с места.

Но стоило за руль сесть профессору Шаронову, как с машиной происходило нечто невообразимое: то мотор рычал, как голодный бенгальский тигр, то, два раза чихнув, вообще затихал, как больной после наркоза.

Наконец машина трогалась... Но как! Только морально опустившийся субъект в состоянии крайнего опьянения мог выделывать такие петли и выкрутасы, тыкаться в

барьеры и внезапно останавливаться. А человек, гордый человек, покоритель природы и создатель высокой техники (в данном случае — профессор Шаронов), взмокший и растерянный, как двести чертей и одна ведьма, беспомощно смотрел сквозь ветровое стекло и, понимая, что делает не то, именно не то и делал!..

Как известно, у человека две руки и две ноги, которыми управляет голова, и чаще всего разумно. По крайней мере, согласованно. Но бедному профессору сейчас всего этого годами проверенного ассортимента явно не хватало.

— Ехайте прямо! — орал дядя Коля, в последнюю секунду вырывая руль из глупых профессорских рук и предотвращая столкновение с газетным киоском.

Но прошло время — и все это оказалось позади! Бравые автомобилисты, не щадя своего времени и профессорских купюр, выдрессировали жертву своей пагубной страсти. Спустя месяц у жертвы исчезло состояние пожарной паники, с которой она в первые дни хваталась руками за рычаги и ногами жала на все педали. Рук и ног уже хватало почти на все операции.

Теперь нужно было только получше выучить правила дорожного движения и сдать экзамен на право вождения автомобиля.

И профессор терпеливо начал изучать «Правила дорожного движения».

Эти правила составлены безусловно высококвалифицированными и многоопытными людьми, которые учли все — от момента выезда из гаража до момента оказания помощи пострадавшим при дорожно-транспортных происшествиях. (Почему-то этот раздел правил запоминается быстрее, чем другие разделы, а в первый раз его суховатую, но суровую прозу читать без слез невозможно!)

Да, люди, составившие правила автовождения, поработали не зря! Они придумали множество пестрых и выразительных знаков, очень близких к абстрактной живописи, но полных глубокого смысла и любви к той части человечества, которая называется пешеходами. Эти знаки разбиты на четыре четких группы: «предупреждающие», «запрещающие», «предписывающие» и «указательные». И если бы в один прекрасный день все благородное человечество начало жить, подчиняясь этим кру-

пицам мудрости, работники милиции вздохнули бы с облегчением и обожали бы автоводителей. Кто знает, может, это когда-нибудь и произойдет!..

И вот профессор Шаронов приступил к изучению этих прекрасных правил и знаков. Следует заметить, что у правил есть один — увы! — непоправимый недостаток: их много. Они с трудом умещаются в пестро оформленной книжечке в полтораста страничек, каждое звучит грозно и непреклонно, и каждое нужно знать назубок. Например:

«Перед остановкой водитель обязан подать сигнал маневрирования, перестроиться в крайний ряд и остановиться вплотную к тротуару, бортовому камню или обочине дороги. Остановка (исключая вынужденную) запрещается...»

И далее следует добрая дюжина пунктов, которые заставляют водителю остановиться, как бы он этого ни хотел.

Скажем, по тротуару идет ваша возлюбленная, ваше любимое существо. Идя пешком, вы конечно же остановитесь как вкопанный. А в автомобиле — не тут-то было! Перестраивайся, маневрируй, учитывай все знаки и ситуации, и, когда вы уже наконец остановитесь, ваше любимое существо будет в добром километре от места вашей разумной остановки...

Но вернемся к нашему герою. Спустя три недели профессор знал все правила и дорожные знаки не хуже, чем свое сопротивление материалов, хотя и этот материал сопротивлялся отчаянно.

И вот сегодня наступил тот самый день, когда будущий автоводитель пришел в главную автомобильную инспекцию, чтобы сдать экзамен на аттестат любительско-водительской зрелости.

Предыдущую ночь он провел без сна. И не только потому, что волновался, а еще и потому, что на рассвете записался в очередь таких же абитуриентов, как он сам, и оказался чуть ли не двухсотым в бурной очереди будущих автонарушителей.

Профессор Шаронов был бледен и взволнован. До открытия автоинспекции оставалось добрых полчаса, и поэтому шумное племя автомобилистов толкалось и шумело в маленьком садике во дворе ГАИ.

В центре этой шумной и пестрой толпы стоял моло-

дой, веселоглазый майор милиции и, приложив к губам трубку радиомегафона, терпеливо и обстоятельно объяснял порядок сдачи экзаменов и отвечал на вопросы. Делал он это с удовольствием, часто острил и, послушав его, каждому казалось, что сдать экзамен не так уж трудно.

Ровно в десять экзаменующихся впустили в маленький операционный зал ГАИ. В центре зала стояли стенды с фотографиями ужасных автомобильных аварий, которые как бы в последний раз призывали вас одуматься и не стремиться на скользкую автомобильную дорожку. Но сотни поклонников автомобилей и мотоциклов, невзирая на этот голос разума, подкрепленный фотодокументами, активно атаковали узкие окошки, за которыми сидели миловидные регистраторши и работники ГАИ.

Профессор ткнулся в одну из очередей, но белозубый здоровяк в майке и капроновой шляпе оглядел профессора и сказал:

— Вам, гражданин, наверное, не сюда. Тут стоят только калымщики, пьяницы и аварийщики, у которых права отняли.

— Да, да, не сюда. У меня еще нет прав,— смущенно пробормотал профессор и отошел от страшной очереди.

Нашел свою.

Встал.

Выстоял два часа, испытал огромное желание положить под язык валидол.

Но и это позади.

Сейчас он ждет, когда его вызовут на экзамен.

Еще полтора часа. Вызвали. Вытянул билет. Взмок и побледнел. Дали время подумать. Профессор жалко улыбнулся и начал отвечать экзаменационной комиссии.

Председатель экзаменационной комиссии, русский молодец в голубой милицеской рубашке, молча слушал профессора, который, к собственному удивлению, утратил обычную стройность речи и путался в придаточных предложениях. Мало того, в его памяти всплыла неуклюжая фраза, когда-то сказанная усатым дядей Колей, и профессор заключил свою речь так:

— ...даю газок и — будь здоров, поехали!

Молодой экзаменатор улыбнулся и опустил глаза. И улыбка была добрая, а не ироническая, с какой обыкновенно смотрел на своих студентов Шаронов. Напротив, он взглянул в экзаменационную карточку профессора и сказал:

— Вы, Анатолий Михайлович, успокойтесь, потому что, как я вижу, понимать вы понимаете, а объясняете неточно. Давайте еще раз.

«Ах, какой молодец! — восхитился про себя профессор. — Понял мое состояние и помог!»

И тут профессор обрел уверенность, начал отвечать спокойно и сдал! Понимаете, сдал экзамен по правилам дорожного движения! Сдал!..

Оставалось еще сдать вождение автомобиля. И пока Шаронов снова ожидал своей очереди, он думал о том, сколько раз и он мог протянуть студентам руку помощи, а не безжалостно топить их на подводных мелях и рифах сопротивления материалов.

«Молодец! Молодец! — восхищался профессор экзаменатором. — Как выручил, как помог! Очень верный метод — не сбивать учащегося, а помочь и выяснить его настоящие знания!..»

Потом Шаронов сдавал автовождение.

Увы, срезался!

Справедливо срезался. Прежде всего, виноват был он сам, а во-вторых — экзаменатор. Нет, он был совсем не так доброжелателен, как его молодой коллега, председатель комиссии. Скорее напротив. Бросал иронические взгляды, переспрашивал сухим голосом, понятно ли задание. Словом, по манере это был сам профессор Шаронов во время экзаменов: иронический, жесткий и внешне беспристрастный.

Словом, Шаронов срезался. Придется сдавать еще раз через десять дней.

На следующий день в институте была экзаменационная сессия, и студенты были поражены: «Зверь в очках», он же «Прощай, стипендия!» принимал экзамены совсем не так, как обычно. Он задавал дополнительные вопросы, давал время на размышления, успокаивал нервных, в общем «Зверь в очках» был человеком.

Что ж, очень может быть, что для того, чтобы понять состояние другого человека, нужно самому побывать в его шкуре!

СЧАСТЛИВАЯ СКАМЕЙКА

У меня есть счастливая скамейка. Она стоит в сквере у Никитских ворот против дома, в котором я живу. А счастливая она потому, что я много раз, сидя на ней, готовился к сдаче зачетов и, как правило, сдавал удачно. Вот и на днях сидел я на своей скамейке и читал конспект по математике. Особой радости от повторения пройденного я, естественно, не испытывал, но игра стоила свеч: завтра последний зачет. Сдаю, и — здравствуй, лучшее время года, здравствуй, лето! Несколько дней отдыхаю дома, потом надеваю куртку студенческого строительного отряда и еду с ребятами в Казахстан, там тружусь на свежем воздухе и зарабатываю некую внушительную сумму... Словом, впереди множество радостных событий — и только в далеком сентябре придется снова идти в институт.

И вот, сижу я на своей скамейке, уткнувшись в конспект, а в сквере тихо и уютно: чистенькие, посыпанные гравием дорожки, яркое солнце, пестрые тени, на деревьях молодая изумрудная листва, в высоком небе ни облачка. Нарядные дети щебечут, как воробьи, воробьи ссорятся и дерутся, как дети.

Рядом со мной, на моей скамейке, сидели две говорливые старушки, из беседы которых я узнал массу новостей — от рыночных цен до успехов медицины в лечении сердечно-сосудистых заболеваний; но они ушли, и я понял: хватит лениться, надо учиться. Но тут на их место села молоденькая светлоглазая женщина с грудным ребенком. Женщина была нежно-розового цвета — и лицо, и платье, и открытые руки, и крепкие, тронутые загаром ноги. А ребенок, такой же розовощекий, как мать, тарашил голубые пуговицы глаз из розового кружевного свертка.

Мать поставила на скамью переполненную хозяйственную сумку и, обмахиваясь носовым платком, с облегчением вздохнула.

— Ф-фу, наконец все! — сказала она не то самой себе, не то младенцу, достала из кармана какую-то шпаргалку и, пробежав ее глазами, в ужасе воскликнула: — А хлеб? Нет, я определенно шляпа!

После этого странного признания она добрую минуту смотрела на меня — в упор и сказала:

— Простите, я вижу, вы тут занимаетесь... Присмотрите, пожалуйста, за ребенком, а я сбегаю — куплю хлеб. Видите, вон булочная, напротив.

— А...— начал я.

— А вы не беспокойтесь! Верочка — тихая как мышка! Она и не пикнет. А я — быстро. Вы только поглядывайте, чтоб она не скатилась на землю. Хорошо?

Я не успел ни согласиться, ни возразить, как Верочкина мать, подхватив свою сумку, побежала в булочную, а мы остались одни — я и тихая как мышка Верочка.

Она действительно молчала и даже очень мило улыбалась беззубым старушечьим ртом. Я тоже улыбнулся и пошевелил перед ее носом пальцами.

И вдруг с неба, ясного и голубого, как глаза Верочки, хлынул дождь. Но какой! Уверяю вас, такого дождя в Москве никогда не было. По крайней мере, на моей памяти.

И тут тихая и кроткая Верочка, которая полминуты назад улыбалась, пронзительно заплакала. Я растерялся, вскочил и мужественно прикрыл ее своим телом. Но дождь, казалось, пробивал меня насквозь, и мы оба мгновенно промокли.

Мимо нас пробегали люди, и какая-то женщина закричала:

— Вот бестолковый! Что же ты ребенка держишь на дожде? Беги в подворотню!

Ее совет прозвучал как нельзя кстати, и я, схватив бедную, зашедшуюся в плаче Верочку и прикрыв ее размокшим конспектом, устремился к ближайшей подворотне.

До нее было метров сорок, и одолел я это расстояние наверняка с мировым рекордом по прыжкам в длину. Даже Верочка, понимая важность происходящего, притихла, но, как только мы влетели в подворотню, заплакала пуще прежнего.

Народу в подворотне оказалось много, и все стали оборачиваться в нашу сторону. Я, конечно, пытался Верочку успокоить и даже встряхивал ее, как испорченный будильник.

— Дайте сюда ребенка! — подошла ко мне смуглая женщина в очках и с темными усиками.

- Пожалуйста,— обрадовался я.
- Ничего удивительного, что ребенок плачет,— заявила женщина с усиками.— Он весь мокрый.
- Так дождь,— объяснил я.
- Не только. Надеюсь, у вас имеются сухие пеленки?
- Н-нет!
- Ну вот,— обратилась она к окружающим.— И у таких людей — дети! А где мать?
- Пошла в булочную.
- Конечно: все должны делать женщины! Вы что, не могли сбегать в булочную? Надо гонять бедную жену? Вам не стыдно?

Я хотел объяснить ситуацию, но на меня смотрело столько осуждающих глаз, что я взял Верочку и направился к выходу из подворотни, так как решил, что самое верное в моем положении добежать до булочной и отдать Верочку ее матери.

А дождь по-прежнему не унимался.

До булочной было добрых сто метров, так как подворотня, в которую я примчался с бульвара, была в противоположном направлении.

— Ладно, авось не растаю,— решил я и, укрыв Верочку своей мокрой курткой, побежал к булочной.

— Этот зверь простудит ребенка,— были последние слова, которые донеслись до меня из подворотни.

Я всегда знал, что самая тяжелая дистанция в беге — стометровка. Но бежал-то я не в трусах и шиповках, а с ребенком на руках, под проливным дождем и в сандалях на скользкой резине. Не знаю, как бы с такой дистанцией справился Борзов, но я ее одолел и, едва не рухнув, влетел в булочную.

Увы, к моему ужасу, Верочкиной матери там не было.

Что делать?

Бежать к скамейке? Но я же не зверь, в самом деле, чтоб простудить ребенка! И решил: живу я в соседнем доме, забегу-ка на минутку домой, оставлю Верочку с моей мамой, а когда кончится дождь, пойду к своей скамейке искать Верочкину мамашу.

Разумно? Разумно! И, через три минуты я нажимал кнопку звонка нашей квартиры. Открыла дверь мама, которую легче всего определить такими старинными словами, как «дама» или «мадам», потому что такое совре-

менное слово, как «гражданка» или «товарищ», ей мало подходит.

Распахнув дверь и увидев меня с мокрыми, слипшими-ся волосами и с таким же мокрым, как я, плачущим ребенком на руках, мама отступила в глубь передней, всплеснула руками и, после драматической паузы, хрипло спросила:

— Кто это?

— Верочка,— бодро ответил я и торопливо начал рассказывать: — Понимаешь, я сидел на скамейке и готовился по...

Однако мама меня не слушала, а испуганно смотрела на Верочку.

— Сколько ей?

— Не знаю,— пожал я плечами.— Я сидел на скамейке и готовился по...

— Ну и ну! — скорбно покачала головой мама.— Даже не знаешь, сколько ребенку...

— Откуда я могу знать? Я ведь рассказываю: я сидел на скамейке и готовился по...— И я, хотя и несколько путано, изложил, каким образом мокрая Верочка оказалась у меня.

Мама с грустью смотрела на меня и качала головой. И тут в передней возник папа в новой нижаме, которой он очень гордился.

— В чем дело? Что за крик? — бодро спросил папа.

— Поздравляю тебя, милый! — торжественно произнесла мама.— Насколько я понимаю, ты стал дедушкой. Ее зовут Верочка. Это все, что я знаю...

— О чем ты говоришь, мама? — закричал я.— Я же тебе все объяснил! Я сидел на скамейке и готовился по...

— Не ори и расскажи эту басню отцу,— сухо сказала мама.— Дай сюда ребенка!

Забрав у меня Верочку, мама прошла в столовую. Мы с отцом последовали за ней. Я рассказал свою печальную повесть еще раз.

Пока я рассказывал, мама, имеющая огромный опыт в уходе за детьми (нас у нее четверо, я — младший!), ловко распеленала Верочку, добыла какую-то чистую холстинку вместо пеленки, и Верочка не только перестала плакать, но даже заулыбалась.

Я думал, что папа поймет мой рассказ правильно, но

он, так же, как мама, с грустью смотрел на меня и качал головой, а потом решительно сказал:

— Ну что ж, бывает! Конечно, в наше время такое случалось реже, но будь мужчиной. Что-нибудь придумаем.

— Товарищи! — заорал я. — Вы что, с ума сошли? Почему вы мне не верите? На каком основании, черт возьми...

Услышав мой вопль, Верочка задрыгала сарделечными ножками и снова заплакала.

— Замолчи сейчас же, — строго одернула меня мама, — ты пугаешь ребенка. Мы хотя бы знакомы с ее матерью?

— Я же вам говорю: это не мой ребенок! Не мой! Почему вы мне, черт возьми, не верите? — шипел я, как удушенный, так как боялся потревожить своим криком Верочку.

Мама и папа многозначительно переглянулись, потом папа перестал смотреть на маму и сказал:

— Ну вот что: хоть твой рассказ и звучит странно, я попытаюсь тебе поверить...

Тут у мамы сделалось такое лицо, какое наверняка было у Архимеда, когда он выскочил из ванны с криком: «Эврика!», и мама воскликнула:

— Мы — глупые люди! Она подкинула ребенка. Подкинула!..

— Как подкинула?! — удивились мы с папой хором.

— Увидела — молодой человек из порядочной семьи — и подкинула. Поняла, что ребенок попадет в хорошие руки...

— А откуда она узнала, что я из порядочной семьи?

— Это видно по тебе за квартал. Не шантрапа какая-нибудь. Одет, ухожен. Даже пострижен, как люди. Очень может быть, что она специально следила за тобой.

— Думаешь? — усмехнулся папа.

— Уверена!

Скажу честно, мамина уверенность заставила и меня дрогнуть. В самом деле, Верочкина мать вела себя, честно говоря, удивительно: ребенка оставила, а сумку с капустой и мороженой рыбой поволокла с собой. А с другой стороны, я вспомнил лицо Верочкиной матери. Го-

лубые глаза, темные ресницы, нежные коралловые губы, ее смущенную улыбку...

— Да нет, не может быть! — решил я.

Мама саркастически посмотрела на наши с папой вытянувшиеся лица и предложила:

— Пожалуйста, можете убедиться: пройдите к этой злосчастной скамейке и подождите ее. Только возьмите с собой бутерброды и термос с чаем.

— А я уверен, что она там! — убеждая самого себя, заявил я. — Дай Верочку.

— Зачем? Пусть ребенок побудет у нас. На улице он простудится. А вы, — обратилась мама к нам с отцом, — кроме бутербродов возьмите зонтик и плащи.

Папа пожал плечами, но покорно кивнул, — дескать, мне что? пожалуйста! могу пойти! — и с грустью посмотрел в окно, за которым продолжался дождь.

— Не надо, я один пойду! — решительно сказал я, надел плащ и вышел из квартиры.

А дома, в мое отсутствие, разыгралась следующая сцена... (Ее содержание папа мне рассказал позднее, и, хотя я и не присутствовал, вижу эту сцену в деталях.)

Папа, человек добрый и справедливый, посмотрел на Верочку и сказал:

— Прелестный ребенок! Сплошное очарование!

— Действительно, — согласилась мама и, после недолгого размышления, заявила: — Ты знаешь, Верочка не подкидыш, а его дочка!

— Костика?! — удивился папа. — Почему ты так решила?

— Объясню, — сказала мама. — Ты обратил внимание, как он мечтает о поездке в Казахстан?

— Ну?

— В прошлом году он был там же. Значит, в прошлом году он встретил Верочкину мать и они тайно от родителей поженились.

— Ты думаешь?.. — с сомнением спросил папа.

— Уверена!

— Допустим, — согласился папа. — А каким образом Верочка попала к Костику? Не прислала же она ее по почте...

— Наивный человек! — снисходительно усмехнулась мама. — Она не дождалась Костика и приехала из Казахстана в Москву:

— Так почему Костик ее не привел к нам?

— Или она не хотела идти, или он побоялся! — легко и просто объяснила мама.

— Н-да... — папа пожевал губами. — Нет, это слишком фантастично...

— Ты не знаешь современную молодежь, — и тут нашлась мама.

Папа пропустил это замечание мимо ушей и вновь пожевал губами:

— Мне кажется, ты желаемое выдаешь за действительное.

— Желаемое?! — возмутилась мама. — Ты думаешь, что я хочу...

— А почему, между прочим, и нет? Костик через два года инженер и, если он встретил хорошую женщину...

— Хорошую... — иронически улыбнулась мама.

— Да, хорошую! Верочка — просто прелесть. Может, и ее мать такая же. И если это уже случилось, — папа обреченно развел руками и втянул голову в плечи: он всю жизнь был фаталистом, — и если это уже случилось — что делать? Примем как должное. Как подарок судьбы!

Мама долго смотрела на папу, потом тоже развела руками:

— Нет, Леонид (обычно мама называет папу «Леня» или «Лёдик», и только при серьезных разговорах — «Леонид») ... — Нет, Леонид, я должна знать, кто эта женщина и что она из себя представляет. Я — мать, и судьба моего сына...

— Людмила! — тоже официально сказал папа (обычно — «Люся» или «Милочка»). — Людмила! Не будем консерваторами. Жизнь есть жизнь! Новое время, новые песни! Если тебе память не изменяет, твои родители тоже были против нашего брака... Да-да! — Папа остановил маму растопыренной пятерней. — Против! Они в меня не верили. Я им не нравился. Я был бедный студент. И ты молодец, что не послушала их... Как мне кажется, ты об этом не жалеешь?

Мама почему-то промолчала, и, о чем она думала в это время, не известно никому.

— Что же ты предлагаешь? — спросила она, переменяя тему разговора.

— Не будем твоими родителями! — сформулировал свое предложение папа.

— При чем тут мои родители? — обиделась мама.— Они прекрасные люди!

— Не спорю,— великодушно согласился папа...

Пока происходил этот разговор, я уже оказался на улице и с радостью заметил, что дождь стал реже и в лужах, как в нарзане, шипят и лопаются большие радужные пузыри. Я поднял воротник плаща и быстро зашагал к моей, еще недавно счастливой, скамейке.

Там, невзирая на дождь, толпилось человек пятнадцать, включая рослого милиционера, который в темно-зеленой болонье издали напоминал кипарис.

Подойдя к толпе поближе, я увидел, что против милиционера стоит рыдающая Верочкина мать в промокшем розовом платье.

— Гражданка! Девушка! — закричал я обрадованно.— Не волнуйтесь, вот он я.

Верочкина мама ошеломленно посмотрела на меня, узнала и, оттолкнув стоящих рядом, бросилась ко мне:

— Ой, вот он! Где Верочка?

— У нас дома. В тепле. С нею моя мама. Я напротив живу,— сам себя перебивая, сообщил я Верочкиной маме.

— Вот видите! — сказал милиционер.— Все нормально, а вы плачете.— После этого он обратился к немолодой женщине в клетчатом берете: — Видите, гражданка, все как я говорил: ребенок нашелся. Он в тепле. А вы что выдумали?

— Я... ничего,— смутилась женщина в берете.

— Как «ничего»? Говорили, что он не студент, а жулик. Ребенка украл и будет под него милостыню просить. Говорила? — обратился милиционер к окружающим гражданам, и те подтвердили.— Ну вот, нехорошо, гражданка! У нас этого не бывает. Слава богу, не Соединенные Штаты! — сказал милиционер.

А я тем временем пригласил Верочкину маму к нам. Она смущенно посмотрела на меня прекрасными голубыми глазами и произнесла:

— Ой, спасибо вам большое! Я так волновалась...

— Все хорошо, что хорошо кончается,— бодро сказал я, забрал у нее тяжеленную сумку, из которой торчали два хлебных батона, и тактично переменял тему разговора,— Верочка замечательный ребенок. Действительно, тихая как мышка.

— Правда? — заулыбалась Верочкина мама, и ее лицо засияло, словно его осветило солнце.

Впрочем, солнце его действительно осветило, так как дождь кончился и вдали, над Новым Арбатом, где громоздились многоэтажные здания, повисла красивая, еще влажная радуга.

Верочкина мама посмотрела на меня еще раз и сказала:

— И почему мы все так плохо думаем о людях? Честное слово, большинство из них этого не заслуживают! Правда?

Вспомнив мамины предположения о Верочкиной маме, я охотно согласился.

В это время мы уже поднялись на наш этаж и я нажал кнопку дверного звонка. Дверь открыл папа. На нем была не новая пижама, которой он очень гордился, а его лучшая сиреневая безрукавка и наутюженные брюки, остатки шевелюры аккуратно распределены по всей поверхности лысины. Понятно: ждал гостей!

Мама тоже была в другом, выходном платье.

— Знакомьтесь, — гордо поглядев на своих родителей, сказал я.

Папа и мама, кое-как скрыв крайнее удивление и растерянность, назвались. Назвалась и Верочкина мама.

— Алла, — сказала она, протягивая руку и краснея. — Земляникина. Вы уж тысячу раз извините, что так получилось. Все потому, что я... — начала объяснять Алла, но ее увидела и узнала Верочка, что-то залопотала, засучила ножками, и Алла бросилась к ней, взяла ее на руки, бурно расцеловала и смущенно заулыбалась: — Ох, и натерпелась я страху. А ты, — обратилась она к Верочке, — смеешься и горя не знаешь.

— Садитесь, пожалуйста, — вежливо сказал папа, пришедший в себя быстрее мамы.

— Да-да, прошу вас, — поддержала его мама. — Обед у меня почти готов.

— Что вы, какой обед? — замахала обеими руками Алла. — Мы уже давно должны быть дома. Там уже, наверно, очень волнуются.

— А позвонить нельзя? — осведомился папа.

— К сожалению, — покачала головой Алла. — Мы недавно переехали в новый дом, и телефон, как говорится, в будущем.

— Разве вы не из Казахстана? — удивилась мама.

— Нет, я москвичка.

— Вот оно что! — разочарованно сказала мама и посмотрела на папу, а он весело улыбнулся, потому что мамина стройная теория рушилась на глазах.

А Аллочка торопливо запеленала тихую как мышка Верочку, мельком взглянула на себя в зеркало и, видимо смутившись, что растрепана и в мокром платье, заторопилась:

— Даже не знаю, как вас благодарить. И вас...

— Он — Костик, — подсказал папа.

— Костик, — повторила Аллочка. — Спасибо вам, Костик, и большое спасибо всем.

Мои родители с нежностью смотрели на современную мадонну с младенцем и, готов поклиться, весьма сожалели, что мадонна — не моя жена, а младенец — не моя дочь. Если честно, я тоже пожалел об этом.

— Верочка — прелестный, очаровательный ребенок, — сказал папа, заделывая пробоину в общем разговоре.

— Умница! Красавица! И очень добрая, — как всегда поддержала папу мама.

— Да, — кивнула Аллочка, — мы все ее очень любим.

Разумеется, и маме, и папе, и мне очень хотелось спросить «кто это мы все?», но, сами понимаете, воспитанные люди таких вопросов не задают и, возможно, поэтому многого не знают.

А Аллочка совсем заспешила:

— Ну, еще раз извините за беспокойство, и большое спасибо! Нам — пора.

— Костик вас проводит, — находчиво предложил мой папа. (Дай ему бог здоровья!)

— Конечно! С удовольствием! — обрадовался я и ухватил Аллочкину хозяйственную сумку.

А мама, провожая Аллочку к дверям и пересмеиваясь с лопочущей Верочкой, говорила:

— Как жаль, что вы торопитесь. Поверьте, нам чрезвычайно приятно знакомство с вами.

— Это — взаимно! — снова краснея и опуская глаза, ответила Аллочка.

— Тогда запомните наш адрес и — милости просим! С Верочкой! — приложив руку к груди, поклонилась мама.

— И будем благодарны Господину Случаю, который нас познакомил,— с галантной улыбкой добавил папа.

О чем говорить? Прием прошел в теплой и дружественной атмосфере...

И вот мы с Аллочкой идем по улице, и, честное слово, я, человек начитанный, в меру образованный и довольно находчивый, а по мнению многих моих друзей — еще и остроумный, не знаю, о чем говорить. Почему-то хочется сказать, какой прекрасный воздух после дождя и сколько в нем озона... Ну? И тогда, чувствуя, что дальнейшее молчание неприлично, я произношу тоже банальность, но хотя бы не о погоде. С ухмылкой начинающего идиота я говорю:

— Вы знаете, Верочка удивительно похожа на вас.

— Это все говорят,— соглашается Аллочка и поясняет: — Так и мы с сестрой очень похожи.

— С какой сестрой? — продолжаю я ухмыляться.

— Старшей. Анютой,— говорит Аллочка.

— Позвольте! — кричу я. — Позвольте...

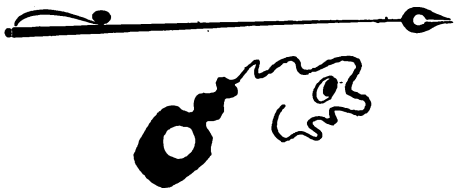
Да, вы догадались: Аллочка не мама, а тетя тихой как мышка Верочки. А старшая сестра Аллочки — Анюта — поехала на Шереметьевский аэродром встречать Верочкиного папу, который год работал на Кубе и Верочку еще не видел. Вот почему весь букет хозяйственных забот, включая предобеденную прогулку с Верочкой, свалился на бедную Аллочку, которая сегодня работает во вторую смену. А по профессии она ткачиха и, окончив десятилетку, пошла на Трехгорку. Но будет учиться на художника по тканям...

Все остальное вам уже известно. Частично. Вы не знаете только того, что зимой мы с Аллочкой поженимся и мои родители полностью одобряют этот брак.

Мало того, мама даже уверяет, что Аллочка ей понравилась с первого взгляда. Папа тоже. Тем лучше! Потому что я, если быть честным, утверждать этого не могу.

— А все — спасибо моей счастливой скамейке!





ЧЕРНАЯ БУТЫЛКА

Вот такая фантастическая история недавно произошла с весьма уважаемым человеком, заслуженным деятелем искусств, композитором Николаем Павловичем Растумановым... Значит, так. Вернулся он домой с крайне важного заседания о путях развития советской песни. Записка:

«Коля, миленький! Ушла на кройку и шитье. Обед под одеялом и в холодильнике. Буду в семь. Целую. Лена».

Под одеялом — это суп и битки, чтобы не остыли, в холодильнике — компот, чтоб, наоборот, остыл.

«Ладно, — подумал Растуманов, — пообедаю один. А может, для поднятия духа позволить себе маленькую?.. Тем более Лена отсутствует».

Николай Павлович подошел к серванту — графинчика не было. Понятно: Лена спрятала. «Считает, что при моем давлении это вредно. Та-ак», — вздохнул Растуманов и вспомнил, что у него уже лет пять стоит бутылка арабского коньяка. Красивая, почти черная бутылка с золотой этикеткой. Надо ведь когда-нибудь ее откупорить.

Достал бутылку, открыл, пошел за рюмкой и видит — из бутылки струится не то дым, не то какая-то сплошная облачность. И вдруг эта облачность принимает странную форму и превращается в фигуру. Мужскую. Мало того, в тюрбане и с бородой.

«Ерунда какая! — подумал композитор. — Наверно, на почве переутомления после совещания...»

Но мужчина, появившийся из бутылки, приложил руки к груди и улыбнулся:

— Здравствуй, добрый человек! Пусть всегда будет солнце над твоей лысиной!

Растуманов, сами понимаете, обомлел.

— Это вы мне? — проямлил Растуманов чужим голосом.

— Тебе, добрый человек, да продлятся твои дни и будут счастливы твои близкие!

— Спасибо, — кивнул Растуманов, предусмотрительно отойдя к стене, и спросил: — Простите, кто вы, собственно, есть? И почему, если не секрет?..

— Я — Муслим - Абдул - Магомай - Фазиль - Искандер - ибн - Иеремия - Гамид - бей - младший.

— И все это вы один? — удивился Растуманов. — А, простите, так сказать, ваша профессия?

— Джинн, — скромно склонил голову Муслим-Абдул и прочее, включая Гамид-бей-младший.

— Как джинн? На бутылке написано «коньяк».

— Написано. А я джинн. Волшебник. И ты, добрый человек, спас мне жизнь, выпустив меня из бутылки.

— А как вы в нее попали? — поинтересовался Растуманов.

— Интриги! — печально улыбнулся джинн. — Поспори с одним наглым джинном, слово за слово, я полез в бутылку, он этим воспользовался... Да, — добавил старик в тюрбане, расправляя кости, — шестой год в бутылке, пятый в твоём шкафу. Ты что же, добрый человек, непьющий?

— Да как сказать... У меня давление, и, если б не Лена, вы бы давно были на свободе.

— Лишний раз убеждаюсь, что все несчастья от женщин! — усмехнулся джинн... — А теперь слушай: в благодарность за мое освобождение, перед тем как исчезнуть, я готов выполнить любое твоё желание. Хочешь, я тебе выстрою дворец?

— Что? — растерялся Растуманов.

— Дворец. Или дом.

— Где?

— Где твоей душе заблагорассудится.

— Вы что?.. — рассмеялся композитор. — Чтоб выстроить дом, надо иметь участок. А это — минимум два

года бегать по инстанциям, доставать ходатайства, искать общих знакомых...

Нет, так долго я ждать не могу,— сказал джинн.— Годы летят, а я и так шесть лет потерял в бутылке. Слушай, а может, у тебя есть друг и я построю дом на его участке? — предложил джинн.

— Ну постройте. А придут товарищи из ОБХСС и спросят: «Откуда у вас дворец?» Что я скажу?

— Скажешь: построил джинн.

— Думаете, они поверят? — махнул рукой Растуманов.

— Что же делать? — задумался джинн.— Слушай, а что, если я тебе верну молодость? Тебе снова будет двадцать лет, будешь молод, красив, энергичен... Начнешь жизнь сначала!

— А что, это мне нравится... — заинтересовался композитор.

— Тогда закрой глаза и скажи:

Не хочу быть стар и сед,
Пусть мне будет двадцать лет!
Хо-хо! Ха-ха!

— Что ж, пожалуйста,— согласился Растуманов, набрал побольше воздуха в легкие, словно собирался петь, и закрыл глаза.

Но тут же их открыл.

— Постойте,— сказал композитор.— В семь часов Лена вернется домой, и вместо меня ее встретит двадцатилетний мальчишка, так?

— И что же? — спросил джинн.

— Разве ей нужен такой муж? Солидная женщина в норковой шубе... Она же меня, двадцатилетнего, выгонит из дому.

— Возможно,— согласился джинн.

— Значит, жены у меня не будет? А квартира? Эта прекрасная кооперативная квартира? Тоже не будет?

Джинн печально развел руками.

— А гараж? Все — прости-прощай? Вы что, смее-тесь? Столько потрачено сил и здоровья — и все начинай сначала? А если на этот раз не получится? Нет, голубчик, эта идея с молодостью мне полностью не подходит,— категорически сказал Растуманов.— У человека положение в обществе, авторитет, звание, квартира, гараж,

и от всего отказаться из-за какой-то сомнительной молодости? Нет, на это я не пойду.

— Хорошо,— терпеливо сказал джинн.— Дворец тебе не нужен, молодость не нужна... Чего же ты хочешь, добрый человек?

— Ничего! — гордо сказал композитор.— У меня все есть.

— Как же мне быть? — обеспокоенно спросил джинн.— Мы привыкли, когда нам оказывают услуги, благодарить чудесами. Я хочу тебя отблагодарить, сделать какое-нибудь чудо.

— Не на-до! — твердо ответил Растуманов.— Вы делаете чудо, а я потом отвечай и расхлебывай. Не надо!

— Тогда прощай. Еще раз благодарю тебя. Будь счастлив! — произнес джинн и начал растворяться в воздухе.

— Минуточку! — закричал Растуманов.— А как же коньяк? Бутылка-то пустая! Вот человек! Болтал про какие-то чудеса, а весь коньяк тю-тю.... Эй, джинн, будьте любезны!..

Но джинн уже полностью растворился и ничего не ответил.

...Так окончилась эта фантастическая история. Не знаю, как вы, но жена Растуманова рассказу своего мужа не верит, хотя вернувшись домой, застала его в позе глубокой задумчивости перед пустой черной бутылкой от арабского коньяка.

СЫНОЧЕК

Митрофан Сергеевич перевернулся с правого бока на спину, пожевал губами и открыл глаза. Потом взглянул на часы. Они показывали половину пятого.

«Да,— подумал Митрофан Сергеевич,— ничего полезнее, чем послеобеденный сон, не бывает. Всего полтора часа — и ты другой человек. Усталость — как рукой...»

Впрочем, если быть честным, Митрофан Сергеевич не так уж сегодня и устал. Дело происходило в субботу, встал он в девять, посмотрел по телевизору утреннюю зарядку, плотно позавтракал, почитал газеты, пообедал и вот — поспал после обеда.

В это время в комнату вошла маленькая старушка в очках и теплом вязаном платке. В руках у нее была белая фарфоровая чашка.

— Проснулся, сынок? — спросила она улыбаясь.

— Проснулся, — ответил Митрофан Сергеевич, сел и поискал ногами комнатные туфли.

— А ну-ка, отведай! — сказала старушка, протягивая ему чашку.

— А что это?

— Квас.

— Какой квас?

— Хлебный.

— Ну зачем это, мама? В доме и боржом, и нарзан в холодильнике...

— Велика важность твой нарзан! Шипит как бешеный, в нос шибает, а вкуса никакого. Говорят, люди в нем ванны принимают. Другие, значит, купаются, а ты пьешь. А это вещь чистая, гигиеническая. Отведай, отведай, еще попросишь!

— Стоило вам возиться, время терять... — пожал плечами Митрофан Сергеевич и с удовольствием начал пить.

— А как же! Зачем корки зря выбрасывать? Не хозяйственно. Я еще вам капусту заквашу, огурчиков засолю...

— Зачем? Все это есть в магазинах, самого высокого качества!

— Ну, в магазинах только цены самого высокого качества, а так приготовить, как мама, с перчиком, с клюквой, — куда им! Уеду, огурчик возьмешь — маму вспомнишь. Кто знает, когда снова свидимся... — грустно сказала мать Митрофана Сергеевича, опускаясь на стул.

— Скоро, мама, скоро... — успокоил ее сын, ставя чашку на стол.

— Знаю твое «скоро». Снова три года пройдет. А наше дело стариковское... Иной раз такие мысли бывают... Думаешь: кости старые, любая хворь прицепится, слягу, чего доброго, и не увижу тебя...

— Ну что за мысли, мама? — развел руками Митрофан Сергеевич.

— Ну, ладно, ты ведь у меня всегда был ласковый...

— Такой характер.

— Потому, сынок, ты многого и добился. И квартира у тебя со всеми достижениями техники, и служба...

— А все вы!.. Вы меня в люди вывели, мама. Себе небось в необходимом отказывали, а мне, помню, и деньги, и посылки...

— Да что ты! Какая ж я была бы мать, если б не помогала?

— Нет, нет, мама, за это спасибо. Этого я никогда не забуду! — с жаром сказал Митрофан Сергеевич. — А служба... Так это... обстоятельства. Одного сняли, надо кого-то назначить на его место. Меня! Другого сняли, — опять меня! Третьего... Глядишь, и фигура! Такая ситуация!..

— Ну и дай им бог здоровья! — согласилась старушка. — Кваску еще налить?

— Не откажусь!

— Вот видишь. В Москве такого с огнем не сыщешь.

— Что-то вам в Москве многое не нравится, — усмехнулся Митрофан Сергеевич. — Ну, а Москва, Москва-то сама вам нравится?

— А как же, нравится. Город огромный...

— Опять вы говорите «огромный»! Громадный.

— Ладно, пускай громадный. Только ты не серчай.

— «Не серчай»! Не сердись, поняли? Не сердись!

— Поняла. Агро... это... большой город, что говорить. Шумный такой...

— Так это же плохо, что шумный. А воздух?

— Что воздух? — не поняла мать Митрофана Сергеевича.

— Тяжелый... На улицах бензин, в квартирах газ.

— Вот газ — это да! Это красота! Раз-два — и готово! Прекрасная вещь, — восхитилась старушка.

— А катастрофы? А несчастные случаи?

— Какие случаи?

— В Москве, говорят, ежедневно до двухсот жертв уличного движения. Верите, мама, с тех пор, что вы в Москве, места не нахожу, — сказал Митрофан Сергеевич, нервно шагая из угла в угол.

— А что? — испугалась старушка.

— Как что? Человек вы уже не молодой, к нашему движению не привыкли. Машины, автобусы, троллейбусы. А вы ходите...

— Так ходить надо с умом. Ты не волнуйся. Я по правилам хожу. Другие шмыгнут между машинами, шмыг туда, шмыг сюда, а я стою. Час простою, а пока не увижу,

какую лампочку милиционер зажжет, с места не двинусь. Зажжет красную — стою, жду; зажжет зеленую: троллейбусы, автобусы меня уважают — стоят, а я иду. И в метро тоже соображаю. На скулатор встану и...

— Эскалатор. Эс-ка-ла-тор,— поправил Митрофан Сергеевич.

— Ну, не сердись. Я ведь только говорю неправильно, а езду как надо: стою справа, прохожу слева, на перила не блокачиваюсь...

— Нет, нет, мама, что вы ни говорите, но когда вы живете у себя дома, мне как-то спокойнее. И еще одно: вы привыкли рано ложиться, рано вставать. А у нас гости. Люди весьма, так сказать, уважаемые, ответственные. Преферанс, то-се...

— Я понимаю, что ответственные, если до трех ночи в карты играют.

— Ну вот! Мешают вам отдыхать.

— Чем же мешают? Я и не вижу этих ответственных. Я на кухне сижу.

— Вот-вот... Сидите, недосыпаете. Нет, мама, вам надо жить или у себя, или, если скучно, у брата Гриши. Он живет на тихой станции. Да и Петька — забавный чертенок...

— Сережа,— сухо поправила своего сына старушка.

— Какой Сережа?

— Чертенок этот, не Петька он, а Сережа.

— Ну пусть Сережа. Забавный мальчонка. Я в прошлом году проезжал мимо, и, пока поезд стоял, столько про вас разговоров было! А Петька, то есть Сережа, тот просто плачет: когда же, говорит, бабуля наконец придет? Я ведь что хочу сказать...

— Я поняла, сынок, поняла,— после паузы проговорила старушка.— Так что — завтра или послезавтра?

— Что завтра?..

— К Грише уезжать — завтра или послезавтра?

— Что вы, мама? Вы нас просто обижаете. Разве я к тому? Живите, пожалуйста! Милости просим!

— Ладно, сынок. Уеду. Я ж для тебя все сделаю. Я же все как лучше хочу. Так — пускай так!

— Мама, я же не это хочу сказать. И я говорю, и моя супруга говорит...

— Знаю, знаю, что она говорит. Так и слышу ее голос! — грустно сказала старушка.

— Нет, мама, она ведь вас любит, любит, как родная дочь...

Но старушка, махнув рукой и взяв со стола чашку, медленно ушла на кухню. И тут же в комнату вошла Зоя Викентьевна — жена Митрофана Сергеевича — голубоглазая, пышущая здоровьем, дородная блондинка в пижаме с короткими брючками.

— Ты убийца, — нервно сказала Зоя Викентьевна. — Ты говоришь, что ты хороший сын, но в действительности ты — убийца.

— Я?! — удивился Митрофан Сергеевич.

— Да! Ты что, ребенок, не понимаешь, что наша мама, такая глубокая старушка из глубокой провинции, не может жить в столице. Только и слышишь: чья-то мама переходила улицу — бац! — попала под автобус! Чья-то мама переходила улицу — бац! — попала под машину!.. Веришь, услышу такое и вся вздрагиваю: а вдруг это, упаси господи, она, наша старушка? Дальше: у себя на периферии она привыкла к нормальному сну, привыкла ложиться и вставать с петухами и курами. А у нас? Сидеть с нами ей неинтересно...

— Она и не сидит, — обиженно поднял плечи Митрофан Сергеевич.

— Я не возражаю. Пусть сидит. Мне же ее просто жаль: собираются интеллигентные люди. Сидят. Вот — Виктор Аполлонович, человек с самым высшим образованием, прекрасно танцует. На днях он пришел, твоя мама ему открыла дверь. Он спрашивает, дома ли я... то есть мы. Мы оба. Ты был на службе. И твоя мама говорит: «Она, говорит, дома, а сам-то уехавши!» Понимаешь? «Сам-то уехавши!» Виктор Аполлонович меня спрашивает, кто это, и, веришь, мне ее было так жаль, что у меня язык не повернулся сказать, что это твоя мама. Я сказала, что это одна знакомая няня зашла на огонек.

— Ну зачем это? Зачем? — обиженно спросил Митрофан Сергеевич.

— Только для тебя. Надо понимать, кто ты. Ты руководящий товарищ, люди равняются по тебе, ты своеобразный образец — и вдруг такое... Я понимаю, это не ее вина. Такое было время. Где эта бедная старушка могла хлебнуть культуры? Но с другой стороны, все эти

перлы: уехавши, раздемши, всамделишний, астобус... Ужас!..

— Дорогая! Я сам краснею, но не можем же мы ее теперь послать в школу? — нервно улыбнулся Митрофан Сергеевич.

— Понимаю. Но она тебя может уронить!

— Как уронить?

— Уронить в глазах. Разве можно в наше время падать в глазах? Ты посмотри, чего ты добился: ты — лицо, ты — фигура, квартира в центре, жена — красавица. Ты замечательно относишься к ней...

— К кому — к ней? — не понял Митрофан Сергеевич.

— Не ко мне, конечно, а к маме. Ты прекрасный сын! Ты каждый месяц отваливаешь ей тридцать рублей. Это же не шутка! Рубль в день! На периферии это огромные деньги. Там на гривенник можно залиться молоком! Это не Москва, где приличный обед или бутылка коньяку двенадцать рублей. И вот меня удивляет: ты, так хорошо относясь к ней в частности, так плохо относишься к ней в целом. Человек из-за тебя ежедневно недосыпает, рискует жизнью, переходя улицу. И во имя чего? Чтобы повидать тебя! Так ты мог поехать к ней. Зачем ей было трястись в поезде, с этими узлами? Как это все глупо! У тебя был отпуск...

— Ну зачем ты говоришь об отпуске? В отпуск ты захотела на юг — и мы поехали на юг, — позволил себе не согласиться Митрофан Сергеевич.

— Пожалуйста. Если бы ты захотел, я бы могла поехать на юг одна.

— Нет, на юг ты больше одна не поедешь. Хватит!

— Тогда можно было придумать что-нибудь другое. Взять командировку, — не сдавалась Зоя Викентьевна.

— Это нереально. Там нет наших объектов.

— Страшный человек! Отдавай им последнее, воспитывай, люби, и после всего этого родная мать для него, видите ли, объект! У меня сердце разрывается за нашу бедную старушку. Она у нас уже десять дней...

— Девять, — уточнил Митрофан Сергеевич.

— Я считаю день приезда, — в свою очередь уточнила Зоя Викентьевна.

— Она приехала вечером. А день приезда и день отъезда считаются за один день, — подытожил Митрофан Сергеевич.

— Это у командировочных, а не у родителей,— резонно заметила Зоя Викентьевна. Она у нас уже десять дней. Вы повидались, поговорили, вспомнили каких-то Назар Петровичей и Егор Ивановичей. А дальше? А дальше?! Ты знаешь, как я ценю родственные чувства. Мои родственники меня тоже обожают, но ты когда-нибудь видел у нас хоть одного моего родственника?

— Прости меня, но ты говоришь чепуху! К родственникам можно относиться как угодно, а это мама! Понимаешь, мама! Ты, кажется, читаешь газеты, фельетоны всякие. Везде пишут, что к родителям надо относиться хорошо, уважать их, окружать вниманием, любить...

— Пожалуйста, люби, но логично! Окружай, но...

— Что «но»? Не толкай меня на глупости! Надо думать о последствиях... Кто-нибудь напишет куда-нибудь, а я все-таки фигура! И к тому же не беспартийный, которым все можно! Ну, приехал человек. Не кто-нибудь, мать же приехала... Что делать? Пусть поживет. Потерпим еще несколько дней.

— Пожалуйста! Я и так терплю. Разве я что-нибудь говорю? Разве я против родителей? Я за! Я же ее не гоню. Ты говоришь — еще несколько дней. Пожалуйста. Пусть живет еще год, два, три... дня! Короче говоря, я позвоню Виктору Аполлоновичу — он достанет билет. Скажем, на послезавтра. А ты, честное слово, ты немножко подумаешь и сам согласишься, что я права.

— Так я ведь... собственно... и не спору,— тактично согласился Митрофан Сергеевич.

— Ну вот и прекрасно,— весело сказала Зоя Викентьевна.— Виктор Аполлонович, между прочим, билет уже достал. Дай ей билет, поговори, только тактично. Она умная женщина, она поймет, как мы к ней относимся!

И Зоя Викентьевна выпорхнула из комнаты, сверкнув загорелыми икрами, которые не прикрывали короткие брючки пижамы.

А через десять минут Митрофан Сергеевич, бережно обняв мать за плечи, тихо и ласково ей говорил:

— Мама, милая, поймите. Вы же видите, как мы к вам относимся.

— Вижу, сынок, вижу,— не глядя сыну в глаза, сказала мать.— Бери билет, поеду к Грише.

— Билет это пустяки. Билет уже есть. Вот он! Но я

хочу, чтобы вы поняли, что я и моя супруга любим вас, что мы всей душой...

— Понимаю, сынок, понимаю! — кивнула старушка.— Ты не думай: матери, они все понимают!..

ДОБРЫЕ УСЛУГИ

Город, в котором я живу, небольшой. Точнее — маленький. Городок, одним словом. Но городок отличный! Река, лес... Летом — грибы, фрукты и овощи, зимой — мороженое... А самое главное, наш городок — не провинция, не медвежий угол, а вполне современный, на уровне лучших городов и областных центров. И не случайно, а потому что все новое и прогрессивное, как только оно появляется в столице, тут же подхватывается, изучается и осуществляется.

Думаете, у нас нет «Лужников»? Есть. Правда, не на сто тысяч мест, а на тысячу сто, но нам больше и не нужно. И «Черемушки» есть. А как же! Шесть домов и торговый комплекс, при котором кинотеатр «Мир» и кафе «Дружба». Также открыли пельменную, она же блинная и макаронная. Метро, конечно, у нас нет, но такси имеется. Две штуки. Правда, одна штука в ремонте: не хватает запасных частей. Так это и в других городах — половина машин на ходу. Словом, как видите, все у нас на уровне передовых центров цивилизации.

И вот не так давно читаем мы в прессе о том, что в Киеве отлично работает Бюро добрых услуг.

Какая же это прекрасная, необходимая вещь! Скажем, вы с женой хотите пойти в кино, а у вас, как на грех, ребенок. Возникает проблема, куда его, будь он неладен, девать? Бабушки у вас, как нарочно, нет, а соседи под разными предлогами отказываются приютить ваше любимое дитя...

А если есть Бюро добрых услуг, то бог с ними, и с соседями, и с бабушкой. Звоните в Бюро, вам присылают опытную няню, няня воспитывает ребенка, а вы смотрите художественный фильм с участием Татьяны Дорониной или Луи де Фюнеса! Как это прекрасно, а?

Или другой вариант: вам дали новую квартиру. Пять

дней вы счастливы, как старая дева, наконец вышедшая замуж, а на шестой понимаете, что надо перевозить вещи. Что делать? Где достать машину? Ловить «левака»? Зачем?

Звоните в Бюро, вам присылают трех бравых молодых с мебельным фургоном. Вы оплачиваете заказ, они перевозят вещи и с поклоном удаляются, даже не требуя на тронх. Красота, правда?

И мы решили организовать Бюро добрых услуг.

Через два дня был назначен директор, дали ему делового заместителя, кассира-бухгалтера и девушку Катю, которая должна сидеть на телефоне и принимать заказы.

Наша местная газета сообщила об этом полезном начинании, а сотрудники Бюро приступили к работе. Но тут вышла небольшая неувязка: телефон звонит, заказов — хоть отбавляй, но людей, которые должны оказывать эти самые добрые услуги, не хватает. Вернее, совсем нет. Люди в нашем городе трудовые — кто работает на местной шелкоткацкой фабрике, кто в железнодорожных мастерских, кто на консервном комбинате, кто в ателье или торговле. Многие, я бы сказал — большинство, в учреждениях.

Что же делать бедному Бюро добрых услуг? Не будет же сам директор укачивать вашего ребенка или кассир-бухгалтер таскать мебель.

И тут у делового заместителя директора мелькнула светлая мысль: студенты! Вот это люди! Могут и помочь и выручить. Они многих выручали. Кроме того, это им полезно и морально, и, не будем ханжами, материально.

У нас техникум. Пришли, поговорили, объяснили ситуацию. Студенты — люди понятливые, надо так надо! Не привыкать!

Тут же организовали краткосрочные курсы: две сестры-хозяйки из детского сада, конечно на общественных началах, обучили студентов уходу за детьми, а вокзальные носильщики прочитали им курс лекций по переноске тяжестей.

И — пошло дело!

Катя записывает заказы, а студенты за небольшое вознаграждение выполняют.

Думаете, у студентов из-за этих побочных занятий упала успеваемость? Ничуть! Сидит себе студент у дет-

ской коляски, укачивает ребенка и одновременно, без отрыва от производства, изучает физику или химию, а второго и семнадцатого приходит к кассиру-бухгалтеру и пишет сумму прописью.

Короче, наше Бюро работает с полной нагрузкой; в «Книге отзывов и предложений» — одни благодарности; и население, и будущая интеллигенция абсолютно довольны.

И надо же: у студентов кончился учебный год, начались каникулы, студенты выехали со студенческими отрядами на стройки и в колхозы, где их труд оплачивается даже выше, чем у нас, и Бюро добрых услуг оказалось на мели!

Население к добрым услугам уже привыкло, а оказывать их некому. Мало того, девушка Катя, которая сидела на телефоне, вышла замуж за студента, так что и записывать заказы некому!

Что делать? Не гробить же такое прекрасное начинание! И заместитель директора опять нашел выход из положения; на телефон вместо Кати посадил собственную жену и добился того, что мобилизовали двух сестер-хозяек из детского сада и двух вокзальных носильщиков. Конечно, все не так гладко, как при студентах, но Бюро живет, дышит, население довольно.

Правда, говорят, пассажиры, которые прибывают в наш город, обижаются: на вокзале нет носильщиков. А что делать? Пассажир — человек временный, он и сам может чемодан поднести! Главное — это забота о людях, о населении, а не об отдельных пассажирах!

А вернутся студенты, и эту трудность одолеем. Устроим дежурства студентов и на вокзале, и в детском саду. Тем более опыт у них есть, люди они хорошие, простые, можно положиться. Они многих вырачали!

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ МУЖЧИНА

Недавно со мною приключилась непоправимая глупость. Влюбился! Нет, то, что я влюбился, это, безусловно, не глупость. Глупость будет дальше.

Значит, влюбился. И объект самый что ни на есть до-

стойный. Красивая, умная... Не девушка, а мечта! Мало того, работаем на одном заводе. Она — в отделе главного механика, я — дежурным электриком.

Некоторое время мы встречались, ходили в кино, в театры, в кафе. Ну, думаю, пора объясниться в любви. Трудное это дело, но, поскольку никто за меня его не выполнит, я все ей сказал и жду ответа.

А Валя говорит:

— Ой, Володя, все, что вы говорите, так неожиданно... Я думала — это дружба. Знаете что, не торопите меня, вопрос серьезный, я подумаю. Ладно?

— Ладно, — говорю. — Думайте. Но я вам хоть немножко нравлюсь?

Она улыбнулась, сказала:

— А как вы думаете? — и ушла.

Такой, значит, ответ. Загадочный.

Вот я и задумался, как этот ответ понимать: как «да», как «нет», или как «может быть»? Пришел я домой и остановился перед зеркалом. И то, что я увидел в зеркале, особой радости у меня не вызвало.

Лицо у меня длинное, узкое и унылое, ну, как утюг. Не на чем глазу остановиться. Нос. Мог быть и покороче. По бокам уши. Глаза... Скучные и больше тянутся к ушам, чем к носу. Смотрю и думаю: какой же я непривлекательный мужчина! Такие женщинам редко нравятся... Может, она потому так загадочно и ответила?

И тут я вспомнил рассказ одного моего знакомого о том, что у нас в Москве есть Институт косметологии, или, как его называют некоторые женщины, Институт красоты и миловидности. Там работают великие специалисты своего дела. Дай им не то что мой утюг, а чурку безносую, они из нее сделают писаную красавицу. Почему же, спрашивается, и мне не воспользоваться достижениями передовой науки? Тем более, у меня скоро отпуск, а?

И пошел я в этот институт. Очередь — тысяча человек! Выходит, не я один непривлекательный. Мало того, непривлекательных женщин даже больше, чем мужчин... Отстоял я в очереди сколько полагается и попал к главному их специалисту. Вхожу в кабинет. Старичок. На мой взгляд, тоже не очень привлекательный, но, как видите, живет, работает на пользу обществу.

Посмотрел он на меня и говорит:

— Материал у вас любопытный...— это про мое лицо.— Молодого Тихонова сделать из вас не обещаю, но интересный мужчина получится.

А это именно то, что мне и нужно!

И — пошла работа! Больше месяца надо мной колдовали ученые мужи и миловидные сестры, а через месяц главный специалист говорит:

— Больной, подойдите к зеркалу!

Подошел. Батюшки, да это же вовсе не я. И нос не тот, и глаза не там, и все прочее по-другому. Верите, даже растерялся. А может, правда, это не я? Нет, улыбаюсь, и тот, в зеркале, улыбается. Подмигиваю, и он подмигивает. Факт, что я!

Поблагодарил я милого доктора за его благородный труд и на следующее утро иду на завод.

В проходной дядя Паша, вахтер. Открыл он свое окошечко, смотрит. А я ему, как обычно.

— Доброе утро, дядя Паша!

А он:

— Стоп! Кто такой? Давай пропуск.

— Так это я, Володя-электрик.

— Какой Володя-электрик?

— Балбошин.

— Еще чего, Балбошин в отпуске.

— Правильно,— говорю,— был в отпуске. А сегодня вернулся.

— Значит, ты — Балбошин?

— Ну да,— отвечаю я дяде Паше, а сам радуюсь: до чего же, выходит, я изменился, что даже он меня не узнает.

А дядя Паша посмотрел на меня еще раз и говорит:

— А ну дай пропуск!

Даю.

— Ну? — говорит дядя Паша.— Тут абсолютно другое лицо. Вот это,— тычет он пальцем в мое старое фото,— Володя-электрик! А ты кто таков — не знаю. И поэтому пропуск Володи Балбошина, который к тебе неизвестно как попал, забираю.

— Дядя Паша! Ты что?..

А он мне сухо говорит:

— Можете жаловаться! — и захлопнул окошечко.

— Ладно, буду жаловаться,— говорю я с удовольствием и иду в отдел кадров.

Конечно, Иван Егорыч, который меня с детства знает, поначалу меня не узнал, потом узнал, но не поверил, что это я, и говорит следующее:

— Товарищ Компасов (это дядя Паша) совершенно прав, что не пустил тебя, то есть вас, на завод. В пропуске у тебя одно лицо, а приходите на работу с другим. Разве это порядок? Должна быть полная идентичность, а не черт знает что!

Я говорю:

— Пожалуйста, я дам новое фото.

А Иван Егорыч на дыбы:

— Как это «дам новое фото»? А если ты через неделю совсем срежешь нос — опять новое фото? И что это за самоуправство — менять внешность по собственному желанию? Слушай, а зачем ты вообще сделал эту операцию?

Я этого вопроса ждал и ответ подготовил заранее.

— Замечательного,— говорю,— писателя Чехова вы читали?

— Само собой.

— Так вот у Антона Павловича четко сказано: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и мысли...»

— Ну?

— С одеждой у меня порядок; мысли — учусь в вечернем техникуме, а вот лицо было далеко не прекрасное... Я его и переделал...

— Значит, из-за Чехова? Я так понял? — спрашивает Иван Егорыч и вскакивает со стула: — Слушай, Балбошин, ты мне баки не забивай! Так любой начнет себе физиономию ремонтировать, а я потом окажусь ротозеем. У тебя в паспорте старое фото?

— Старое.

— Иди в милицию и согласуй это дело с ними, и пока не добьешься идентичности, на завод я тебя не пушу.

Пошел я в милицию. Там меня, прежде всего, хотели оштрафовать, только не могли придумать, за что. Потом я поговорил с одним капитаном. Очень душевный человек и умница. Я ему про Чехова, а он смеется:

— Так уж я и поверил, что вы перенесли такую операцию из-за Чехова. Девушка, да?

Я молчу.

— Так я и думал! Пойдете в Институт косметологии,

возьмете справку, что вам сделана косметическая операция, и принесите по две фотографии до операции и после.

— Ясно, товарищ капитан.

Дня три я побегал, и мое новое лицо получило официальные гражданские права: и в паспорте, и в пропуске я вполне привлекательный мужчина.

После этого пошел к Вале.

— Здрасьте,— говорю,— вот вернулся из отпуска.

Валя смотрит на меня и бледнеет:

— Что такое? Что вы сделали с вашим лицом?

— Ничего,— говорю.— Небольшие перемены к лучшему. Специально для вас...

— Для меня? А зачем?

— Чтобы понравиться,— говорю я искренне.

— Как вам не стыдно? Вы же мужчина!

— А там, в этом Институте косметологии, было довольно много мужчин,— говорю.

— Так, может быть, им нужны операции. После фронта или после травмы... Это понятно. А вы?

— Так я же говорю: чтобы понравиться...— напомнил я.

— А может ли мне понравиться такой несерьезный мужчина, у которого искусственный нос?

— То есть как...— начал я.

— Молчите! Я думала, вы настоящий, а вы — такую глупость учинили. Идите, смотреть на вас не могу.

Теперь вы понимаете, о какой глупости шла речь? Что делать? Ушел. Как говорится, остался с носом. Новым, красивым... Но зачем он теперь мне нужен?

СВАДЬБА АРДАЛЬОНА СТЕБЕЛЬКОВА

Сыграть свадьбу под Новый год! — вот такая светлая мысль пришла в голову молодого архитектора Ардальона Стебелькова.

Его будущая жена — очаровательная Катя, чертежница, работающая в одной проектной мастерской с Ардальоном, — полностью согласилась со своим избранником.

И в самом деле, это ведь замечательно — начать в новом году не только новый календарь, но и новую счастливую жизнь.

И грядущие молодожены пригласили человек пятнадцать своих друзей и сослуживцев на двойной праздник. Конечно, все приглашенные очень обрадовались: не надо устраивать традиционной складчины, распределять обязанности — кому приобретать напитки, а кому готовить салаты, жарить гуся и печь пироги.

Гости были приглашены к девяти вечера и явились без опоздания. После шумных поздравлений и вручения милых и забавных подарков всех попросили к столу.

Катя, в немыслимом седом парике и еще более краснощекая, чем обычно, ошалевшая от нежных чувств, нового платья и хозяйских хлопот, рассадила гостей и села рядом с сияющим Ардальоном, в очках которого отражались и новая люстра, и красавица Катя, и праздничный стол.

Естественно, первый бокал был поднят за молодоженов. Гости сказали им много добрых и вполне искренних слов, чокнулись, выпили и закричали «горько».

Счастливые молодожены смущенно, но с радостью расцеловались, после чего о них забыли. Да, забыли...

И не удивительно: Новый год! Самый радостный и веселый праздник в году. У каждого свои счеты с минувшим годом, свои планы и надежды на будущее.

Ардальона это, естественно, обидело, и он тихо сказал своему соседу — рыжеусому архитектору, который с аппетитом ел робко подрагивающий холодец:

— У нас, понимаешь, свадьба, а все «Новый год! Новый год!», будто мы с Катей здесь посторонние...

— Ты прав, — согласился рыжеусый и постучал вилок по бокалу. — Товарищи! Тут, оказывается, молодожены, так сказать, молодая, только что созданная семья... Предлагаю выпить за их счастье и пожелать им здорового потомства! Горько!

Гости зашумели, нестройно крикнули «горько!», Ардальон и Катя с удовольствием расцеловались, после чего о них тут же снова забыли.

И Ардальон вторично обиделся. На этот раз он сам постучал вилок по бокалу и произнес жалким, обиженным голосом:

— Что же это получается, товарищи? Пригласили

вас на свадьбу, а вы — игнорируете? Два раза крикнули «горько» и все?..

— Ты сядь и не суетись, — сказал рыжеусый, нанизывая на вилку колечко лилового сладкого лука. — Женишься... Ну и что? Не ты первый, не ты последний! Это участь большинства мужчин. А Новый год — всемирный праздник! Так что сядь и будь здоров! — улыбнулся рыжеусый, с удовольствием выпил и промокнул усы салфеткой.

Но Ардальон засверкал очками и еще пуще обиделся:

— Вы меня извините, но вы, я бы сказал, свиньи! Вот вы кто!

— Мы — свиньи? — оскорбился архитектор. — Ну, знаешь, это уже слишком! — и рыжеусый грозно поднялся с места. — Товарищи, послушайте, что говорит этот юный, но уже нахальный супруг. Он говорит, что мы — свиньи!

— Кто — свиньи? Мы? — зашумели оскорбленные гости.

Катя, почувствовав, что назревает скандал, вскочила и, приложив руки к груди, заверещала:

— Товарищи, он пошутил! Честное слово, Ардаша пошутил...

— Нет, я не пошутил! — в свою очередь поднялся Ардальон. — Говорю официально и ответственно: вы — свиньи! Наша свадьба... мы вас пригласили, как друзей, а вы нас игнорируете!

— Сядь, — сказал рыжеусый. — Я считаю, что это оскорбление наших личностей. Если б ты не был молодоженом, я бы тебе просто съездил по морде, а так...

— А так давайте обидимся и уйдем! — предложила жена рыжеусого.

— Ну это — дудки! — усмехнулся архитектор, нежно оглядывая аппетитный, празднично сверкающий стол. — Я считаю, что Ардальон должен публично извиниться.

— Не буду я извиняться! — запальчиво сказал Ардальон.

— Не будешь? Прекрасно. Тогда, товарищи, предлагаю... судить Стебелькова.

— Как судить? — всполошилась Катя.

— Товарищеским судом! За оскорбление присутствующих! — сухо объяснил рыжеусый.

— Так он же выпил! — сказала Катя.

— Состояние опьянения только отягощает вину.

— Правильно,— согласились гости и так же, как недавно кричали «горько!», закричали «судить Стебелькова!».

— А я не хочу, чтоб меня судили.

— Все подсудимые не хотят, чтоб их судили,— отрезал рыжеусый.

— Но вы не имеете права меня судить!

— Это почему же? — прищурился рыжеусый.— Коллектив хочет, чтоб тебя судили, и мы будем тебя судить.

— Но это незаконно!..

— Ты это брось! Коллектив и есть закон!

— Ничего подобного! Коллектив — это не закон,— авторитетно заявил Стебельков,— а то, что вы затеваете, самосуд.

— Ребята,— сказал рыжеусый,— возьмите-ка этого субъекта под стражу!

И двое дюжих молодцов, которые недавно сдали нормы ГТО, мягко, не причиняя телесных повреждений, помогли бедному Ардальону сохранить необходимое уважение к инициаторам судебного процесса. По воле присутствующих рыжеусый был избран председателем суда и, имея некоторый опыт на этом поприще,— он был заседателем в товарищеском суде проектной мастерской,— произнес обвинительное заключение.

Подсудимый Ардальон Стебельков обвинялся в оскорблении чести и достоинства своих гостей, и состояние легкого опьянения только усугубляло его вину.

— Высокий дружеский суд, разбирая данное дело,— говорил рыжеусый,— счел возможным воспользоваться соответствующими статьями не гражданского или уголовного кодексов, а кодекса дружбы и гостеприимства (статья 1, параграф 3), который гласит: «Люби ближнего, как самого себя, и не обзывай его нехорошими словами, иначе тебе зачтется...»

Далее выступал прокурор. (В каждой компании такой всегда найдется. И не один!) Он считал, что в наши дни, дни неслыханного расцвета культуры и фантастических успехов НТР, любое бескультурье и хамство нетерпимы и должны караться так же строго, как разбойное нападение с целью ограбления, на худой конец, как наезд на пешехода. Исходя из изложенного, прокурор нарисовал ужасный портрет подсудимого, который, предвари-

тельно выпив и недостаточно закусив, учинил свои кошмарные действия. Вот почему прокурор потребовал воздать подсудимому на всю катушку, а именно — заключить под стражу до конца текущего года и выпустить на свободу только в будущем году. Место заключения — ванная комната, режим содержания — строгий. Кроме того, сегодня же должно быть конфисковано все имущество подсудимого, находящееся на столе в жидком и прочих весьма аппетитных состояниях.

Речь прокурора была встречена аплодисментами.

— Есть ли у подсудимого защитник? — строго спросил рыжеусый председатель суда.

— Есть, — вскочила Катя.

— Жена не может быть защитником.

— А я считаю, что только жена и может!

— Хорошо, говорите! — махнул рукой председательствующий и воткнул вилку в квашеную капусту.

— И скажу! — заявила Катя, сорвала с себя седой парик и, едва сдерживая слезы, заговорила: — Товарищи! Вы можете меня заключить в ванную вместе с подсудимым... Пожалуйста. Но знайте, мы вас пригласили на свадьбу. Я сшила подвенечное платье и фату. Думаете, легко? Два месяца меня подводили в ателье, потом мы с мамой сами все переделали... Мы одолжили посуду и стулья, а гуся, маринованные грибы и домашнюю капусту прислала тетя Надя из Тулы. Пожалуйста, конфискуйте! На здоровье! Но знайте: свадьба — это раз в жизни, а Новый год — каждый год! А вы нечуткие... Так друзья не поступают. — И Катя бурно зарыдала, утирая слезы париком.

— Катя, успокойся! Мы пошутили! — бросился к ней рыжеусый председатель, но Ардальон опередил его и встал рядом с Катей, воинственно сверкая очками.

А прокурор постучал по графину и закричал:

— Тише! Я считаю, она дело говорит. Пожалуй, мы действительно эти самые, как выразился подсудимый... То есть Ардальон. Ладно, детка! От имени всех гостей приношу вам извинения и предлагаю еще один тост за новобрачных, с пожеланием счастья, здоровья и достойного потомства!

— Ура! — закричали гости. — Горько!

Но тут часы начали бить двенадцать, и все смущенно и растерянно замолчали.

— Что же вы сидите? Наступает Новый год! С Новым годом! С новым счастьем! — первым заорал бывший подсудимый Ардальон.

И все начали друг друга поздравлять с наступившим Новым годом, выпили, закусили и окончательно забыли о молодоженах.

Но под утро, уходя из гостеприимного дома молодых, рыжеусый архитектор наклонился к Кате и сказал:

— Ну, голубушка, ровно через год мы снова ваши новогодние гости. То есть на годовщине вашей свадьбы. Вы с Ардальоном молодцы! — добавил он вполне искренне.

ПСИХОЛОГ

Им удивительно повезло: летом, в жаркий день, вошли в кафе, сразу же нашли свободный столик и сразу же к ним подошел официант. И официант милый и доброжелательный. Поверьте мне, такое случается не часто!

Официант приветливо поздоровался и тихо сказал:

— Слушаю вас...

— Мы хотим мороженого. Двойные порции. И лимонад.— Наташа улыбнулась и посмотрела на Сережу.

— А если...— неуверенно начал Сережа.

— Никаких «если»! Мороженое и лимонад.

— Ясно,— усмехнулся официант, сочувственно подмигнул Сереже и отошел, помахивая салфеткой.

Наташа, продолжая улыбаться, смотрела на Сережу, и он, встретив ее веселый, открытый взгляд, тоже рассмеялся, а Наташа, совсем по-студенчески, прыснула и смутилась.

Им обоим, молодой актрисе и молодому режиссеру, недавно окончившим Театральный институт, сегодня было необыкновенно хорошо и радостно. Наташа получила небольшую, но, честное слово, хорошую роль, Сережа принят в штат того же весьма уважаемого театра и, возможно, скоро получит постановку; за сверкающими стеклами кафе светит яркое солнце; они друг друга нежно любят; сейчас им принесут мороженое и лимонад... Согласитесь сами: и жизнь хороша, и жить хорошо!..

И Сережа, глядя в синие, озорные глаза Наташи, с жаром заявил:

— Знаешь, Наташка, у меня сегодня такое ощущение, словно у меня выросли крылья... Чего ты смеешься?

— Я себе представила, что ты с крыльями... Получилось очень смешно! Ты стоял на заборе, хлопая себя этими крыльями по бокам, и кричал «кукареку»! Смешно, правда?

— Не знаю,— обиделся Сережа.— Мне это смешным не показалось.

— Потому что не видишь,— резонно заметила Наташа.— А ты закрой глаза и увидь. Ну?

Сережа послушно закрыл глаза.

— Все равно не смешно.— Он пожал плечами.— Я сказал от избытка чувств, а ты хихикаешь...

— А разве я хихикаю не от избытка чувств? — перестала улыбаться Наташа.— Знаешь что: я вижу тебя не на заборе, а сидящим на стуле. И без крыльев. И давай не ссориться...

— Давай,— охотно согласился Сережа.— И вообще, давай никогда не ссориться. Никогда!

— Думаешь, это возможно?

— Уверен. Нужно ввести только одно правило.

— Какое?

— Не давать ссоре развиваться. Допустим, я сказал что-то не так. Ты чувствуешь, что, если ты со мной не согласишься, произойдет ссора. Тогда ты соглашаешься...

— Интересно,— усмехнулась Наташа.— Ты говоришь не так, а я должна соглашаться... Я понимаю, если я говорю не так, а ты соглашаешься...

— Так я же для примера,— начал объяснять Сережа.

— И для примера не надо. Мне не нравятся такие примеры!

— Хорошо, Наташа! — кивнул Сережа и понизил голос.— Ты только не сразу оглядывайся, но слева от тебя сидит пара.

— Ну?

— Нет сомнений, что они дали возможность своей ссоре развиться.

Наташа осторожно посмотрела влево, потом снова на Сережу.

— Почему ты так думаешь?

— Как тебе известно, мы, режиссеры, обязаны быть

психологами. Настоящему режиссеру достаточно внимательно понаблюдать за кем-нибудь — и многое ему становится ясным.

— Серьезно?

— Ну, конечно,— выразительно поднял плечи Сережа.

В это время к их столику подошел официант. Он принес мороженое и лимонад, ловко их расставил на столе и удалился. И только он отошел, Сережа налил Наташе лимонад и продолжил прерванный разговор.

— Ты понаблюдай за ними, только осторожно. Едят, не глядя друг на друга, и каждый думает о своем. Смотри, смотри, он налил нарзан только себе. Видишь?

— Действительно,— согласилась Наташа, поднося к губам фужер с лимонадом, налитым Сережей.

— Мало того, я знаю, из-за чего они поссорились,— заявил Сережа.

— Ну, это ты слишком!..

— Нет, не слишком... Посмотри на них еще раз. Что ты видишь?

— Ничего. Люди как люди!

— Ну вот! А я вижу не только это. Она очень загорела, а он абсолютно белый. Видишь?

— Ну и что?

— Все ясно. Он был в Москве, она — на курорте. До него дошли какие-то слухи, и...

— ...и он, как дурак, поверил?

— Почему «как дурак»?

— Потому что умные люди слухам не верят! — убежденно сказала Наташа.

— Верно,— согласился Сережа.— Но хорошая жена не дала бы повода для слухов!

Наташа иронически посмотрела на Сережу:

— М-м... Вот как ты рассуждаешь! Или это тоже для примера?

— Нет, Наташенька, возможно, ты меня не поняла. В данной ситуации я не знаю, кто из них виноват. Не в этом суть! Но они дали возможность ссоре развиваться. А я хочу, чтобы мы с тобой никогда в жизни этого не допускали.— Сережа ласково погладил Наташину руку.— Хорошо?

— Хорошо,— ответила она неопределенно.

— Посмотри, посмотри, как он на нее взглянул? А она? Опустила глаза, видишь? Не может есть. Нервни-

чает. Ну, что это за жизнь? Самые близкие люди, а сидят как чужие. Только в силу того, что когда-то поставили свои подписи рядом и обменялись кольцами. Ужасно!

Наташа еще раз взглянула на самых близких, но чужих людей и вздохнула:

— Знаешь что, давай уйдем из этого кафе.

— Пожалуйста,— согласился Сережа и позвал официанта.

Официант кивнул, что понял, но сперва подошел к столику, за которым сидели загорелая женщина и белый мужчина. Первым рассчитался мужчина, встал и, едва кивнув женщине, отодвинувшей тарелку, ушел.

А Сережа зашептал Наташе:

— Видишь? Платит только за себя. Уходит. Ну, разве это жизнь?

Наташа с уважением и гордостью посмотрела на Сережу. Какой молодец! Все увидел, понял и разобрал по косточкам. Какой он действительно умница и психолог! Настоящий режиссер! Однако после короткой паузы Наташа сказала:

— А виноват все-таки он!

— Почему?

— Потому что в девяноста случаях из ста виноваты мужчины. Уплатил и ушел. Бросил ее одну... Невоспитанный грубиян!

К их столу подошел официант.

— Прошу вас,— сказал он и протянул счет.

Сережа полез в карман за кошельком и, улыбнувшись Наташе, небрежно спросил:

— Вы не знаете, почему поссорились эти муж и жена?

— Какие?

— Эти, которые с вами только что рассчитались?

— Эти? — оглянулся официант.— Разве они муж и жена?

— Конечно!

— Что вы, гражданин? Посторонние люди. Она пришла, села. Потом появился он. Мест не было, так я его посадил к ней, на свободное место.— Официант заглянул в счет.— С вас два двадцаты!

Наташа, еле сдерживаясь, чтоб не расхохотаться, выскочила из кафе, а Сережа мрачно доставал деньги из кошелька.

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО!

Возвращался я вчера домой часов в десять вечера. Мы в шахматы играли. Иду и вдруг вижу: на скамье против фонаря сидит женщина и плачет. Молодая, я бы сказал — интересная, и плачет. А рядом с нею стоит чемодан.

Смотрю я на эту женщину, и мысли у меня раздваиваются. С одной стороны, думаю, какое мне дело? Ну, плачет... А я тут при чем? А с другой стороны: почему она плачет? Во всех газетах пишут — «не проходите мимо!».

Подошел, извинился и говорю:

— Почему вы, уважаемая, плачете?

Она отвечает:

— Не ваше дело, идите своей дорогой.

Я говорю:

— Конечно, я могу пойти своей дорогой, но не хорошо, если человек нуждается в помощи, а мы проходим мимо.

— Идите, — говорит, — и не приставайте!

— Я и не думаю приставать. Вот мои документы, живу я в соседнем доме, и если могу чем-нибудь помочь...

— Никто мне не сможет помочь...

— А что случилось? — спрашиваю.

— Ничего.

— С «ничего», — говорю, — не плачут. Муж обидел, что ли?

Она посмотрела на меня:

— Да, муж. Приревновал. Понимаю, приревновал бы к другому человеку, а то — к техникуму.

— К кому? — удивился я.

— К техникуму. Я поступила в вечерний техникум, хочу иметь образование, а он говорит, что ему нужна жена, а не академик! Ходишь, говорит, чтоб встречаться с парнями. А у нас такая насыщенная программа, что посмотреть по сторонам некогда... Вот дурак! Говорит: или я, или техникум. А я тоже с амбицией: ушла. А куда идти — понятия не имею.

— Родители у вас есть?

— В Ростове-на-Дону. Ну поеду к ним, а как же с учебой?

— А подружки у вас имеются?

— Стыдно мне к подругам идти. Он же пошумит-пошумит, а завтра извиняться будет.

Я посмотрел на бедную женщину и говорю:

— Знаете что, идемте ко мне.

— К вам?— она даже плакать перестала.

— Да,— говорю.— Вы не волнуйтесь, я человек молодой, у меня жена, двое детей и теща. Идемте! Нельзя же вас оставлять одну на улице.

— Да, но...

— Что «но»? Жена моя — врач, теща — учительница. Люди интеллигентные, поймут. Не ночевать же вам на улице?

Согласилась. Пошли.

Приходим ко мне, и я говорю:

— Знакомьтесь, это очень милая женщина. Я пригласил ее к нам переночевать. У нее с мужем небольшой конфликт получился.

Смотрю: жена побледнела, теща пожимает плечами, а дети застыли, как на фотографии.

— Постелю,— говорю,— Катенька, гостевую раскладушку...

А Катенька молчит, будто и не слышит. Я еще раз повторяю то же самое и спрашиваю у своей гостьи:

— Вы ужинали?

— Что вы? Спасибо!

— Благодарить потом будете. Правда, Катенька?

А Катенька молчит. А теща опять пожимает плечами. Потом Катенька делает мне пальцем жест: мол, выйдем в коридор.

Вышли.

— Кто это?

— Понимаешь, я шел домой. Вижу: женщина плачет. Оказывается, ей негде ночевать, и я ее пригласил к нам.

— Значит, она посторонняя? — подозрительно спрашивает Катенька.

— Конечно.

— А если эта посторонняя ночью всех нас убьет и обворует?

— Да что ты! Она живет в соседнем доме.

— В соседнем доме? Значит, ты ее знаешь?

— Да нет же... Первый раз вижу.

— А почему она поссорилась с мужем? — продолжала допрос Катенька.

— Муж ее приревновал.

— К тебе?

— Да что ты? К техникуму.

— К кому?! — удивилась Катенька.

— К вечернему техникуму, — сказал я.

— Слушай, не умеешь врать, так не берись! — И Катенька, плача, начала надевать пальто. — Врет и не краснеет! У человека двое детей, а он...

— Катя! Подожди! Куда ты?

— Негодяй! — сказала Катя и ушла, хлопнув дверью.

В первую секунду я решил броситься вслед за ней, но подумал: я же не виноват. Почему «негодяй»? Что я плохого сделал? Не разобравшись, хлопать дверью...

И я вернулся в комнату. Там стояла зловещая тишина. Моя гостья сидела на своем чемодане, теща, продолжая пожимать плечами, устанавливала раскладушку, а дети, повернувшись спиной к телевизору, следили за этой немой сценой.

Я улыбнулся и сказал веселым голосом:

— Ну, товарищи, сейчас поужинаем и...

Тут раздался звонок. Я бросился в переднюю, думая, что это вернулась Катенька, и поспешно открыл дверь. На пороге стоял рослый мужчина со злыми, просто бешеными глазами.

— Это ты, чертов ловелас, увел мою жену?

Прежде чем я ответил, он одной рукой схватил меня за отвороты пиджака, а другой дважды хлестнул по щекам.

— Вот прохвост! Вот охламон! — орал он на весь подъезд и стукнул меня железной ладонью по носу. — Я же из тебя отбивную сделаю!

Вполне возможно, что он бы выполнил свою угрозу, но, на мое счастье, в переднюю выбежали его жена, моя теща и любознательные дети.

— Вася! Ты что, ошалел? Человек меня приютил, человек...

— Приютил! — орал Вася. — Пошла ночевать к кому попало. Соседи все видели...

— Почему ж это к кому попало? — обиделся я.

— Молчи, не то еще врежу! — снова схватил меня за лацканы этот наглец.

И я понял, что врежет. Но тут его жена повисла у него на правой руке, теща на левой, а дети уцепились за ноги.

— Вася! — кричала его жена. — Побойся бога! Человек женат, двое детей, теща. Человек чуткий и отзывчивый! Спас меня! Может, я бы уже под автобус бросилась и меня бы вообще не было, если б не он...

— Как не было? — испугался Вася. — Что ты? Прости меня, Лерочка, я больше не буду!

После этой сцены нам всем удалось ему растолковать истинную историю происшествия. Тут и моя теща окончательно уразумела, что и как, и заулыбалась, и дети отпустили Васиные ноги, а он начал благодарить, извиняться и даже дал свой носовой платок, потому что у меня из носу пошла кровь.

И тут я вспомнил о своей Катеньке. Выбежал на улицу, бросился в одну сторону, в другую... Нету! Как сквозь землю провалилась.

Одна надежда: может, какой-нибудь сердобольный гражданин вроде меня не прошел мимо и ночевать на улице ей не придется!





ГРОМКАЯ СВАДЬБА

Женщина второй молодости, с сияющим лицом и не поддающейся описанию прической, ворвалась в мою комнату и произнесла торжественным голосом, каким дикторы телевидения объявляют выступления Муслима Магомаева:

— Алексей Палыч, завтра я выхожу замуж!

— Поздравляю! От души! — торжественно произнес я и потряс трепетную руку невесты.

— Спасибо. Надеюсь, как друг и сосед по дому, вы нас почтите?.. — кокетливо спросила она.

— Конечно! — кивнул я, понимая, что завтрашний день из моей жизни выпал, а приглашены мы оба — я и мой бывалый «Москвич». Если быть честным, очевидно, я приглашен из-за него.

— Значит, так... В двенадцать бракосочетание во Дворце, потом перерыв, а вечером — торжество в ресторане «Колокольчик». Второй этаж, зал Б...

— Садитесь, — любезно пригласил я.

— Ой, что вы! У меня ни секунды времени, — сказала невеста, опускаясь на стул. — Но свадьба, между прочим, будет грандиозная! Шутка сказать, этот «Колокольчик» влетит в тысячу двести рэ!

— Сколько?

— В тысячу двести! — вздохнула невеста. — Гостей — девяносто человек! Каждому закуска, каждому шашлык или табака, то-се, пятое-десятое, мороженое, плюс напитки. А за чужой счет люди знаете как пьют!

— Да, дорогую вы затеяли свадьбу, — покачал я головой.

— Что делать? Теперь так принято. Давно, когда я в первый раз замуж выходила, люди женились тихо и скромно. И во второй тоже. А теперь свадьба должна быть громкая! Подвенечное платье. Фата. Такси. На каждом куклы, шарики, ленты.

— Ишь ты!

— Что делать? У Верочки Козлотуровой было шестьдесят гостей... Неужели я хуже Верочки или у меня меньше друзей? Между прочим, она тоже будет! — лукаво подмигнула мне гордая невеста. — Пусть полюбуется, как люди выходят замуж...

— Лучше бы записались на кооперативную квартиру.

— Еще чего? Квартиру моему мужу завод предоставит к Седьмому ноября.

— А мебель?

— И мебель будет. Мы договорились: ему завком даст холодильник, мне — телевизор. Товарищи мужа скинулись на тахту, мои подруги на торшер. Мебель будет! — Она понизила голос: — Мы, честно говоря, и свадьбу хотели повернуть за государственный счет, так они говорят, что я из комсомольского возраста уже вышла, а других свадеб пока не бывает. Так что, как ни жаль, а тыщи полторы личных денег мы — тю-тю! — вздохнула бедная, но опытная невеста.

— Да, у вас такой размах...

— Теперь так принято. Вы Степаковых знаете? Поженились. Тихо, скромно... А результат? Все говорят, что они жмоты и скупердяи. А свадьбу Лобогрейкиных весь город до сих пор вспоминает.

— Но они, насколько мне известно, развелись...

— Развелись. А долги за свадьбу до сих пор выплачивают. Но это ж была садьба! Со свечами! А у меня, только никому не говорите, каждому гостю будет сувенир: искусственный тюльпан. Рубль штука, но эффект — с ума сойти! Такого еще не было!

Соседка встала и направилась к двери.

— Значит, милости прошу, — сказала она с улыбкой и, как бы вскользь, спросила: — А во Дворец бракосочетаний вы поедете на своем «Москвиче»? — И, не дав мне ответить, добавила: — С вами поедут родители мужа и мой парикмахер, а в свадебной кавалькаде ваша машина будет шестая!

— Ладно, — уныло согласился я.

— Да, последнее! Совсем забыла. Захватите с собой рублей двести, двести пятьдесят.

— Зачем?

— Мало ли что... Вдруг не хватит расплатиться по счету, так вы уж выручите. Взаимнообразно.

— Ладно! — согласился я, провожая энергичную невесту к выходу.

ВСКОРЕ ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

За столиком ресторана сидело пятеро молодых людей, одетых с изысканной и модной неряшливостью: на них были пестрые, богато иллюстрированные рубашки с распахнутыми воротами и расстегнутыми манжетами и линялые джинсы с иностранными этикетками на тех местах, на которых зарубежные фирмы рекламируют свою продукцию.

Молодые люди обедали... Впрочем, нет, не обедали... А как бы их действия определить поточнее? Они пировали. Шумно беседовали, смеялись, чокались и произносили несколько странные тосты: «За счастливое одиночество!», «За прекрасных женщин, которые не прощают наших недостатков!» и «За то, чтобы женщины, если они не невесты, знали свое место!»

Я заинтересовался этим пиршеством и спустя короткое время выяснил, что один из молодых людей, рослый, длинноволосый бородач с фигурой боксера и несколько неожиданным именем Терентий, праздновал свой счастливый развод.

Да, именно праздновал, хотя и в скромном мужском обществе, но щедро и широко, с купеческим размахом.

Какие же события предшествовали этому празднику развода? А вот какие.

Осенью прошлого года вышеописанный Терентий встретил в метро красивую зеленоглазую девушку. Благодаря тому что в метро было тесно, Терентий разглядел девушку вблизи и влюбился в нее с первого взгляда. Потом, поднимаясь по эскалатору, легко и непринужденно познакомился с ней и выяснил, что ее зовут Лина, что живет она с родителями в кооперативном доме, а ее ро-

дители — научные работники: папа доктор технических наук, мама — кандидат.

Терентий сообщил и о себе самое необходимое: студент, отец — художник, мама преподает в школе рисование, словом, и его родители достойные, вполне интеллигентные люди.

Терентий проводил Лину до ее кооперативного дома, где они еще час проболтали у входа в ее подъезд. В результате этой беседы стало ясно, что их взгляды на театр, кино, моды, телевидение, любовь, погоду, танцы и современную жизнь во многом совпадают.

После этого в течение двух недель молодые люди находили все больше общих точек зрения на окружающую действительность и ежедневно целовались на площадке третьего этажа подъезда, в котором жила Лина. В общем, все было хорошо и даже прекрасно, если не считать того, что Терентий получил несколько неудовлетворительных отметок в институте, но, сами понимаете, любовь требует жертв, а первые жертвы любви — либо работа, либо учеба.

Тут подошла зима, целоваться в подъезде стало холодно, и возлюбленные решили вступить в брак. А почему бы и нет?

Конечно, родители обоих влюбленных пытались помешать этому, по их мнению, раннему браку, но кто в наше время обращает внимание на родителей, и какой брак — ранний, а какой своевременный?

Словом, родители некоторое время потолкли воду в ступе, а потом уgomонились и, с грустью, мобилизовав значительные средства, организовали своим детям пышную свадьбу с обручальными кольцами, фатой, цветами и такси.

Свадьба прошла на славу, и после нее, как и после каждой свадьбы, началась семейная жизнь.

Молодоженам повезло: товарищ отца уехал на два года на Кубу и оставил им свою однокомнатную квартиру. В этой квартире они и зажили. Первые дни жили весело и дружно, доедая остатки свадебного банкета, но спустя две недели, в самом, что ли, эпицентре медового месяца, произошел первый скандал: в доме не оказалось хлеба и никто из членов молодой семьи пойти за ним в булочную не хотел. Голодать тоже никому не нравилось.

— Ты меня поражаешь,— сказала Лина, отходя от

зеркала, — совсем недавно, когда ты был женихом, ты бы пошел без второго слова.

— Дорогая моя, — усмехнулся Терентий, отрываясь от Агаты Кристи, — жених — это такое состояние человека, когда он способен на глупые и бессмысленные поступки. К счастью, это состояние быстро проходит.

— Должна заметить, не у всех. И если у тебя оно прошло, то, может быть, нам стоит расстаться? — спросила Лина.

Казалось бы, Терентий должен вскочить с дивана, отбросить в сторону Агату Кристи и, заключив в объятия Лину, сказать: — «Прости меня, дорогая!» — и сломя голову побежать за хлебом. А он повернулся на другой бок и буркнул:

— Прекрасная идея!

— Что?! — растерялась Лина.

— Счастливого пути, в смысле скатертью дорога! — охотно объяснил Терентий.

— Болван! — в сердцах заорала Лина.

— Идиотка! — спокойно отрезал Терентий.

Тогда Лина запустила в него чужой тарелкой и, к счастью, не попала, а он с таким же результатом ответил двумя диванными подушками и левым башмаком.

Дальнейшее описание их семейной ссоры интереса не представляет. Ясно только одно: характерами они не сошлись и их дальнейшее совместное проживание оказалось невозможным...

...Так кончилась скоропостижная любовь Терентия и Лины, вот почему сегодня в ресторане отмечается праздник развода, и вот почему тост «За то, чтобы женщины, если они не невесты, знали свое место!» приобретает глубокий жизненный смысл.

ЧУТКИЕ ЛЮДИ

Не отрицаю: любопытство — порок! Не отрицаю — я человек любопытный. И не я один. Именно поэтому, когда на противоположной стороне улицы я увидел небольшую толпу, окружившую человека, лежащего на тротуаре, я тут же (как и многие другие!) нарушил правила уличного движения и присоединился к толпе.

Что же я увидел?

Рядом с тротуаром была яма. Лежащий на груди человек свесил в нее голову и изредка шевелил ногами.

Старушка в пестром платке и с авоськой, из которой торчали три рыбьих хвоста, возмущенно качала головой и говорила, обращаясь к окружающим:

— И как ему не стыдно? С утра, а уже налакался!

Парень с пушистыми бакенбардами усмехнулся:

— А откуда вы знаете, что с утра? Может, еще с вечера?

Старушка оставила реплику без внимания и продолжала:

— Это ж надо так набраться! Позор — и только!

— Мужчины на все способны, — махнула рукой дама в брючном костюме, на котором были изображены несуществующие в природе птицы и цветы.

— Не только мужчины! В нашем доме живет одна дамочка... Тоже — будьте уверены! — подмигнул парень.

— Сами говорите — одна! А мужчин в нашем доме — пальцев не хватит! — отрезала женщина в птицах и цветах.

— А вы в трезвом виде считайте — тогда хватит! — не унимался парень с бакенбардами.

— Граждане, надо помочь человеку, привести его в чувство, — вмешался в разговор мужчина с портфелем.

— Какое там чувство! Полежит часок — сам встанет! — ответил ему кто-то из толпы.

— Безобразия! У человека, наверно, жена, дети...

— Потому и выпил! — продолжал резвиться парень.

— Вы бы поменьше шутили, а лучше бы его подняли и поставили на ноги, — назидательно произнес человек с портфелем.

— Не устоит!

— Все потому, что с пьянством не борются, — сказала старушка в платке.

— Как это не борются? Кругом и всюду борьба идет... И милиция, и дружинники...

— И правильно! — сказала старушка с хвостами. — Таких стрелять надо! И вешать! Стрелять и вешать!

— Ну, вешать это чересчур! А вот в данное время я ему не завидую. Милиция подберет в мотоцикл и — будь здоров! Пятнадцать суток — раз! Принудительное лечение — два! Прощай тринадцатая зарплата и премия — три! — перечислил парень с бакенбардами.

Старушка пожевала губами и неожиданно сказала:

— Миленький, спрятать его надо!

— Как спрятать? — не понял парень.

— Чтоб милиция не подобрала в мотоцикл.

— Зачем?

— Неужто не понимаешь? Жена, дети... Пьяный не пьяный, а все одно муж! Поилец, кормилец! А упекут беднягу, что жена делать будет, а?

— Вот как вы рассуждаете! — усмехнулись бакенбарды. — То стрелять и вешать, то...

— Давай, миленький, помоги ему встать и дойти до подъезда.

— Верно, — согласился человек с портфелем. — Я понимаю ваши чувства. Вытащите его! — обратился он к парню с бакенбардами.

— Конечно, вытащите! — поддержала дама в брючках.

— Сам вылезет! — отмахнулся парень.

— Нет у вас никакого гуманизма!

— Да ну его! Измажешься только.

— Давай, давай. Я тебя обчищу, — пообещала старушка.

Трое мужчин подошли к яме и начали вытаскивать лежащего. Тот сопротивлялся.

— За голову, за голову его бери! — командовал человек с портфелем.

— Опасно, укусит! — веселился парень.

— А ты ему лицо кепкой закрой!

— Лучше за ноги. Ты за одну, я за другую, и брыкаться нечем будет.

Неожиданно лежащий повернулся и сел. В руках у него был большой гаечный ключ. Возмущенный и разгневанный, он обратился к толпе:

— Вы что, сказали? Мешаете ж работать. Я водомер чиню. Вот люди! Третий раз вытаскивают!..

Толпа дружно рассмеялась.

— Давайте, граждане, проходите, не то милиционера позову! — пригрозил человек с гаечным ключом.

— Да ты что, мил человек? Мы думали, ты алкоголик, помочь хотели, а ты вовсе водопроводчик! Тьфу на тебя! — сказала старушка и ушла, помахивая рыбьими хвостами.

Я САМ ВИДЕЛ!

Когда мы собрались на репетицию и ждали прихода главного режиссера, который как всегда опаздывал, актер Дубяга, в прошлом герой, а ныне, в связи с возрастом, резонер, засверкал доброй дюжиной нержавеющей зубов и усмехнулся:

— Ну, товарищи, сейчас я вам такое сообщу — закачаетесь! Вчера, часов в десять вечера, возвращался я домой и вижу: у входа в наш гастроном стоит Козельков, пьяный как зюзя, и орет: «Ну, заяц, погоди!»

— Козельков? Пьяный как зюзя? Не может быть! — вскричали почти все актеры нашего театра и окружили Дубягу. — Вы это серьезно? И вы уверены, что это был Козельков?

— Если бы я его не видел собственными глазами, вот как вас, я бы тоже не поверил, — ответил Дубяга, прикладывая растопыренную, волосатую пятерню к левой стороне груди.

— А что, вы говорите, он кричал?

— «Ну, заяц, погоди!»

— Поразительно! — сказала синеокая красавица Зиночка, вторая героиня нашего театра. Первая была менее красива и талантлива, но замуж вышла удачнее. — Всегда такой воспитанный, такой выдержанный и — на тебе: «Заяц, погоди!»

— Если человек выпьет, он и не то может крикнуть! — глубокомысленно заметил простак и философ Косичкин.

— Еще бы! Тогда человеку море по колено, — авторитетно его поддержал рослый здоровяк Кукуев, специалист по отрицательным персонажам.

— А он вас видел? — спросила Зиночка.

— Где там! Пьяный в стельку... Лыка не вязал, — выкатив глаза и шепелявя, изобразил Дубяга.

— Может быть, надо было помочь ему добраться домой?

— Хотел. Даже направился, — излишне быстро ответил Дубяга, — но подъехал милицейский мотоцикл — и двое милиционеров усадили его в коляску и увезли.

— Фантастика! Честное слово, фантастика! — сокрушалась Зиночка. — Такой скромный, такой тихий — и

такой фортель! А может, вы ошиблись и это был не Козельков?

— Как же не Козельков? Я сам его видел с расстояния в три... ну пять метров,— даже обиделся Дубяга.

— Восьмого марта,— сказала Зиновья,— он мне сам говорил, что не пьет, и даже первый тост за женщин всего мира поднял лимонадом.

— О чем это говорит? — ехидно усмехнулся отрицательный Кукуев.— Только алкаши... то есть эти... пьющие, одним словом, боятся первого бокала, потому что знают: как начнут — не остановятся!

— А что ему будет? — спросила Хохлаткина, дама с мужской стрижкой, мужским галстуком и сигаретой в зубах, драматическая старуха пенсионного возраста.

— За что?

— Ну, пьяный. Нарушал общественную тишину. Кричал бог знает что.

— Почему бог знает что? Это кричат даже по телевизору,— сказал Косичкин.

— Не знаю... Не знаю... — развела руками Зиновья.— Не могу поверить, что Козельков себе такое позволил.

— Тем не менее это факт! — обиделся Дубяга.— Как видите, на репетицию он не явился.

— А как же он мог явиться? — удивился Кукуев.— Знаете, сколько хлопот с милицией? Переночевал или в отделении, или в вытрезвителе, потом составили протокол, потом то-се... Дай бог, чтоб его к обеду отпустили.

— Очень мне интересно, как он из этого дела будет выкручиваться,— задумчиво произнес простак Косичкин.

— Как все: заболел и еще будет получать по больничному листу,— усмехнулся Кукуев.— Другого способа, голубчик, нет!..

В этот день наш театр жужжал и стрекотал до самого обеда, а в обед позвонила жена Козелькова и сообщила, что у ее мужа был сердечный приступ, приезжала «неотложка», и сейчас он ждет врача. С ней говорила Зиновья и — какой молодец! — даже виду не подавала, что нам известно, какой у Козелькова был «сердечный приступ». Мало того, она вполне искренне пожелала ему скорейшего выздоровления.

Зиновья повесила трубку, а Кукуев весело подмигнул Дубяге:

— Что я говорил? Другого способа нет! Только больничный лист!

Дня через два мы (вот что значит — чуткие люди, здоровый коллектив!) собрали по рублю, и Зиночка, купив цветы и апельсины, пошла проведать Козелькова. И если по линии заботы о человеке все было на высшем уровне — внимание и чуткость проявлены так, что Козельков и не догадывался, что мы знаем правду о его «болезни», то на работе все обстояло не так благополучно.

Скажем, по общественной линии состоялись перевыборы месткома. Спрашивается, можно ли такого, мягко говоря, морально неустойчивого человека оставить в числе членов месткома? Конечно, нет! А можно ли такому человеку дать путевку в санаторий, если у него был вышеописанный «сердечный приступ»?

О чем говорить, за те две недели, что Козельков отлеживался на больничном листе, его общественное положение и авторитет сильно пошатнулись. Ничего удивительного: и руководство, и общественные организации, после рассказа Дубяги, полностью изменили отношение к Козелькову.

Наконец Козельков пришел в театр. Бледный, как пересиненное белье, несчастный, смотреть жалко. А с другой стороны, почему жалко? Сам виноват! Разве можно в его возрасте... Это самое... «Ну, заяц, погоди!» А если уж так сильно захотелось — пожалуйста, но тихо: выпей дома и кричи на близких!..

Мы его, конечно, встретили тепло и сердечно: все-таки двенадцать лет работает с нами плечом к плечу, не отказывался ни от одной роли. А дня через два он узнал, что в местком его прокатили, в путевке отказали и вопрос о получении новой квартиры тоже повис в воздухе. Спрашивает: «Почему?» Мы, конечно, как можно тактичнее и мягче рассказали, что, дескать, подвел он всех нас. А он чуть не плачет и клянется, что это был не он.

— Как же, — говорим, — не вы? Дубяга сам видел с расстояния в пять метров. И шляпа ваша, и пальто, и даже очки.

— Как он мог меня видеть, — кипятился Козельков, — если то, что он рассказывает, было в понедельник, а я заболел в воскресенье? Перепутал Дубяга! Обознался!

И шляпа у меня не такая, как он рассказывает, и пальто не такое!..

Ну, возможно, Дубяга и перепутал. Возможно. Но что теперь делать? Путевку все равно отдали другому, а поскольку Козельков не член месткома, то и новую квартиру получит не скоро. И авторитет тоже загремель. Пока создашь его заново, знаете сколько времени надо работать безупречно, чтобы смыть это пятно, которого вроде и не было.

Что делать? Таков закон жизни: плохой молве всегда верят охотнее, чем хорошей! Даже поговорка есть: хорошая слава лежит, дурная летит с космической быстротой!

ПРАВАЯ ПОДМЕТКА И ЛЕВЫЙ КАБЛУК

Недавно в нашу редакцию пришло письмо: гражданин Курочкин В. А. приобрел ботинки, но на третий день отвалился каблук у левого, а на четвертый отлетела подметка у правого. Разумеется, гражданин Курочкин крайне огорчился и, как это у нас принято, написал письмо в газету с просьбой выяснить причины столь неудовлетворительного качества приобретенных им ботинок.

И вот я поехал к директору обувной фабрики, которая огорчила гражданина Курочкина В. А.

Директор оказался милейшим и приятным во всех отношениях человеком. Он как раз собирался обедать, пригласил меня, и мы вместе пошли в фабричную столовую. Столовая произвела на меня самое отрадное впечатление: и помещение, и чистота, и выбор блюд, и даже обслуживание — все было на высочайшем уровне. Даже компот был не из традиционных сухофруктов, а из свежих райских яблочек.

Пока мы обедали, директор с законной гордостью рассказал о том, что каждый второй работник фабрики учится: кто в вечерней школе, кто в техникуме, некоторые в институте. Половина рабочих сдала нормы на значок ГТО, трое удостоены звания мастера спорта. Фабричные стрелки по «летающим тарелочкам» заняли первое место на городских соревнованиях по стрельбе.

Отлично работает фабричный Дворец культуры. Кру-

жок фото- и кинолюбителей получил вторую премию на выставке в Праге и третью в Софии. Школа бальных и бытовых танцев считается образцово-показательной, и в ней стажируются руководители танцевальных школ из других городов.

Над фабрикой шефствует театр драмы на Нижней Масловке, и актеры — частые гости в цехах и на субботниках, а фабричный драмколлектив поставил «Грозу» Островского и «Затюканного апостола» Макаенка. Сейчас готовят «Золушку, или Хрустальный башмачок».

В прошлом году отпраздновано шестнадцать комсомольских и две серебряных свадьбы. Почти всем молодоженам вручены ключи от новых однокомнатных квартир. Судя по всем данным, в этом году свадеб будет еще больше, и фабрика намерена открыть вторые ясли.

Еще директор сообщил, что фабрика третий год перевыполняет план и добилась высоких показателей по экономии дефицитного сырья, фурнитуры, электроэнергии и горячей воды.

Когда мы после обеда вернулись в кабинет директора, я ему напомнил о письме гражданина Курочкина В. А. Директор прочел письмо еще раз и поморщился:

— Да, это, к сожалению, еще имеет место. Бывает... Но мы боремся за качество наших изделий, боремся засучив рукава и не покладая рук! — он грустно развел руками. — Да, есть еще недостатки в нашей работе, но и успехи у нас огромные. Огромные! О некоторых я уже вас проинформировал, но могу ознакомить подробнее, предоставить цифровой материал за прошлые годы и рассказать о наших дальнейших планах. Вот об этом, дорогой товарищ корреспондент, и напишите в вашей уважаемой газете. Об этом!

Я согласился и, как видите, написал.

ХОББИ

Вы Ивана Капитоновича знаете? Начальника нашего учреждения? Нет? Это фигура! Личность! Мужчина по всем статьям. И работник отличный, и болельщик первоклассный, и, как говорится, ничто человеческое

ему не чуждо — имеет хобби: рыболов-любитель. И какой! Верите, рыба к нему на крючок идет в порядке живой очереди. А вот на прошлой неделе... Но если позволите, я расскажу об этом подробнее.

Вызывает он меня на прошлой неделе и говорит:

— Ты что, Балясников, в пятницу делаешь? Опять будешь терять время перед телевизором?

Я, конечно, улыбаюсь: знает мои привычки!

— Бросай все к чертовой бабушке, поедem на рыбалку.

— Бу сделано! — отвечаю с юмором, как Аркадий Райкин, и выхожу из кабинета, потому что понимаю свой маневр. Не впервые! И начинаю заниматься подготовкой.

Жена у меня замечательная хозяйка. Золото! И вот в пятницу я ухожу на работу, а она начинает готовить. Пирог с капустой. Но — люкс! пальчики оближешь! Селедочку маринованную. В продаже она встречается в банках, называется атлантическая, безголовая, но жена ее особо обрабатывает, со всякими онёрами. Огурчики-помидорчики домашнего соления. Жареный хек или эту рыбу, как ее?.. и не выговоришь: нототения... Все, знаете, скромно, но с большим вкусом.

А я в пятницу часа в два с работы исчезаю. Говорю, что надо в банк, и добываю червей. Есть такие «жуки», которые предлагают этих червей за небольшое вознаграждение порядка трех рублей с копейками...

Словом, к пяти часам я стою у дома Ивана Капитоновича с чемоданом, банкой с червями и удочкой. Вернее, не стою, а сижу в его черной «Волге» с шофером Василием Васильевичем. Иван Капитонович тоже пораньше закруглился на работе, сказал, что поехал в ЦК профсоюза...

Тут подходит заместитель Ивана Капитоновича — они в одном доме живут, — а минут через двадцать и сам Иван Капитонович появляется. Сидим, шутим. А тут еще одна «Волга» подкатывает. Такая же компания, как наша, но из другого учреждения.

И — поехали! С ветерком! Километров за шестьдесят от города. Там река есть, тихая, чистая, и народу мало. Не каждый доберется.

Приехали и — за дело, потому что как раз закат, а на закате рыба клюет как ненормальная. Такой у нее рефлекс.

И надо же: в эту пятницу хоть бы одна клюнула! Ну, мы посидели, плюнули — и ужинать!

Шоферы за это время, пока мы на поплавки глядели, разостлали ковер, а все рыболовы давай выкладывать свои продовольственные запасы.

Жена у Ивана Капитоновича, только сугубо между нами, хозяйка неважная, не творческая хозяйка, так что его запасы выдумкой не отличаются. Но сами продукты — моим не чета! И балычок, и икорка, и колбаса какая-то немислимая, и сыр, который еще в продажу не поступал, экспериментальный. Я водочку достаю, а он какой-то коньячок не русский, но тоже вполне, не хуже армянского...

Ну, поужинали, поговорили на производственные темы: кого повысили, кого — наоборот, «в связи с переходом на другую работу»... Потом спели хором и — спать, потому что вставать-то на рассвете.

Ночи летом короткие, спали недолго и, перекусив, опять за дело. И надо же — и на зорьке не клюет. Один Иван Капитонович пескаря поймал. Небольшого. С ладонь. И тут происшествие. Иван Капитонович до того в азарт вошел, что, в тот момент, когда снова забрасывал, поскользнулся и — бух! — в воду. У него, понимаете, сапоги резиновые. В Англии покупал. За валюту. А почва на берегу скользкая. Вот его и подвела зарубежная продукция!..

В первую минуту мы все захотели засмеяться, но плавать-то он не умеет, так что всем стало не до смеха. Вытащили. Ругался он бог знает как. Опять костер разожгли, обсушились и совершенно не в том настроении собрались в город.

Едем.

А когда не везет, то не везет! Шофер Василий Васильевич не заметил колдобину и — в нее. Что-то в машине повредил. Говорит, пустяки, ремонту рублей на восемьдесят. Кое-как он там на живую нитку отремонтировался, и домой доехали благополучно...

А в понедельник Иван Капитонович на работу не вышел. Простудился, бедный! И заместитель простудился. И я тоже. Один Василий Васильевич ремонтом занимается. Но, говорят, тоже чихает.

А я лежу дома и думаю — все равно делать нечего. И думаю я о том, что такое невезение. Все так прекрас-

но началось, и такой печальный финал. Я по образованию бухгалтер и подсчитал: ремонт машины — 150 рублей (Василий Васильевич ошибся, когда думал, что 80!); бензину сожгли и покрышку потеряли, еще — 60; четыре дня Иван Капитонович не работал, и зам не работал, и я аналогично — на круг еще рублей 150! Стало быть, эта рыбка стоит $150 + 60 + 150$ (триста шестьдесят) рублей! Вот в какую сумму влетела эта рыбка. Государству, конечно. И очень обидно и за нас, и за государство. Тем более, что эту рыбку — кошка съела!

ПЕРВАЯ СКРИПКА

— Я — вторая флейта, — сказал мой сосед по купе и пояснил: — Вторая флейта — это по производственной линии. А по общественной — я председатель месткома. Оркестр у нас замечательный, с традициями. Ездим по стране и за рубеж. Везде аншлаги. И вот недавно произошел у нас такой, я бы сказал, камуфлет. Нашей первой скрипке исполнилось шестьдесят, пора на пенсию. Ну, порядок известный: местком выделил пятьдесят рублей, музыканты сложились по два рубля, купили ценный подарок и я сказал речь. Словом, проводили по высшей категории.

И тут возникла проблема: нужна первая скрипка. Где ее взять? Объявили конкурс на замещение вакантной должности. Разумеется, желающих масса, но в результате тщательного отбора большая часть отсеялась и остались два человека.

Специальная приемная комиссия в составе главного дирижера, директора и, так сказать, вашего покорного слуги должна была выбрать лучшего.

Претенденты сыграли по три произведения для скрипки, и мы приступили к обсуждению их кандидатур.

— Я думаю, нам подойдет Комаров, — сказал наш главный дирижер.

— А мне кажется, лучше взять Васюшкина, — сказал директор.

— Почему?

— Видите ли, товарищ художественный руководи-

тель, к подбору кадров мы должны подходить крайне ответственно. Заслуженный оркестр. С традициями. Сами понимаете...— многозначительно улыбнулся наш директор.

— Правильно! — поддержал я директора, поскольку местком всегда поддерживает дирекцию.— Нам нужен человек чистый как стеклышко. Давайте,— говорю,— обоих проанализируем. Ваш Комаров холостой, а Васюшкин женатый.

— Ну и что? — удивился дирижер.

— Как это «ну и что»? Все неприятности, какие бывают, от холостяков. Женатый помнит: на шее жена, дети — он и держится. А холостяк? Кум королю! Свободный художник!

— Верно,— поддержал меня директор.— Холостяки — самые морально неустойчивые люди.

Но художественный руководитель — вот человек! — с нами не согласился и говорит:

— Разве в этом дело? Комаров — музыкант, скрипка у него в руках поет!

— При чем тут скрипка? — говорю я.— Вы сравните их биографии! Кто родители Васюшкина и кто Комарова? У Васюшкина грамота за шефскую работу и мать — мать-героиня. Он прекрасный общественник! На предыдущей работе был редактором стенгазеты, а у нас стенгазета в запущенном состоянии. А ваш Комаров...

— Почему мой? Я его впервые вижу,— пошел на пятный наш художественный руководитель.

— Тем более,— говорит директор,— впервые видите, а уже заступаетесь.

— Я и не думаю заступаться. Просто мне кажется...

— Не знаю, что вам кажется,— заявил директор,— но ваш Комаров имеет задолженность по членским взносам, а Васюшкин...

— Простите меня,— не выдержал художественный руководитель,— но вы не учитываете главного: Комаров отличный музыкант, а Васюшкину еще учиться и учиться...

— И научится! — сказал директор.— Попадет в здоровый коллектив и заиграет. Я — за Васюшкина!

— Я тоже,— поддержал я директора.

И что бы вы думали? В данное время морально устойчивый, женатый, сын матери-героини Васюшкин де-

дает заметные успехи в игре на скрипке. Конечно, до первой скрипки ему еще учиться и учиться, зато наша стенгазета уже заняла третье место на районном смотре.

Правильно подбирать кадры — великая вещь!..

СУХОЙ АЛКОГОЛЬ

Мужчина в темных очках и белой курортной шапочке, на которой было написано «Судак», вошел в кабинет Бориса Гавриловича, начальника бюро рационализации и изобретательства.

— Здравствуйте,— поклонился мужчина, снял шапочку и поставил на стол начальника маленький чemo-данчик.

— Здравствуйте,— механически ответил Борис Гаврилович и вздрогнул: перед ним стоял изобретатель Хитяев — человек, которому больше всего подошло бы определение «неудачник».

Именно — неудачник. Каждые два-три месяца он являлся с каким-нибудь изобретением или предложением и сильно отравлял существование бедному Борису Гавриловичу. Все эти изобретения Борис Гаврилович должен был вычертить, описать, проверить, не было ли аналогичных,— словом, потерять уйму времени и энергии. И все это за одну зарплату! Поэтому Борис Гаврилович чаще всего говорил Хитяеву, что такое же изобретение уже давно зарегистрировано, и сравнительно легко отделялся от неудачливого изобретателя. Конечно, кто знает, может, из-за отношения Бориса Гавриловича к работе современная техника и потеряла что-нибудь ценное и нужное людям, но изобретений хватает и без хитяевских!

Чувствуя некоторые угрызения остатков совести, Борис Гаврилович преувеличенно обрадовался приходу Хитяева и игриво спросил:

— Ну, дорогой, чем вы на этот раз нас порадуете?

Хитяев строго посмотрел на Бориса Гавриловича и хрипло произнес:

— На этот раз я сделал очень крупное изобретение! Я изобрел сухой алкоголь!

— Что-что? — опешил Борис Гаврилович.

— Изобрел сухой алкоголь,— повторил Хитяев и открыл свой чемоданчик.— Вот, пожалуйста: порошки. На каждом сорт напитка и доза.— Он достал из чемодана несколько пестро оформленных пакетиков и рассыпал их веером по столу.— Вот «Водка «Столичная», ноль три», то есть триста граммов. Вот «Коньяк армянский, пять звездочек, ноль две», двести граммов. Вот «Камю», вот «Курвуазье», вот «Виски «Белая лошадь», вот джин «Длинный Джон», вот вермут «Чинзано»...

Борис Гаврилович попеременно смотрел то на изобретателя, то на его необыкновенные порошки. Потом сказал осторожно и неопределенно:

— И-да... Так сказать, конечно... Действительно...

— Что «действительно»? Вы понимаете, что я изобрел? Это технический переворот! Никаких бутылок! Значит, все фабрики, выпускающие бутылки, смогут выпускать столь дефицитные тарелки, чашки и сервизы! Все деревообрабатывающие фабрики, изготавливающие ящики для бутылок, будут выпускать опять же дефицитную мебель. Из пробок можно производить тоже что-нибудь полезное и дефицитное. Можно закрыть пункты приема посуды! Освободятся многие тысячи рабочих рук! О чем говорить? Перспективы грандиозные! — размахивая руками, закончил Хитяев.

— Да, это, пожалуй, конечно...— не то согласился, не то растерялся Борис Гаврилович.— А они как... действуют?

— Порошки? Еще бы! Пожалуйста, давайте выпьем — и вы убедитесь сами.

— Но я на работе,— смущенно улыбнулся Борис Гаврилович, внутренне готовый к подобным приятным экспериментам, тем более что он имел право проверять изобретения лично.

— Сто граммов — это можно! Это многие себе позволяют! — успокоил его Хитяев, взял с соседнего стола стакан и плеснул в него воды из графина.

— Ну, разве что сто граммов, так сказать в рабочем порядке,— смущенно и обрадованно сказал Борис Гаврилович и начал разворачивать протянутый ему порошок «Коньяк «Юбилейный», 0,1».

Изобретатель, как все изобретатели, демонстрирующие свои изобретения, первым высыпал порошок на

язык, запил водой и изобразил максимальное удовлетворение.

— Ладно! Была не была! — подмигнул Борис Гаврилович и запил «Юбилейный» порошок водой. Однако на его лице выражения удовольствия или восторга не появилось. — Н-да... Вкус неважный. И вообще, так сказать, никакого эффекта.

— Потому что мало! Разве сто граммов могут дать эффект?

— Возможно, — согласился Борис Гаврилович, и они выпили еще по одному порошку.

К сожалению, эффекта не было и на этот раз.

— Так, — тихо сказал Борис Гаврилович. — А из чего изготовлены эти порошки?

— Ну, это мой секрет!

— Но мне-то вы должны его открыть!

— Открою. Только сугубо конфиденциально! — шепотом произнес Хитяев. — Сахар, соль, сода, лимонная кислота и тринадцать граммов канифоли.

— Чего? — крайне удивился Борис Гаврилович.

— Канифоли. Для шипения.

— Какого шипения? — не понял Борис Гаврилович.

— Которое с пузырьками. Естественно, все толчется в ступке и перемешивается.

— Так, — сказал Борис Гаврилович и опустил в кресло. После этого произошла пауза. Довольно долгая. Наконец Борис Гаврилович спросил: — Простите, вы что, сошли с ума?

— Да, довели! — горько сказал Хитяев, быстро выпил «Экстру», 0,5», запел «Как прекрасен этот мир...» и вышел из кабинета начальника Бриза, на ходу надевая шапочку с надписью «Судак».

ГИПЕРТОНИЯ

Человек в мокром плаще болонья, обгоняя поднимающийся лифт, взбежал по лестнице на пятый этаж и нажал кнопку дверного звонка.

Прошла добрая минута, прежде чем за дверью раздался недовольный голос:

— Кто там?

— Я, Степан Кузьмич, Пестряков.

— Ах, Пестряков! Сейчас,— ответил Степан Кузьмич и открыл дверь.— Случилось что-нибудь?

— Да, Степан Кузьмич! Пожар! — задыхаясь прокричал Пестряков.

— Пожар? Где? Когда? Ты входи, входи...

— Был пожар, Степан Кузьмич. На базе. Сгорела наша база...

— Сгорела?

— Сгорела... Бухгалтер говорит — убытков почти на двести тысяч.

— Ну и человек же ты, Пестряков! Врываешься ночью и пугаешь до смерти! Идем, чучело гороховое.

Они прошли в кабинет Степана Кузьмича. Он взял со стола пузырек с лекарством, налил в стакан воду, отсчитал двадцать капель и, укоризненно качая головой, сказал:

— Кажется, знаешь, что у меня гипертония. Сердце на волоске висит... Малейшее волнение, оно может — раз! — и что? Оборваться! Как же ты, Пестряков, позволяешь себе так меня волновать? Ночью. После трудового дня. А?

— Так, Степан Кузьмич...

— Что «Степан Кузьмич»? Погубить меня задумал? Хочешь, чтобы я не сходя с места дал дуба? Упал, и «вечная память»?..

— Так, Степан Кузьмич... — приложил руку к мокрой болонье Пестряков.

— Я пятьдесят семь лет Степан Кузьмич. Надо же иметь чуткость. Медицина прямо говорит: волнение для гипертоника — нож в сердце!

— Но пожар, Степан Кузьмич!

— Правильно, пожар. Разве я против? Но ты должен соображать: если человек больной, надо его подготовить.

— Как подготовить?

— Постепенно. Не сразу ляпнуть «пожар!», а по-степенно! Понял?

— Понял, Степан Кузьмич! — кивнул Пестряков.

— Сейчас я погляжу, как ты понял. Давай выйди, понимаешь, зайдя и подготовь, как полагается..

— Так, Степан Кузьмич...

— Давай, давай, действуй!

— Пожалуйста,— пожал плечами Пестряков, неохотно вышел из кабинета и тут же вернулся.— Степан Кузьмич!

— Ну?

— А у нас-то на базе пожар был...— тихо и почти ласково сказал Пестряков.

— Пожар? А поздороваться надо? Давай еще раз.

Степан Кузьмич поудобнее уселся в кресло, а Пестряков снова вышел и тут же вернулся.

— Здравствуйте, Степан Кузьмич!— сказал он бодро и весело.

— Здравствуй, Пестряков,— улыбнулся довольный Степан Кузьмич.— Вот, другое дело! Молодец!

Поощренный Пестряков тоже улыбнулся:

— А на базе, Степан Кузьмич, был пожар. Убытку, бухгалтер говорит, почти на двести тысяч...

— Ну что ты делаешь, Пестряков!— возмутился Степан Кузьмич.— Чего ты улыбаешься? На базе пожар, а он улыбается, как балерина. Разве так готовят?

— А как?

— «Как»! Работнички! Учи вас! Что бы вы без меня делали? Входишь, так?

— Так.

— Говоришь: «Здравствуйте, Степан Кузьмич!» И начинаешь совершенно посторонний разговор. Минуту-другую говоришь на разные-всякие темы, а тогда — вскользя, к слову... Понял?

— Понял,— кивнул Пестряков.

Степан Кузьмич закурил, а Пестряков снова вышел и тут же вернулся.

— Здравствуйте, Степан Кузьмич!

— Здравствуй, здравствуй, Пестряков. Что скажешь новенького?

— Скажу, Степан Кузьмич, что «Спартак»-то проиграл...

Степан Кузьмич вскочил и схватился за сердце.

— Ты что?! Когда же он играл?

— Да нет, Степан Кузьмич. Это я так, для подготовки. Так сказать, вскользя...

— «Вскользя»... Ну, ты ж человек! Ты меня и с твоей подготовкой на тот свет отправишь! Кажется, знаешь, мне нельзя волноваться, знаешь, что я болею за «Спартак»... Ох, Пестряков! Убить тебя мало! Давай

еще раз. Ну, поговори о погоде или что сегодня в театрах играют. Понял?

— Понял, Степан Кузьмич!

Пестряков снова вышел и снова вернулся.

— Здравствуйте, Степан Кузьмич!

— Здравствуй, Пестряков. Что скажешь новенького?

— Скажу про погоду. Хороша!

— Чем же хороша? Что ни день — то дожди!

— И то правда. Дождь... Настроение поганое... На улицах склизко... В главке ревизия была. Федотова сняли,— бодро импровизировал Пестряков.

— Какого Федотова? Николая Терентьевича?

— Николая Терентьевича.

— Ты как, всерьез или для подготовки?

— Для подготовки...

— Ох, Пестряков, Пестряков! Ты меня сегодня окончательно в гроб уложишь: Федотов — брат моей жены! Вот человек! Ты куда? — остановил он повернувшегося вокруг оси Пестрякова.

— Я еще раз...

— Не надо. Давай с места. С погоды... Чем же хороша? Что ни день, то дожди!

— И то правда, дождь. Настроение поганое. На улицах склизко... В опере «Кармен» идет. С Плисецкой... Только она не поет, а танцует...

— Ну?

— А у нас, Степан Кузьмич, происшествие. Даже не происшествие, а вроде бы казус...

Степан Кузьмич даже засиял:

— Молодец! Правильно действуешь! Какой же казус?

— Да так, пустяки. Вы, главное, не волнуйтесь. У вас сердечко-то на волоске. Его волновать нельзя. Ни-ни! На нашей базе казус. То ли несчастный случай, то ли пожар был, но кое-что сгорело.

— Хорошо. Очень хорошо! Что же сгорело?

— Кое-что из оборудования.

— Много?

— Да нет, все!

— Очень хорошо,— улыбнулся Степан Кузьмич.

— Лесоматериалы сгорели, две машины, склады, сырые, три электромотора, гараж и ремонтная мастерская...— бодрой скороговоркой перечислил Пестряков.

— Ай-яй-яй! Ай-яй-яй! И надо же! Только вчера вместе с тобой были на базе.

— Не говорите, Степан Кузьмич! Больно до слез! Убытку почти на двести тысяч!

Степан Кузьмич встал и не спеша прошелся по кабинету.

— Только вчера заходил с тобой на базу. Было тепло, сухо... Я свой макинтош оставил, габардиновый... Слушай! Вся база, говоришь?

— Вся! Как есть вся!

— Слушай, а мой макинтош? Новый? Габардиновый? Сгорел? — бледнея, спросил Степан Кузьмич.

— Все сгорело. И макинтош ваш, конечно, сгорел! Почти на двести тысяч!

Степан Кузьмич перебил Пестрякова:

— Да нет, семьдесят шесть рублей... Польский... Вот человек! Мямлишь-мямлишь, «двести тысяч», а главного не говоришь! — Степан Кузьмич долго смотрел на Пестрякова, потом ткнул в него пальцем и заявил: — А кто виноват? Ты?

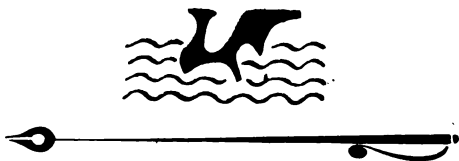
— Я? — испуганно попятился Пестряков.

— Ты! Пристал как банный лист: «Заедем на базу, заедем на базу!» А если б не заехали, она бы что, сгорела?

Степан Кузьмич еще раз посмотрел на опустившего голову Пестрякова и сказал в сердцах:

— Знаешь, Пестряков, иди ты лучше... из моего дома и не порть мне настроение. У меня сердце и так висит на ниточке!





НА КОРАБЛЕ ЖЕНЩИНА!

Если на корабле появилась женщина, то неприятностей не избежать! Это знают все! Я тоже знал, но сомневался. Думал — суеверия, пережитки прошлого. А теперь — все, тоже не сомневаюсь...

Конечно, наш портовой катерок кораблем не назовешь. Его, если быть честным, чаще называют старой калошей, лайбой или сундуком. Маленький, обшарпанный, увешанный старыми покрывками, чтоб не повредить борта настоящих кораблей, он особого восторга вызвать не может. Мало того, словно в насмешку, он еще называется «Грозным». Ну?

Тем не менее он трудяга-работяга. С утра до поздней ночи таскает на буксире баржи и порталы краны, выводит суда из гавани, помогает при швартовке...

Команда на нашем сундуке — пять человек: судовой механик, рулевой, два палубных матроса и, конечно, капитан. Все мы считаем, что на нашей посуде находимся временно и нас еще ждут океанские лайнеры, дальние плаванья и неведомые страны.

И вот, месяца полтора назад, болтаемся мы у пирса и ждем капитана, который пошел к диспетчеру порта за очередным заданием. Ждем, как говорится, «загораем»... И вдруг на пристани появляется девушка. Не скажу красавица, но вполне: блондиночка, стройненькая, в голубых брючках и безрукавке. Глаза живые, шустрые. Улыбка. На боку фотоаппарат.

Первым ее, конечно, заметил наш рулевой Сеня Лобанов и доложил:

— Справа по курсу девица — стиль модерн. В глазах звезды, в улыбке солнце. Если ее душевные качества совпадают с внешними — мог бы осчастливить и жениться.

А девица тем временем подходит к нашей лайбе и топает вверх по трапу.

— Здравствуйте, — говорит, — товарищи. Я из редакции молодежной газеты.

— Очень приятно, — отвечаем. — Милости просим, товарищ корреспондент.

— Спасибо, — улыбается девушка и спрыгивает на палубу. — Значит, это и есть «Грозный»?

— Да, — говорим, — корабль не ахти какой, зато команда — отборная. Лучшие люди торгового флота!

Девушка опять улыбается и говорит:

— Прежде всего, давайте познакомимся. Я — Наташа Ермакова.

— Очень приятно, — ответили мы, по очереди пожали ей руку и представились.

— В редакции мне дали задание написать о вашем корабле...

— О? Нашем? Корабле? — удивились мы хором.

— О вашем корабле. В управлении порта сказали, что работаете вы много, показатели отличные. Вот мне бы и хотелось, чтоб вы рассказали о себе.

— А может, лучше вы расскажете о себе, — подмигнул корреспондентке наш рулевой Сеня Лобанов.

— Пожалуйста, — согласилась Наташа. — Я москвичка, окончила журналистский факультет МГУ и в ваш город попала по распределению. Есть еще вопросы?

— Есть, — говорит Сеня Лобанов. — Вы извините, конечно, что вопрос интимный: замужем?

— Нет. Все?

— На данном этапе — все. А что вас интересует?

— Все! Как работаете, как отдыхаете, где учитесь?

— Это капитан лучше расскажет.

— С капитаном я тоже поговорю. А сейчас расскажите вы.

— Что ж, если настаиваете, — усмехнулся Сеня Лобанов и закурил. — Значит, так... Коллектив у нас хоть небольшой, но дружный. Здоровый коллектив. Живем единой семьей. Душа в душу. Не разлей водой...

Девушка достала небольшой блокнот и начала запи-

сывать Сенины слова, а он нас рисует в таких красках, словно мы не моряки малого каботажа, а молодые ангелы или кандидаты в святые. По его словам, мы давно забыли, что такое крепкие слова и крепкие напитки, все мы заочно учимся в высших учебных заведениях, занимаемся всеми видами спорта и начинаем свой день двадцатиминутной утренней зарядкой и купанием в морской воде, причем в течение всего года! Зимой плаваем между льдин, и благодаря этой закалке ни один из нас не знает, что такое грипп и где бывает насморк.

— А есть ли у вас какие-нибудь хобби? — спрашивает корреспондентка.

— А как же! — отвечает Сеня и указывает на меня: — Он филателист, собрал отличную коллекцию марок. Павлик, наш моторист, нумизмат. А я, — Сеня скромно опустил глаза, — библиофил. В моей библиотеке около трех тысяч томов, включая редкие издания. В том числе Бальзак... этот, как его, Жорж Занд и Сименон.

И надо вам сказать, Сеня до того убедительно, говоря по-флотски, травит, что я сам готов поверить, что я филателист, Павлик нумизмат, а он библиофил. Однако, думаю, если эти красивые Сенькины измышления напечатать, и не в редком издании, а в местной газете, над нами весь порт смеяться будет года полтора.

А корреспондентка знай себе задает вопросы и записывает.

— Часто ли вы посещаете театры?

— Каждую неделю, — не моргнув глазом рапортует Сеня.

— Какой последний спектакль вы видели?

В театре мы, признаться, год не были. Ни коллективно, ни индивидуально. А Сенька, опять же не моргнув глазом, рапортует:

— Последний спектакль — «Кармен», музыка Бизе.

— Понравился?

— Как вам сказать... Сама Кармен... простите, забыл ее фамилию...

— Щеглова.

— Вот-вот, Щеглова. Она просто прелесть! Какой голос! Какая фигура! Мимика! Очень талантливая актриса.

— Полностью с вами согласна, — кивает корреспондентка. — А Казаринов?

— Кто?

— Хозе.

Не видел Сенька ни Казаринова, ни Хозе, но дает открытым текстом:

— Тоже хороший артист, но Щегловой уступает. Не тот, я бы сказал, уровень и темперамент.

Корреспондентка и это записала, а потом так выразительно посмотрела на Сеню и говорит:

— Спасибо за ваш милый рассказ, но, вы только не обижайтесь, в редакции существует правило: все факты, о которых я сообщаю, нужно проверять. В данном случае я вам верю и ничего проверять не буду.

Сказала она эти слова и снова смотрит на Сеню. А он поблагодарил за доверие и предложил ей с нами позавтракать.

— Спасибо, в другой раз...

И тут Павлик не выдержал:

— Товарищ корреспондент, просьба у меня: не пишите, пожалуйста, что я этот.. нумизмат. Не пишите.

— Почему?

— Не собираю я никаких монет. И вообще — с деньгами у меня плохие отношения. Не задерживаются.

— И я марок не собираю,— добавил я.

Наташа молча посмотрела на библиофила, но он сосредоточенно разглядывал трубу нашего катера так, будто впервые ее увидел.

— Значит, факты не подтверждаются? — спросила у него Наташа.

— К сожалению,— вздохнул библиофил, продолжая смотреть на трубу.— Но могут и подтвердиться...

— Каким образом?

— Мы что, не можем ходить в театры? А сколько раз я этим охламонам предлагал поступить в вечерний техникум?

— А сами?

— Такой же охламон, как они. А сколько раз давали слово, извините, конечно, не погибать? Разве ж они люди? Разве понимают?

— А вы?

— Такой же! Одним миром мазаны!

Корреспондентка еще раз посмотрела на Сеню и тихо сказала:

— Ну вот что: пока я писать о вас не буду. Напишу месяца через три. Надеюсь, тогда вы меня не подведете?

Мы промолчали, а она пожала нам руки и тихо удалилась в своей безрукавочке и голубых брючках. С фотоаппаратом.

И с того дня тихая жизнь на нашей лайбе кончилась. Конечно, хобби, бог с ними. А вот к экзаменам в вечерний техникум готовимся. И разговариваем друг с другом, как на дипломатическом приеме. И в театр ходили. Два раза. В том числе и на «Кармен», музыка Бизе.

Что говорить? Как женщина появилась на корабле, так и начались все эти... неприятности!

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

научно-фармацевтическая
фантастическая история

Пять лет тому вперед в семье Фитилевых произошла следующая история: супруги Фитилевы поссорились. Это была обыкновенная, малооригинальная семейная ссора, и ничего фантастического в ней не было. Просто Фитилев-муж, когда вернулся с работы домой, не вытер ноги и наследил. Фитилева-жена, которая только-только закончила уборку, сделала ему замечание в такой форме, которая нам, к примеру, в торговой точке, дает право потребовать жалобную книгу. Фитилев обиделся (естественно!) и, поскольку потребовать жалобной книги не мог, ответил, мягко говоря, не лучшим образом. Ссора...

А в самом конце ссоры Фитилева-жена, утирая слезы пыльной тряпкой, сказала:

— Когда наконец женщины будут по-настоящему равноправны с мужчинами?

Фитилев-муж нервно закурил и пожал плечами:

— По-моему, женщины давно равноправны.

— Ты так говоришь, потому что ты мужчина. А был бы ты женщиной, ты бы понял почем фунт лиха! Хлебнул бы горюшка!..

— Не знаю. Мне кажется, быть женщиной легче, чем мужчиной.

— О, да! — горько усмехнулась жена. — Ах, если б ты хоть один день побыл в моей шкуре!

— А ты в моей! — находчиво ответил муж и задумался. Потом прошелся по комнате и добавил: — Ладно, я это устрою.

— Что устрою?

— Устрою, что ты станешь мужчиной, а я женщиной. И тогда разберемся, кому легче.

Фитилева-жена перестала всхлипывать и с опаской посмотрела на мужа. Он спокойно выдержал ее взгляд.

— Да, устрою. В нашем научно-исследовательском институте уже проделано несколько подобных опытов.

— Ты шутишь!

— И не думаю. Академик Сыроваров создал пилюли тетрамицифицисульфадиамина...

— Как, как? — заинтересовалась жена.

— Тетрамицифицисульфадиамина! Достаточно принять три таких пилюли и сделать утреннюю зарядку, как человек в течение десяти минут меняет пол.

— Ерунда! — махнула рукой жена.

— Почему же ерунда? За эти годы сделаны более серьезные открытия! Я не говорю о технике. А медицина? Она наконец сумела победить насморк! А пол — это ведь куда проще! Не веришь, пожалуйста, на твоих глазах я проделаю этот опыт.

Фитилева-жена молча смотрела на мужа и вспоминала номер телефона «неотложной помощи». Но муж достал из портфеля граненый флакон с какими-то пилюлями и сказал:

— Дай мне стакан молока.

— Зачем? — дрожащим голосом спросила жена.

— Эти пилюли надо принимать на молоке...

...Вот с этого места и начинается научно-фармацевтическая фантастическая часть нашей истории. Мы не будем останавливаться на технических подробностях изобретения, так как описываемые события произошли пять лет тому вперед и в деталях нам почти неизвестны. Известно только следующее: через восемь минут после диалога, описанного выше, супруги Фитилевы приняли по три пилюли тетрамицифицисульфадиамина, запив их молоком, и сделали утреннюю зарядку. А еще через пятнадцать минут начались чудесные превращения: с лица Фитилева-мужа исчезли усы, на лысине закудрявилась молчаливая дамская стрижка и произошел ряд изменений в

фигуре, которая обрела другие формы, женственность и грациозность, а у Фитилевой-жены появились усы, лысина, приятная мужская упитанность и неторопливая солидность. Мало того, на Фитилеве-муже оказался домашний халатик, пестрый фартучек и шлепанцы, на жене — полосатая пижама, очки и в руках «Вечерняя Москва». Словом, опыт прошел удачно, изменения были полными и совершенными.

На следующий день Фитилева-жена (в образе своего мужа) пошла на его службу, а Фитилев-муж (разумеется, в образе жены) пошел на ее работу.

Жена провела рабочий день мужа вполне удовлетворительно: четыре часа она просидела на двух совещаниях и даже внесла ряд интересных предложений, час читала газеты, час писала и подписывала какие-то бумаги и часа полтора курила и болтала о футболе, хоккее, шахматах, рыбной ловле и последней модели автомобиля «Жигули».

Мужу на работе жены пришлось труднее. Она преподавала в младших классах арифметику, а у мужа ни опыта, ни соответствующих знаний явно не хватало. Однако с помощью учеников с работой жены он справился и побежал домой. По дороге ему (бывшему ему!) пришлось посетить несколько магазинов и сделать необходимые закупки предметов питания, забежать в детский сад за Колькой, придя домой — исправить пылесос, убрать квартиру и приступить к приготовлению обеда, одновременно занимаясь небольшой постирушкой и воспитанием ребенка.

Тут явился муж. Вернее, бывшая жена. Бывшая жена швырнул на кресло портфель и шляпу и, мило улыбаясь, сказал ей — бывшему мужу:

— Здравствуй, кошечка! Здравствуй, птичка! Ты всегда так много работаешь... Я хочу, чтобы ты сегодня отдохнула.

— Хочешь мне помочь? Сам пожаришь котлеты? — обрадовалась бывший муж.

— Нет, мы пойдем в театр. Вот билеты, — сказал бывшая жена.

— В театр? У меня столько работы. Сейчас прибежит Колька. Он во дворе...

— Пошли его к бабушке, — посоветовал бывшая жена. — А работу сделаем потом. Когда вернешься из те-

атра.— Жена взглянул на часы.— Однако поторопись, через двадцать минут мы должны выйти из дому.

— Через двадцать?! — испугалась бывший муж.

— Иначе опоздаем. Ну, я бреюсь, а ты одевайся,— сказал бывшая жена, закурил и зажужжал электробритвой.— Кстати, ты мои брюки проутюжила?

— Нет.

— Как же я пойду в театр? Пожалуйста. Это одна минута...

— Хорошо,— покорно согласилась бывший муж и включила утюг.

— А где мои подтяжки? — спросил жена, продолжая бриться.

Бывший муж заметалась по комнате и принесла подтяжки.

— Спасибо,— поблагодарил жена.— Слушай, почему ты не одеваешься?

— Тебе ведь нужны брюки.

— Честное слово, опоздаем. Кстати, какой мне надеть галстук?

— Этот! — сказал жена, доставая первый попавшийся галстук.

— Что ты, он абсолютно не подходит. Дай синий с горошком.

— Возьми сам!

— Неужели трудно помочь человеку, когда он спешит? — начал нервничать бывшая жена и взглянул на часы.— Слушай, нам же через пять минут выходить, а ты еще не готова.

— Так я же... — начала бывший муж.

Но жена перебил ее:

— Вечная история! Хотел человеку доставить удовольствие... — Потом она понюхал воздух: — Что это пахнет? Брюки! Поставила утюг на брюки и забыла... Ну и послал же мне бог растяпу! За двадцать минут не может собраться!..

Муж бурно зарыдала.

— Ну вот,— сказал жена.— Слезы... Будет пить капли Зеленина, а билеты пропадут. Зачем я только, дурак этакий, женился?

— Это не ты дурак, а я дура. Нашла сокровище!.. Вкладываю всю душу в ребенка и котлеты, и вот она —

благодарность...— рыдала муж.— Мама говорила, не выходи за него замуж. Он — тиран!

— Я — тиран? — возмутился жена.— Дура твоя мама!

— Не смей так говорить про мою маму! Она для тебя святыня!

— Чихал я на такую святыню! — бушевал жена.

— А я чихала на твою маму. И папу тоже!

— На мою... папу? — оскорбился бывший жена.— Ну, знаешь... это уже чересчур!..

...Пожалуй, на этом самое время прервать ссору супругов Фитилевых. Правда, следует добавить, что в театр они не пошли и, закончив ссору минут через двадцать, оба выпили капли Зеленина и помирились. В тот же вечер они обратились к академику Сыроварову, он дал им другие пилюли (их надо было принимать на кефире), и муж снова стал мужчиной, жена женщиной, и — в результате этого научного опыта — оба многое поняли!..

Вот и вся научно-фармацевтическая история, которая приключилась пять лет тому вперед, но вполне возможна и в наши дни без всякой фантастики.

ЧУДОВИЩЕ С ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ

Этот рассказ людям, подверженным чувству ревности, читать категорически не рекомендуется. Но разве кто-нибудь признается, что он ревнив? Никто! Чувство нехорошее, недостойное... У кого хватит мужества сказать, что он обладатель этого многократно заклеяменного чувства?

Так что же, собственно говоря, произошло на почве ревности? А вот что: жили были муж и жена. Состояли они в браке пять лет, оба работали и жили дружно и счастливо в отдельной квартире, жилищного кооператива «Пчелка».

Но (с этого «но» все и начинается)... но однажды они пошли на день рождения к своему старому институтскому товарищу. Хозяйка дома, как это принято, рассадилла мужа и жену, и они очутились на разных концах пиршественного стола. Соседкой мужа оказалась дама с длин-

ным и плоским лицом, напоминающим узбекскую дыню; соседом жены — белозубый элегантный красавец в рыжем ворсистом пиджаке и широком цветастом галстуке.

Алеша, так звали мужа, изредка поглядывал на Нонну, так звали жену. И что же он увидел? Он увидел, что его законная жена Нонна оживленно смеется, часто подносит ко рту систематически наливаемый бокал и мило и интимно беседует со своим белозубым соседом. Подобных личных контактов со своей дынелицей соседкой Алеша не установил и к этому не очень стремился. Однако, как воспитанный человек, поддерживал застольную беседу о телевидении, капризах погоды и сфере обслуживания населения.

Вскоре Алеша снова взглянул на жену. На короткое мгновение они встретились взглядами, но жена тут же отвернулась и продолжала оживленную беседу со своим соседом.

Алешу это озадачило и обидело, а в его груди зашевелилось то самое чувство, которое великий Шекспир называл чудовищем с зелеными глазами. Чудовище проснулось, открыло свои зеленые глаза и сказала Алеше:

— Поздравляю, Алеша. Кажется, твоей жене понравился этот белозубый субъект.

— Ерунда! — возразил Алеша. — Выпила, хорошее настроение...

— Вот-вот! Именно с этого все и начинается. Смотри, Алеша, — покачало мохнатой головой чудовище.

И Алеша начал еще чаще поглядывать в сторону жены. А она продолжала смеяться и кокетничать со своим соседом.

У Алеши пропал аппетит, и жалкая струйка беседы с соседкой полностью иссякла. Вокруг шумели, веселились, поднимали тосты, а Алеша молча ковырял вилкой в тарелке и ничего не ел.

Потом Ноннин сосед достал из кармана блокнот и сверкающую авторучку и что-то записал, кивая головой и улыбаясь.

— Ясно, — ехидно сказала чудовище. — Служебный телефон записал! Горишь ты, Алеша, синим огнем!

...Так прошло два часа отчаянных страданий бедного Алеши. Распоясавшееся чудовище нашептывало ему бог знает что, и Алеша все чаще в полемику с ним не вступал. Да, поведение Нонны было возмутительным, и ко-

нечно же, по совету чудовища, с ней следовало поговорить по-настоящему, по-мужски.

И разговор состоялся.

Распрощавшись с гостеприимными хозяевами и их гостями, Нонна и Алеша вышли на улицу. Прошли метров двести. Молча.

Потом Нонна взглянула на мужа и улыбнулась:

— Очень милый вечер, правда?

— М-м,— мрачно прохрипел Алеша.

— А больше всего мне понравился пирог с яблоками. Так просто: килограмм антоновки, сахар, корица...

— Больше всего тебе понравился не пирог с яблоками, а твой сосед,— перебил Алеша.

— Ах, Сергей Иванович?.. Да. Удивительно интересный человек. На днях прилетел из Японии. Художник. Хочет написать мой портрет.

— И ты согласилась?

— Конечно,— кивнула Нонна.

— И он записал твой телефон?

— Да. А что, я не должна была соглашаться?

— Не знаю. Мне это безразлично,— сухо произнес Алеша.

Замолчали. Прошли еще двести метров.

«Так уж тебе и безразлично! — усмехнулось чудовище.— Разве можно так разговаривать с женщиной? Мужчина ты или лопух? Давай действуй! Прояви характер!»

И Алеша неожиданно для самого себя повысил голос:

— Ну вот что,— сказал Алеша, разрубив воздух ладонью.— Вела ты себя неприлично.

— Я? — удивилась Нонна.

— Да. Пила, как сапожник. Болтала, как сорока. Дала неизвестно кому свой телефон. А если он жулик или какой-нибудь проходимец? Или вообще не наш человек?

— Что ты? Известный художник...

— Не знаю. Мне было стыдно за тебя! Я краснел с головы до ног.

— Понимаю,— сказала Нонна.— Это очень неприятное чувство. Я испытала его несколько раз.

— Ты? — остановился Алеша.

— Я. Последний раз неделю назад, когда мы были у Самариных. Ты тоже пил, как сапожник, и болтал, как

сорока. И даже пытался спеть арию Мельника. А потом назначал свидание моей подруге Люсе.

Алеша посмотрел на жену и покраснел:

— Ну, знаешь!..

— Знаю, знаю, Алешенька. Это ревность! И я очень рада!

— Чему ты рада? — не понял Алеша.

— Говорят, если ревнуют, значит, любят! Но можешь мне поверить, у тебя нет ни малейших оснований для ревности.

— Когда есть основания, ревновать уже поздно! — мрачно усмехнулся Алеша. — Только знаешь что: не надо, чтоб он тебя рисовал. Лучше я тебя сфотографирую.

— Конечно, это лучше, — охотно согласилась Нонна.

А чудовище чертыхнулось, закрыло глаза и заснуло в Алешиной груди.

ЗУБ МУДРОСТИ

Началась эта история с зубной боли. Месяца четыре назад, ночью, у Юры Кокорева разболелся зуб мудрости. Вначале Юра, как и любой другой человек на его месте, надеялся, что это пройдет. Нет, не прошло.

Тогда, так же, как любой другой на его месте, Юра решил с зубной болью бороться. А как? Многочисленные родственники, сослуживцы и друзья живо откликнулись на Юрину зубную боль и порекомендовали множество верных средств, от самых современных до дремуче средневековых. Юра перепробовал почти все, но боль не прошла.

И тогда, на третий день невыносимых страданий, Юра, как и любой другой человек на его месте, отправился в поликлинику.

Все вы, конечно, знаете: чтоб лечиться в поликлинике, надо быть очень здоровым человеком, а главное — располагать большим запасом времени. Все это у Юры было: и отличное здоровье — ему недавно исполнилось двадцать пять и он никогда и ничем не болел; и располагал запасом времени, так как там, где он работал, дисциплина была не на высоте.

И вот Юра Кокорев, скорбно держась за щеку, при-

шел в поликлинику и, как каждый пришедший в поликлинику, сразу же понял, что перед медициной он бессилен: одна регистраторша на него наорала, другая — обозвала склочником и бездельником, хотя эти эпитеты к ней подошли бы больше. И все же Юре повезло: часа через два он оказался в зубоврачебном кресле, поскольку он, как больной с острой болью, прошел в порядке очереди имеющих право пройти без очереди.

Врач-стоматолог — миловидная девушка в белом халатике и в белой шапочке — оглядела его зубное хозяйство и укоризненно покачала головой:

— Да, голубчик, зубки у вас в сильно запущенном состоянии. Этот придется удалить, этот — удалить, тут нужна пломба, тут — тоже, а зуб мудрости дышит на ладан. Да, молодой человек, стыдно, что вы так относитесь к своим зубам.

— Главное — болит! — с трудом произнес Юра Кокорев, и так как он произносил эти слова с открытым ртом, то некоторые буквы бесследно пропали и его слова прозвучали так: — ...авное ...оит!

Однако зубоврачебная девушка Юру поняла и строго возразила:

— Нет, это не главное! Сейчас главное — я pošлю вас на рентген, чтоб разобраться, что происходит с вашими зубами.

— Но у...ня ...ильно ...оит ...уб! — простонал несчастный Юра.

— Это пройдет! — пообещала девушка-стоматолог. — Примите анальгин и живо-живо на рентген.

И Юра, с прогрессирующей зубной болью, отправился на рентген. Разумеется, очередь была и здесь, и наконец, когда Юре сделали снимок и он с мокрой фотопленкой, на которой зловеще просвечивали его зубы, поспешил к врачу-стоматологу, выяснилось, что она закончила работу и ушла. Таким образом, Юрины страдания должны были автоматически продолжаться еще сутки.

Юра грустно побрел домой и, представьте, такое стечение обстоятельств: в булочной встретил девушку-стоматолога. Она тоже покупала хлеб, поскольку и стоматологи едят его ежедневно. В булочной разговорились и пошли вместе по улице. А на улице, в модной синтетической курточке и широких брючках, стоматологическая девушка была еще красивей, чем в поликлинике. И не

только красивой, но добрее и внимательнее. И до того эта славная кареглазая девушка понравилась Юре, что у него не только прошла зубная боль, но он еще влюбился в нее до потери сознания. К счастью, его чувства встретили полную взаимность, месяца через полтора была сыграна шумная и щедрая свадьба, и Юра зажил с вышеописанным стоматологом в мире, любви и согласии.

Нужно ли говорить, что к этому времени полость рта у Юры Кокорева была приведена в образцово-показательное состояние и весь тщательно отремонтированный зубной ансамбль сверкал, как солдатские сапоги на первомайском параде. О чем говорить, удаленный без боли зуб мудрости сыграл самую положительную роль в судьбе Юры.

Казалось бы, все, как говорят космонавты, «о'кей!», так будьте любезны, у Юра разболелась печень. Что делать? Правильно: пойти в поликлинику. Но там же сколько времени придется потратить на запись к врачу, на сидение в очереди на рентген, анализы. Ан нет! Жена-то нашего Юры — стоматолог, а главный терапевт поликлиники, ведущая специалистка по печени, — ее, так сказать, старший товарищ и личный друг. Много лет дружат домами. Юрина жена пригласила ее в гости, выпили чаю с тортом «Прага», а потом она осмотрела Юру, прописала чего надо, и все это, как говорится, между делом и, разумеется, без всякой очереди.

О чем говорить? Удивительно приятно, когда жена может оказать своему мужу помощь в какой-нибудь области человеческой деятельности бескорыстно и без очереди!

А через несколько дней Юре пришлось отнести свой костюм в химчистку. Очередь. Дальше — традиционный конфликт: извольте срезать пуговицы. То-се, нервы, потерянное время. А девушка из химчистки, между прочим, если не брать в расчет ее вредный характер, очень даже симпатичная. Красивая, светлоглазая... И Юра подумал: «Эх, будь она моя жена, она бы и пуговики срезала, и почистила костюм не в десять дней, а в один, и ни в какой очереди я бы не стоял...»

Нет, вы не подумайте, что Юра — человек легкомысленный. Что вы?! Он любил своего стоматолога, и даже очень любил! А это просто, знаете, мелькнула такая мысль. Как говорится, шальная!

И действительно, будь она Юриной женой, до чего же удобно было бы с химчисткой. И вообще очень жаль, что у нас не принято, как в Турции, многоженство. Нет, серьезно! Представляете: одна жена, первая, работает в поликлинике — и у вас полный порядок со здоровьем; другая жена, вторая, — в химчистке, даже, еще лучше, вообще в сфере обслуживания; третья — в торговой сети... Там ведь тоже бывают очереди.

Впрочем, в торговой сети одной жены даже мало. Лучше две: одну — в гастрономе, другую — в «Промтоварах» и третью — в «Обуви»... Четвертую... Как четвертую? С двумя первыми это уже шестая. Шестую хорошо бы в местное по распределению путевок в дома отдыха и санатории; седьмую... А куда седьмую? Седьмая — дома. Готовит обеды, ходит на рынок. А восьмая? Ничего, верьте мне, нашлось бы занятие и для восьмой! И если в Турции главная проблема — как этих жен прокормить, так у нас (господи!) любая из них, работая на вышеуказанных должностях, не только сама будет сыта, но, можете не сомневаться, прокормит и мужа.

Безусловно, недалек тот час, когда в ателье химчистки будет наведен полный порядок и приемщицы будут милы и внимательны, несомненно, наладится и дело с обувью и промтоварами, и в поликлиниках тоже не будет очередей, и тогда идея несвойственного нам многоженства отпадет сама собой и любой человек сможет жениться только по любви, совершенно не учитывая профессии своей жены.

«Хорошее будет время!» — решил Юра Кокорев.

А ко всем этим выводам, как и к счастливому браку, он пришел только потому, что у него заболел зуб мудрости.

ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖ

Зиночка Самохина, веселая и нарядная, как синичка (на ней был синий брючный костюмчик и золотисто-красный свитерок), влетела в комнату своей подруги Нади и быстро-быстро защебетала:

— Последних три дня я просто не живу. Завтра день рождения Митеньки, и что ему подарить — ума не при-

ложу. Сама посуды: он — идеальный муж, мужчина, какие встречаются один на десять тысяч! Он заслуживает самого прекрасного подарка! Но у меня безвыходное положение... Любому мужчине подари в день рождения бутылку хорошего коньяка — и он будет плясать от восторга. А Митенька не пьет! Абсолютно! Папа достал блок изумительных сигарет «Аполлон — Союз». Это мечта любого мужчины! А Митенька не курит! Я могла бы ему подарить прекрасные шахматы, карты, домино, но он говорит, что у него слишком мало времени, чтобы тратить его на игры! Ну? А что еще можно подарить мужчине? — спросила Зиночка у своей подруги и устало опустилась на тахту.

Надя секунду подумала и сказала:

— Вчера в «Косметике» я видела великолепный мужской набор: в одной коробке духи и одеколон. Называется «Рижанин».

— Митя терпеть не может никаких запахов, — вздохнула Зиночка.

— Лучший подарок мужчине — галстук! — решительно предложила Надя.

— Не носит! Расстегивает воротничок и в таком виде ходит даже в театр.

— Так подари ему рубашку! — обрадовалась Надя.

— Легко сказать — подари! У Мити сорок третий размер воротничка. Так вот, во всех магазинах, в каких я была, если рубашки хорошие, то они либо тридцать девятого размера, либо сорок шестого, а сорок третий — такие рубашки, что настоящий мужчина не наденет.

— Постой, — сказала Надя, — в той же «Косметике» были новые лезвия для бритвы «Москва». Мужчины брали их пачками.

— Митя бреется опасной бритвой! — огорченно вздохнула Зиночка.

— Да, трудный случай! — вздохнула и Надя. — Что же ты решила подарить?

— Понимаешь, в одном из магазинов, в которых я искала ему рубашку, неожиданно выбросили французские колготки, и я купила две пары.

— Мите — колготки? — удивалась Надя.

— Нет, себе. Я же тебе сказала, что Митя — идеальный муж. Значит, он будет рад в день своего рождения сделать подарок мне.

ПЛОДЫ ЭМАНСИПАЦИИ

Как ни горько в этом признаваться, но характер у меня не мужской. И даже не женский. У женщин знаете какие характеры бывают, ого! Жанна д'Арк, Софья Ковалевская, Ирина Роднина!.. Настоящие характеры. Любому мужчине фору дадут.

Так вот, у моей жены именно такой характер, как у вышеназванных женщин: своего добьется во что бы то ни стало! Пожалуйста: когда мы поженились, я думал, что моя жена, как большинство особ женского пола, возьмет на себя ведение домашнего хозяйства. Дудки! Она заявила, что, будучи женщиной современной, так сказать эмансипированной, намерена продолжать свое высшее образование, и, мало того, что она уже инженер, приступила к написанию диссертации. Другими словами, мало того, что она весь день на заводе, она еще по вечерам ездит в библиотеки, на консультации, лекции и беседы. В результате этого все домашние обязанности целиком пали на мои отнюдь не богатырские плечи — и через короткое время я стал домашней хозяйкой. Причин этого явления было две: мой мягкий, не мужской характер — первая; и вторая: я, как теперь говорят, надомник, то есть художник, чье рабочее место дома.

Первое время качество приготовленных мною обедов было на уровне третьесортных столовых, но появившийся опыт, природные способности и, если хотите, художественный вкус, а главное — ежедневное чувство голода и необходимость есть эти обеды самому — заставили меня временно прервать свою основную работу и резко повысить квалификацию в приготовлении пищи. О чем говорить: через месяц я поднялся до уровня ресторанов второго разряда. Но я не остановился на достигнутом, и сегодня мой украинский борщ и фирменные голубцы с мясом и рисом могут порадовать самого взыскательного гурмана. Я уже не говорю о галушках в сметане!

Словом, в данное время, без отрыва от своего основного занятия, я кормлю свою высокообразованную жену высококалорийными обедами и избавляю от прочих домашних хлопот и обязанностей. Кроме того, я научился стирать белье, натирать паркет, пересыпать вещи нафталином, солить огурцы и даже ездить на пылесосе. Неда-

лек тот час, когда я начну шить, вязать, вышивать гладью и часами болтать по телефону.

И вдруг на днях является ко мне мой приятель — довольно известный композитор, молча проходит на кухню и вываливает на стол содержимое своей хозяйственной сумки. Большая буро-зеленая рыба, всевозможные овощи и зелень живописно легли на стол, напоминая фламандский натюрморт.

— Что случилось? — спросил я.

Композитор посмотрел на меня сквозь сильно увеличивающие стекла очков:

— Только то, что ты погубил мою жизнь.

— Я?

— Да. Уже год моя жена ежедневно повторяет, что ты образцовый, современный муж, что ты сказочно готовишь и феерически убираешь... Словом, ты — настоящий мужчина, а я бездельник и ничтожество. — Он опустил на стул. — Хватит! Надоело! Вот, я все купил, учи, делай из меня образцового мужа эмансипированной жены!

— Позволь...

— Что «позволь»? Она, кроме того что работает в «почтовом ящике», поступила в вечерний институт, и все домашнее хозяйство теперь ложится на мои плечи. Прощай, рояль, здравствуй, плита!

— Погоди, — сказал я. — Я тебе охотно передам свой опыт, и, поверь мне, тебе хватит времени и на музыку. Надевай фартук, косынку и перчатки.

— Зачем?

— Решил стать домашней хозяйкой, так по всей форме, — объяснил я.

— Думаешь, мне это нравится?

— И мне не нравится... — сказал я. — А что делать? Выбора ведь у нас нет.

Композитор выразительно промолчал.

— Тогда бери нож и чисти картошку.

Композитор вздохнул, выбрал самую большую картофелину, решительно вонзил в нее нож и отхватил вместе с кожурой добрую треть мякоти.

Я улыбнулся. Год назад я начинал точно так.

— Погоди! — остановил я его. — Кто же так чистит? Так ты быстро вылетишь в трубу. Смотри и учись! — И я ловко и экономно снял кожуру с картофеля. — Понял?

Он кивнул. Правда, без энтузиазма. Чтоб отвлечь его от грустных мыслей, я спросил:

— А что это за рыба?

— Сабля.

— Кто? — удивился я.

— Иностранная рыба под названием сабля. В магазине написано, что она водится не то у берегов Греции, не то у берегов Швеции и содержит уйму фосфора.

— А зачем нам фосфор? Рыба должна быть вкусной, а не светиться! Ладно... На безрыбье и шпага... то есть сабля — рыба! Приступаем к разделке.

— Позволь, она же замороженная. Сперва надо разморозить!

— Ни в коем случае! Весь вкус убьешь! Я сам читал в «Неделе», что разделять ее надо замороженной, — и я мужественно схватил холодную, отвратительно скользкую саблю за хвост.

Рыба, очевидно не привыкшая к такому обращению, выпорхнула из моих рук как птица, и шлепнулась на подоконник, едва не вышибив стекла. Мой приятель бросился вслед за рыбой, но она вырвалась и из его рук, смахнув вазу с цветами, стоявшую на холодильнике.

— Она живая! Честное слово, живая! — почему-то шепотом сказал растерянный композитор.

— Ерунда! Замороженная — и вдруг живая!..

— Ну и что? — не сдавался композитор. — Я видел картину «Замороженный». Человек пролежал во льду сто лет и то ожил. А рыбе — сам бог велел.

— Глупости! Держи ее за хвост, а остальное я беру на себя!..

Минут через десять заморская сабля сдалась и мы торжествовали победу.

— Дожили... Мужчины называются... — вместо того чтоб радоваться, ворчал композитор.

— А время такое, что грани между мужчинами и женщинами стираются.

— В каком смысле?

— Во всех! Куда ни посмотри — женщины в брюках, мужчины с длинными волосами. Женщины курят, мужчины бросают, — перечислял я.

— Что «курят»! — сказал приятель. — Боюсь, моя пить начнет!

— Это почему?

— У них в «почтовом ящике» все детали промывают в спирту. Сам понимаешь, там, где льют, там и пьют!

— Да,— вздохнул я.— Знаешь, вчера, когда я стирал ее джинсы, я подумал о женщинах. Казалось бы, получили высшее образование, овладели дюжиной мужских профессий, заняли десятки руководящих постов, получают равную зарплату с нами, так будьте благодарны и ведите себя, как люди, как ваши бабки и прабабки. А нет! Пользуясь нашей мягкостью и разобщенностью, сели нам на шею и делают что хотят!

— Ужас! — согласно кивнул мой приятель.

— Мне стыдно перед нашими сыновьями,— сказал я.— Какой тяжелый крест мы оставляем им — грядущему поколению!

— Ты прав,— согласился мой музыкальный друг.— Эмансипация женщин — это рабство мужчин! — И он утер слезы, капавшие в кастрюлю с будущей ухой.

Не смею утверждать, что это были мужские слезы, так как он старательно чистил репчатый лук.

ПРОВЕРЕННЫЕ СРЕДСТВА

Второй день у меня болела нога, и второй день я надеялся, что эта боль пройдет так же неожиданно, как и возникла. Но боль не проходила.

Наконец я решил пойти в поликлинику.

Я спустился во двор, хромя прошел шагов двадцать и встретил Зинаиду Ивановну — соседку из 32-й квартиры.

— Что с вами? Почему вы хромаете? — с искренним беспокойством спросила Зинаида Ивановна.

— Да вот, разболелась нога,— сказал я извиняющимся голосом.

— И что вы собираетесь делать?

— Иду в поликлинику.

— В поликлинику?! Теперь? Когда существует столько прекрасных, проверенных народных средств? А какая нога?

— Левая. Разве это имеет значение?

— Конечно! Ближе к сердцу! Циркуляция крови в

ней значительно больше. Все ясно: вам необходимо бросить курение.

— Я не курю, Зинаида Ивановна.

— Вообще не курите? Тогда, боюсь, она не пройдет! А впрочем, может быть, это и не от курения. Скажите, вы на этой неделе не принимали ванну после дыни?

— Нет. А что?

— Мой дядя в прошлом году принял ванну после дыни, и на следующий день у него так болело среднее ухо, просто ужас!

— Да, но у дяди ухо, а у меня нога...

— Ну, разве можно знать, куда бросится дыня? Одному в ухо, другому в ноги...

— Нет, дыня тут ни при чем.

Зинаида Ивановна задумалась:

— Что ж, и медицина не всегда может установить причину заболевания. А вот вылечить... Я вас вылечу! Есть одно верное средство! Сапожный крем! У меня бабушка, женщина в преклонном возрасте, и у нее тоже нога, только правая; так ей одна ростовчанка-на-Дону посоветовала сапожный крем...

— Сапожный крем? — удивился я.

— Вот вы будете смеяться, а что такое сапожный крем? Сажа и скипидар, так? Скипидар действует на нервную систему, сажа локализует!

— Что локализует?

— Локализует больную ногу.

— И долго нужно... локализовать?

— Пока не пройдет! Моя бабушка уже мажет третий год! А хотите, есть более быстрый способ: камни.

— Какие камни?

— Обыкновенные камни. От каждой болезни есть свой камень! От радикулита — гранит, от печени — булыжник. Надеваете на шею — и как рукой! Вот вы будете смеяться, но одна старушка, если б она не умерла, жила бы до сих пор! И что ее поставило на ноги? Камни! А хотите камни — тогда пепел!

— Пепел?!

— Да, пепел. Берете теплый пепел и втираете его на ночь! Ну, это средство уже проверено лично мной. Месяц тому назад я лично втирала.

— Ну и как, помогло?

— Не знаю!

— Почему?

— Да ну ее! Мы поссорились.

— С кем?

— С моей подругой. Я ей втирала пепел, и — вместо благодарности — скандал! — махнула рукой Зинаида Ивановна. — Батюшки! Совершенно забыла! Самое лучшее средство — это яичный белок, уксус и лезвия для безопасной бритвы. Значит, так: яичный белок вы растираете до состояния сметаны, смешиваете с уксусом и опускаете в этот состав десять лезвий для бритвы. Даете недельку постоять и потом втираете в больное место.

— В больное место? — испугался я.

— Да. А что? Лезвия растворяются в уксусе, а уксус активизирует яичный белок! И все! Нога — как рукой! Послушайте меня...

— Нет, этого я делать не буду! — сказал я решительно.

— Не будете? И вам не стыдно? Целый ряд моих знакомых, причем люди интеллигентные, культурные, с положением, инженеры, писатели и даже академики, пользуются этими проверенными народными средствами.

— Какие же это народные средства? Это глупость и отсталое знахарство.

— Это вы так считаете. А один мой знакомый, заслуженный работник культуры, третий год ходит с камнем на шее! Послушайте меня... Вотрете яичный белок с уксусом — и как рукой...

— Нет, нет, спасибо!

— Пожалуйста, как хотите... Постойте, у меня есть брат, и у него тоже нога, и тоже левая... Сейчас я ему позвоню и узнаю, как он вылечился. По-моему, камнями. У вас есть двухкопеечная монета?

Через минуту Зинаида Ивановна звонила своему брату.

— Алло! Петя? Это я, Зина. Скажи, как ты вылечился от ноги? Что? И больше не болит?.. Странно...

Зинаида Ивановна пожала плечами и повесила трубку.

— Ну, что он сказал? — спросил я.

— Сказал: пошел в поликлинику, назначили на кварц, и через два дня все прошло! — Она еще раз пожала плечами. — Странно...

Я улыбнулся и начал прощаться.

— Куда же вы? — спросила Зинаида Ивановна.

— В поликлинику.

Зинаида Ивановна осуждающе посмотрела на меня и в третий раз пожала плечами.

СОЛО НА ТРУБЕ

— Алло! Что ты делаешь? — спросил категорический женский голос по телефону.

— Смотрю «В мире животных», — ответила Инна Петровна, узнав свою подругу Ларису.

— Так вот, немедленно покинь мир животных и приезжай в мир людей, — сострила Лариса. — Да, надень синее платье, тебе в нем лучше всего.

— А что случилось? — забеспокоилась Инна Петровна.

— Это не телефонный разговор! — загадочно ответила Лариса, и в трубке послышались короткие гудки.

Инна Петровна нехотя выключила телевизор, надела синее платье и поехала к подруге. И пока она спускается по эскалатору в метро, садится в вагон и едет до станции «Сокол», я возможно короче расскажу о двух подругах, главных действующих лицах нашей истории.

Инна Петровна и Лариса Михайловна дружат почти сорок лет: еще со второго класса. И всю жизнь судьба (если, разумеется, такая существует!) относилась к Ларисе лучше: всего у нее было больше: игрушек, книг, платьев, поклонников. Даже мужей у нее было трое. И все солидные, дородные, с «положением», машинами и дачами. А Инна Петровна закончила архитектурный и вскоре вышла замуж за своего соученика, тоже архитектора. Жили скромно, дружно и счастливо. Родился сын Сережа — тоже будущий архитектор. И все было отлично до того ужасного дня, когда Павел Сергеевич поехал показывать свой новый подмосковный объект польскому коллеге. Автомобильная авария. Шофер и польский архитектор отделались ушибами, а вот Павел Сергеевич...

С того страшного дня прошло восемь лет, и все эти годы Инна Петровна одна. Да, за ней пытались ухаживать, женщина она привлекательная — и умна, и обая-

тельна, но Инна Петровна всю свою жизнь посвятила Сереже.

И вот — месяц назад он женился и переехал к жене. А Инна Петровна зажила одна в большой опустевшей квартире. Ходила на службу, в гости к сыну, смотрела телевизионные передачи и особых претензий к судьбе не имела. Жила... Многие так живут!

Но у Инны Петровны была подруга — Лариса Михайловна, дама, как я уже сообщал, замужняя и во всех отношениях благополучная, которая считала, что и у Инны Петровны должен быть спутник жизни, способный с нею разделить и радость, и горе, и приближающуюся старость...

Однако Инна Петровна уже доехала до дома своей подруги, поднялась по лестнице и звонит у ее входной двери.

Подруга открыла дверь и радостно зашептала:

— Он — терапевт. Его жена умерла три года назад. Дочь в Африке. Квартира из трех комнат, через месяц получает «Жигули».

— Кто? — не поняла Инна Петровна.

— Сейчас увидишь. Постарайся ему понравиться. Ты ведь умеешь, если захочешь...

Инна Петровна вошла в комнату. За щедро сервированным столом сидели муж подруги — добродушный увалень Костя — и незнакомый лысый толстяк в очках с бифокальными стеклами. Он так внимательно оглядел Инну Петровну, что казалось, вот-вот скажет: «Раздевайтесь!..»

Инне Петровне терапевт не понравился, невзирая на дочь в Африке, трехкомнатную квартиру и будущие «Жигули». Краснея и смущаясь, она поддерживала светский разговор об изменившемся климате («Раньше зима была как зима. А теперь что? А лето...»), сердечно-сосудистых заболеваниях («Бич двадцатого века! Болеют все, а лечить не умеет никто!») и недостатках современной молодежи («Нет, мы были не такими! Они совершенно другие люди!»). Вскоре Инна Петровна извинилась, сказала, что торопится к сыну, и, под укоризненным взглядом подруги, вышла из-за стола.

— Дура! — зашептала подруга в передней. — Не мужчина, а клад! Через год будет профессором! Дочь в Африке! «Жигули»!..

— Но он мне не нравится!

— В твоём возрасте не это главное! Совсем не это!..

Инна Петровна вышла на лестницу, почему-то заплакалась и направилась к станции метро «Сокол»...

...Да, это было сватовство. Разумеется, прикрытое флером интеллигентности и чаем с домашним пирогом...

Прошло несколько дней. Инна Петровна сидела, склонившись над кульманом, на котором разворачивалась эффектная панорама застройки нового микрорайона. И тут ее позвали к телефону. Звонила Лариса Михайловна, приглашала зайти после работы.

— Чтонибудь срочное? — спросила Инна Петровна.

— Очень, — коротко и многозначительно ответила Лариса Михайловна.

Инне Петровне и в голову не приходило, что и на этот раз у Ларисы Михайловны ее будет ждать новый претендент в мужа.

Это был ответственный работник финансовых органов, который недавно овдовел и остался с двумя детьми.

Когда Инну Петровну с ним познакомили и он назвал свою фамилию, она сразу же сообразила, что это тот самый «злой гений», который систематически урезывает сметы их проектной мастерской.

И вот вместо милой беседы, которой ожидала «сваха», произошел крупный скандал. Инна Петровна кричала, что существует огромная разница между экономией и скупостью, что скупым, в конечном итоге, все стоит дороже и что их проектная мастерская найдет управу на ретивого финансиста; финансист, разумеется, возражал, но Инну Петровну поддержал Костя, и все кончилось тем, что финансист выскочил из-за стола и убежал, простившись только с хозяйкой.

И тут, на смену первому скандалу, разыгрался второй.

— Ты меня поражаешь, — обиженно говорила Лариса Михайловна, — нашла тебе прекрасного жениха, а ты...

— А ей не нужен такой жених, — заступился за Инну Петровну Костя, муж Ларисы Михайловны. — Он жмот и скупердяй!

— Позволь, это он по службе, в государственных интересах...

— А я уверен, что дома он еще хуже. Потом, у него двое детей. Нужны ей чужие дети?

— Как двое детей? — опешила Инна Петровна.

— Они уже взрослые. Вот-вот вылетят из гнезда...

— Слушай, но я не хочу выходить замуж. Тем более по сватовству,— возражала Инна Петровна.

— Во-первых, это не сватовство, а... дружеская помощь. Во-вторых, и сватовство теперь не только поощряется, но вот-вот будет поставлено на государственную погу...

— Что-что? — растерялась Инна Петровна.

— Да-да! Не удивлюсь, если у нас будут и эти... службы знакомств со всякой кибернетикой и даже брачные газеты.

— Но ты понимаешь, что это ужасно, ты понимаешь, что и Толстой, и Островский, и Чехов считали это мещанством и смеялись над этим!

— Дорогая моя,— усмехнулась Лариса Михайловна,— это было чуть ли не сто лет назад, и что бы писали Чехов и Островский сегодня — никому не известно!

— Нет-нет,— сказала решительно Инна Петровна,— спасибо за дружескую помощь, и очень прошу: больше никому меня не сватай.

— Пожалуйста! — обиженно поджала губы Лариса Михайловна.

Думаете, эта обида удержала ее от дальнейших попыток устроить судьбу своей подруги? Как бы не так! В таких вопросах настоящие подруги отличаются поистине железной настойчивостью и мертвой хваткой.

На этот раз для Инны Петровны был подготовлен совершенно ослепительный кандидат: красивый, веселый и очень щедрый грузин — заместитель директора чаеразвесочной фабрики.

Лариса Михайловна была убеждена, что это уж — верное дело! В самом деле, у человека есть все — положение в обществе, личное обаяние, квартира, дача, машина... Чего еще надо?

Но, увы, и этот претендент не устроил разборчивую Инну Петровну. Данный факт возмутил не только Ларису Михайловну, но и кандидата в мужья.

— Слушай,— с жаром говорил он мужу Ларисы Михайловны,— как это я могу не понравиться? Она что — ненормальная? Мужчина в соку, в Грузии за меня любая пойдет, а она — «не понравился»! Ее счастье, что она женщина! Будь она мужчина, я бы с ней по-другому поговорил!

С этими словами обиженный кандидат в мужья надел широкополую кепку и покинул дом, в котором его оскорбили.

— Он прав! — констатировала Лариса Михайловна, — а ты, неужели ты не понимаешь, что в наше время мужчины на вес золота!

Инна Петровна пыталась отшутиться:

— Видишь ли, мне золото ни к чему. Тем более, что со временем я выйду на пенсию и у меня будет обеспеченная старость!

— Перестань! — зло сказала Лариса Михайловна и всерьез обиделась на Инну Петровну.

Но разве настоящая, верная подруга может долго сердиться или обижаться? Конечно, нет!

И вскоре, когда Инна Петровна захворала, благородная Лариса Михайловна прибыла ее проведать немедленно, как «неотложная помощь».

— Вот, доигралась: одна! И где твой прекрасный сыночек? Почему он за тобой не ухаживает?

— Он уехал в командировку.

— Я могу дать ему телеграмму, — предложила Лариса Михайловна.

— Не надо! Это обыкновенная ангина, и через три дня она пройдет, — сказала Инна Петровна. — Кроме того, после работы заходит Верочка и приносит все необходимое.

— Нет, так жить нельзя! Подумай о будущем. Старость не должна быть одинокой. Рядом должно быть плечо друга!

Произнеся этот патетический монолог, Лариса Михайловна, как бы случайно, рассказала, какой у нее замечательный брат. Он музыкант, играет в оркестре одного из московских театров. Человек редчайшей души и золотого сердца. Умен, остроумен, идеально воспитан. О чем говорить: е е б р а т!

На следующий день проведать больную она уже пришла не одна, а с вышеописанным братом редчайшей души и золотого сердца. Брат был прекрасно одет, отлично выбрит, и от него пахло самыми мужскими духами «Шипр». Он принес шоколадно-вафельный торт и болгарское вино «Рислинг», рассказал несколько веселых историй из жизни ведущих артистов, а уходя, пригласил Инну Петровну в свой театр на дневной спектакль, ко-

торый показывали для «пап и мам», то есть для узкого круга друзей театра.

Зрительный зал был переполнен знаменитостями. В одном ряду с Инной Петровной сидела сама Фаина Раневская, а живой Армен Джигарханян в буфете ел бутерброд с любительской колбасой. Все было необычно и удивительно! Счастливая подруга шепотом щебетала о достоинствах своего брата.

После спектакля пошли обедать в ресторан ВТО, и обед прошел в теплой и дружественной атмосфере. На следующий день пошли в кино...

Короче, через месяц Инна Петровна, покоренная внимательностью и настойчивостью брата, а также потоками дифирамбов его сестры, вышла замуж за Николая Михайловича, и в день свадьбы он переехал к ней.

К счастью, вещей у Николая Михайловича оказалось немного, но все равно порядок в доме был нарушен. Запахло табачным дымом и самым мужским одеколоном «Шипр», на спинке стула попеременно висели синий пиджак или рыжая пижама, в углу поселилась труба в черном, пахнущем дерматином футляре, на подзеркальнике лежали ноты, в пепельнице дымились окурки.

Николай Михайлович очень заботливо относился к своему организму: по утрам делал зарядку и принимал водные процедуры. И даже вчера, когда у Инны Петровны был выходной день и ей так хотелось поспать лишний часок, он вскочил ни свет ни заря и, топая ногами, начал шумно вдыхать кислород.

Инна Петровна встала и занялась приготовлением завтрака. Прежде это было просто: чашка растворимого кофе, творожный сырок и хлебная горбушка. Теперь надо было жарить яичницу с колбасой, подогревать на тостере гренки, а кофе варить по-турецки, следя, чтобы он не убежал из специальной медной турочки.

Прежде можно было чуть не до вечера ходить в халате и не причесываться, а теперь...

После завтрака Николаю Михайловичу понадобилось порепетировать дома, и он достал из футляра свою никелированную трубу.

Следует заметить: если стройное звучание оркестра способно многим доставить удовольствие, то соло на трубе может обрадовать только специалистов или близких и любящих людей.

Очевидно, ни к той, ни к другой категории Инна Петровна не относилась...

Что делать? Видимо, нужно не замечать. Многие живут не замечая...

И вот тогда, под звуки трубы, Инна Петровна впервые подумала, что одинокая старость не так уж плоха, как кажется на первый взгляд. Да-да, у одинокой старости есть свои неоспоримые достоинства! Разумеется, спутник жизни — это прекрасно, но право же, это не предмет первой необходимости!

ТОЛЬКО ДЛЯ ЖЕНЩИН!

Уважаемые товарищи мужчины! Пожалуйста, не читайте этот рассказ. Он — только для женщин. Но вы так же любопытны, как наш брат женщина, и я уверена, что вы его все равно прочтете. Ладно, читайте. У нас секретов нет!

Итак, дорогие женщины, два года назад я вышла замуж, и с мужем мне удивительно повезло: попался очень хороший — добрый, умный и, главное, поддающийся воспитанию. Благодаря этому спустя совсем немного времени он стал просто отличным мужем. Не сомневаюсь, если бы существовало какое-нибудь специальное ОТК по мужьям, моему можно было бы присвоить Знак качества. Скажу без ложной скромности, в основном это результат моего целенаправленного труда.

Давайте называть вещи своими именами. Что такое воспитание? Если речь идет о животных, оно называется дрессировка. Все знают, что хуже всех дрессировке поддаются кошки. Так вот, поверьте мне, дрессировать мужей в сто раз труднее, чем кошек. И вот почему. У кошек что? Инстинкты! И дрессировщики, то ли добром, то ли (дрессировщики это, конечно, отрицают!) не только добром, эти инстинкты преодолевают. А у мужей не только инстинкты. У них, во всяком случае у многих, есть и ум, и болезненное самолюбие, и нежная самовлюбленность, и повышенный эгоизм, и всевозможные привычки, приобретенные в детстве под влиянием родителей, в основном — любящих мамочек.

Избавиться от всего этого набора пережитков доженитьбенного периода куда труднее, чем отучить кошку есть мышей или дурака волка преследовать зайца с воплем: «Ну, заяц, погоди!»

Что является одной из главнейших причин большинства семейных драм и конфликтов? Неучастие мужа в хозяйственной жизни семьи, то есть нежелание ходить в торговые точки и на рынок, готовить пищу, мыть посуду, заниматься стиркой и натиранием паркета. Все мужчины эти работы делают неохотно и плохо. Почему? Потому что недогадливые жены превращают эти работы в тяжелейшую и оскорбительную повинность. Дескать, ах ты такой-сякой, мог бы помочь жене и натереть пол! А ты смотришь свой хоккей и лежишь на диване!

Дорогие женщины, нельзя так! Не надо кидаться на мужчин с подобными претензиями. Ни в коем случае! Надо, чтоб эти работы стали для мужа... праздником!

Да-да! Как этого добиться? Очень просто. Поясню примером, а потом сделаем выводы.

Однажды я попросила мужа купить сыр. Купил. Принес ужасный, со всех сторон заветренный кусок. Однако я его нежно расцеловала (разумеется, не сыр, а мужа!) и сказала, что он молодец, что такого сыра я бы в жизни не купила! (Согласитесь, я сказала правду!)

Муж расцвел и засиял.

Тогда я погрозила ему пальцем:

— Скажи честно, это — индивидуальное отношение к тебе? Ты ей понравился?

— Кому?

— Продавщице сыра.

Муж почему-то покраснел:

— Да что ты! Ничего подобного!

Глупый! Конечно же ему было очень приятно, что он кому-то понравился, кроме меня. И все: с того дня он охотно ходил в соседний гастроном, то есть эта малоприятная обязанность стала для него радостным событием. А частые посещения гастронома научили его разбираться в качестве продуктов. И действительно, вскоре он приносил такой сыр, какого мне — женщине — никогда бы и не дали.

Вывод? Пожалуйста: самое сильное оружие воспитания мужей — завышенная оценка их не очень полезного труда!

А как он мыл тарелки? Кошмар! Грязные тарелки он обливал холодной водой и тут же вытирал полотенцем. Тем не менее я мужественно восхищалась его работой и просила поделиться со мной опытом. Разумеется, потом я перемывала не только тарелки, но и стирала полотенце, но он был уверен, что моет посуду лучше меня, в результате чего и эта отвратительная работа стала для него радостной и приятной.

Мне кажется, вы уже поняли, в чем состоит основной метод воспитания мужей.

Далее: как и все мужчины, мой муж курил и любил, не скажу систематически, но часто, вы догадываетесь что... А как отучить? В данном случае самая изощренная лесть не поможет. Нужен другой метод. Страх! Да-да, мужчины ужасно мнительны и с трогательной нежностью относятся к своему здоровью. Еще бы! Статьи «Берегите мужчин» сделали свое черное дело! Что же я придумала?

Мой друг детства — кандидат медицинских наук. Я изложила ему свой план борьбы с вредными привычками мужа, и он его одобрил.

Придя к нам в гости, он якобы случайно поглядел внимательно на мужа и сказал:

— Э, братец, твой вид мне что-то не нравится. Зашел бы ко мне в поликлинику.

Муж зашел. По предписанию моего друга детства он сделал чуть ли не дюжину анализов, после чего кандидат медицинских наук произнес категорическим тоном:

— Ну вот, братец, я не ошибся: с курением и прочим надо кончать.

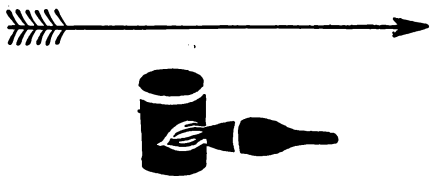
Муж пытался возражать, но кандидат сказал:

— Увы, братец! Рентген такое показывает, что другого выхода нет. Сам знаешь, инфаркты ходят за нами по пятам. Некоторые от них бегают, но и инфаркты показывают неплохую скорость.

И муж бросил курить и прочее. Нет, конечно, не сразу. Какое-то время он хорохорился, но кандидат его припугнул еще раз, и он сдался.

Вот так, медленно и методично, я создавала отличного мужа. Единственное, о чем я сожалею, что результатами моего труда воспользуется другая женщина, так как мой муж теперь не мой муж, а муж продавщицы сыра из соседнего гастронома.





ЛОГИКА ВЗРОСЛЫХ

Сеня Лобанов, молодой человек восьми с половиной лет, спешил из школы домой. Спешил гордый и важный: кроме потрепанного портфеля с учебниками он тащил хозяйственную сумку, в которой лежала килограммовая банка с масляной краской.

Дверь квартиры ему открыла его мать Полина Акимовна.

— Держи, мать! — солидно сказал Сеня и протянул ей хозяйственную сумку.

— Что это?

— Краска! Масляная!

— Откуда? — удивилась Полина Акимовна.

— Из школы.

Мать достала из сумки банку с краской, потом вопросительно взглянула на сына, а он небрежно махнул рукой и подмигнул:

— Ничего, не обеднеют!

— Верно, не обеднеют! — согласилась Полина Акимовна, но тут же спохватилась: — Позволь, сынок, вам эту краску что... подарили?

— Интересно, кто это в наше время дарит краску? — кого-то явно копируя, спросил Сеня.

— Так ты что, сам ее взял? — даже испугалась Полина Акимовна.

— Сам! — беззаботно заявил Сеня и направился в ванную комнату.

...Часа через три, после ужина, Сенин отец Иван Митрофанович, обменявшись взглядом с женой, ласково спросил у сына:

— Слушай, ты где эту краску взял?

— В школе,— продолжая рисовать, ответил Сеня и заговорщицки подмигнул: — Ничего, не обеднеют.

— Что? — не понял отец.

— Ты сам говорил: ничего, не обеднеют.

— Я? Когда? — удивился Иван Митрофанович.

— Когда с завода клей принес. И рубанок. И доски, из которых шкаф сделал. И фанеру.

— Ничего я не говорил!

— Говорил! Честное слово, говорил! — настаивал Сеня.

— Допустим, говорил,— неохотно согласился Иван Митрофанович.— Ну и что? Так надо понимать: завод — это одно, а школа — другое.

— А какая разница? — спросил Сеня.

— Большая! Завод — богатый, а школа — бедная.

— Если б не родители,— поддержала отца Полина Акимовна,— школа и ремонт не одолела бы. А когда родители принесли с завода что нужно, дело и пошло.

— Вот именно,— кивнул отец.— Так что школу обижать нельзя. Понял?

— А завод можно? — спросил Сеня.

— При чем тут завод? Тебе русским языком говорят: из школы нельзя... Она бедная.

— А будь она богатая? — продолжал упрямо спрашивать Сеня.

— Опять ты не то говоришь! — едва сдерживаясь, сказал отец.— Богатая, бедная — не в том дело. Вообще не надо. И нельзя. Понял?

— Тебе, значит, можно, Федькиному отцу — можно, а нам, значит... — не унимался Сеня.

— Пойми ты, сынок,— на помощь отцу поспешила мать,— они — люди взрослые, а вы...

— Погоди, Полина,— перебил ее отец.— Не то ты говоришь. Ты, сынок, слушай сюда. На данном этапе твоя задача какая? Учиться. И точка! А кому и что можно — поймешь, когда вырастешь.

— Я что — дурак, сейчас не пойму? — обиделся Сеня.— Как-никак алгебру проходим.

— Господи, при чем тут дурак? — опять вмешалась Полина Акимовна.— Ты школьник, понял? А за такое дело знаешь какие неприятности могут быть! Не надо, понял? Не надо!

— А у отца неприятности не могут быть?
— Да что ты все время сравниваешь? — возмутился отец. — Я взрослый, и... одним словом, с меня пример брать тебе не надо.
— А в школе говорят: берите пример со своих отцов!
— Слушай, сынок, говорю тебе еще раз: вырастешь и все поймешь. Понял?

Сеня молчал.

— А сейчас — пойди погуляй. Пойди! Хватит учиться! — великодушно сказала Полина Акимовна.

И Сеня, обиженно пожав плечами, пошел гулять, так и не поняв логики взрослых. И что это за логика такая, для понимания которой надо обязательно вырасти?

НОВАЯ КЛЮШКА

Сашка Егоров, десяти лет, одной рукой потирал ту часть тела, по которой несколько раз схлопотал отцовским ремнем, а другой рукой размазывал голубые, прозрачные слезы. Одновременно с этими действиями он еще жужжал, как осенняя муха.

— Ничего, ничего... Я этого так не оставлю! За все ответишь! — угрожал он своему отцу Виктору Павловичу, который нервно шелестел вечерней газетой и делал вид, что не слышит Сашкиных угроз. — Напишу, как ты меня воспитываешь, — продолжал зудеть Сашка. — В детскую комнату милиции — раз, директору школы — два, нашему вожатому — три!

Виктор Павлович невозмутимо читал газету.

— Мне что? — рассуждал Сашка. — Поболит и перестанет, а тебе дадут жизни, ох дадут!

— Кто мне даст жизни? — не выдержал Виктор Павлович и отложил газету.

— Все! Как начнут тебя таскать туда-сюда, как начнут прорабатывать — поймешь почему фунт лиха!

— Да брось ты! — отмахнулся Егоров. — Подумаешь — преступление! А как тебя, кретина, воспитывать, если не ремнем?

— И кретина запомним! — злорадно пообещал Сашка.

— Запомни, запомни, дубина стоеросовая!

— И дубину... как ты сказал? запомним! И дырявую башку, и лоботряса с бараньими мозгами, и губошлепа...

— Этого я не говорил.

— Сегодня нет, а вчера говорил! Да... Сильно я тебе не завидую. Наш вожатый из этого факта такое устроит! Пойдет к тебе на завод... И в газету напишу. И твой портрет отправлю.

— Только попробуй! — пригрозил отец.

— А что ты мне сделаешь?

— Башку оторву!

— Вот это ты умеешь! Угрожать, драться, обзывать! Посмотришь на тебя — человек вроде бы интеллигентный, с образованием, читаешь газеты, знаешь все постановления, а воспитывать единственного сына не умеешь. Поговорить с ним по душам, найти общий язык...

— С тобой найдешь!

— А ты пробовал? Ты знаешь мои мечты, мои интересы, мои мысли о завтрашнем дне?..

— Ладно, замолчи! — нервно прервал его Виктор Павлович и снова зашелестел газетой. — Надоело...

— Пожалуйста, могу замолчать! — Сашка обиженно отвернулся к стене, поковырял пальцем рисунок обоев и сказал: — Конечно, будь ты другой человек, я бы тебя, может, и простил, а так — все напишу. И как ты с бюллетенем на рыбалку ездил; и как домой на государственной машине обедать приезжаешь; и как пьяный пришел и мама тебе по шее дала...

Виктор Павлович отложил газету и посмотрел на Сашку:

— Слушай, ты, не знаю, как тебя назвать, я твоих угроз не боюсь...

— Еще как боишься, — перебил его Сашка.

Но Виктор Павлович повторил:

— ...не боюсь, но мне просто интересно, а как бы ты хотел, чтоб я тебя воспитывал?

— Как? — удивился Сашка, сел на стул, но тут же вскочил. — Во всяком случае не ремнем! Людей надо воспитывать добром и личным примером. А какой ты мне пример подаешь? Надо со мной поговорить, объяснить... Я возьму обязательства...

— Какие еще обязательства? — удивился отец.

— Повышенные! И по школе, и по дому.
— А если ты их не выполнишь?
— Влепишь выговор. Один, другой...— сказал Сашка.— У тебя же есть два выговора. И ремнем тебя никто не воспитывает. Только добром!
— Сравнил!..
— А что? Выходит, если ты взрослый, то можешь обязательства не выполнять? А дети должны, так, что ли? Вам и премии, и тринадцатая зарплата... А нам что? Раз в год каникулы? Учись как проклятый, играй на рояле... А во имя чего? Вот купил бы мне новую клюшку, чтоб я, как все дети, занимался спортом и рос здоровым членом общества. Вот тогда я бы тебе показал, как люди учатся, как выполняют обязательства.
— Ишь ты какой! — усмехнулся отец.— Клюшку захотел...
— А ты думал? Это ты считаешь, что у меня бараньи мозги. Напрасно! У меня мозги что надо. Иду в ногу со временем! Так как же, я получу клюшку?
— Дудки ты получишь, а не клюшку!
— Твое право! А я воспользуюсь моим: напишу в четыре места. С портретом.
— Пиши. Я не боюсь! — махнул рукой Виктор Павлович и вышел из комнаты.
Однако на следующий день Сашка появился во дворе с новой клюшкой. Наверно, все-таки взял повышенные обязательства...

ВОСПИТАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ

В природе так устроено, что родители старше своих детей. Поэтому некоторые родители думают, что они не только старше, но умнее, опытнее и лучше знают жизнь. Стоит ли говорить, что это заблуждение! Каждому ясно, что, родившись на два-три десятилетия раньше своих детей, они, к моменту их рождения и возмужания, основательно отстают от жизни, не видят многих перемен и не чувствуют новых веяний. Вот почему одной из задач современных детей является воспитание своих родителей.

Несомненно, воспитывать детей намного легче. «Сказано нет — и точка!», «Будешь много знать — скоро состаришься!» — и все: бедный ребенок вынужден поджать хвост и смириться. Если же он продолжает упорствовать, можно от методов словесного убеждения перейти к тем воспитательным средствам, которые прогрессивная педагогика не рекомендует, а отстающие родители широко и нередко весьма успешно применяют.

Сами понимаете, по отношению к родителям это еще не принято и умные дети вынуждены искать более гибкие и совершенные формы воспитания, основывающиеся не на грубом насилии над личностью, а на других, более благородных, методах.

Как известно, ни родителей, ни родственников выбирать мы не можем, какие достались — такие и есть, поэтому к вопросу их воспитания надо подходить строго индивидуально.

Итак, приступая к воспитанию родителей, необходимо некоторое время внимательно за ними понаблюдать и составить нечто вроде досье. Скажем: «Папа любит выпить, мама любит закусить, вернее, поесть!»

Теперь у вас возникает четкая и ясная задача: отучить родителей от этих вредных и опасных привычек. Как это сделать?

Один мой знакомый сын, по профессии социолог, умница и весельчак, поступил следующим образом. Во время своего отпуска он ежедневно с утра до вечера пил вместе с отцом. Естественно, молодой организм подобную нагрузку переносил легче, чем старый, и на десятый день старик взмолился, что его организм алкоголя больше не принимает, водка ему противна и видеть ее он не может, в результате чего больше никогда не пил. Примененный в данном случае метод — из категории сильных средств и действует безотказно! Мне это известно потому, что вышеуказанный социолог выяснил, что данным способом, по его совету, пользовались многие сыновья и только в двух случаях из ста этот способ дал обратный результат: запили и сыновья тоже. Ну что ж, это исключение, и оно только подтверждает правило.

Отучив отца от выпивания, можно приступить к матери. Предупреждаю: отучить человека есть труднее, чем отучить человека пить, и полностью отучить от еды пока

не удавалось никому. Однако научить человека есть меньше не так уж трудно. Прежде всего можно ограничить его материальные возможности. Например, вы с женой и детьми садитесь на шею своей престарелой матери-пенсионерки и съедаете ее пенсию или перестаете ей высылать те двадцать рублей, которые обещали переводить ежемесячно. Но это крайне опасно, так как, согласно новой Конституции, за подобные действия можно сильно испортить свою биографию.

Отучать от чрезмерного употребления пищи лучше всего с помощью медицины. Для этого вы выписываете журнал «Здоровье» и регулярно подсовываете своим родителям. Не проходит и полугода, как они перестают есть мясные бульоны, которые, как вы догадываетесь, готовятся из мяса, не едят мучного и сладкого, а полностью переходят на творог, кефир, овощи и фрукты, которые встречаются только летом и осенью, а зимой — на сравнительно недорогие витамины; конечно, со строго ограниченным количеством хлеба. Проходит еще полгода, ну, год, и в результате этого прекрасного способа ваши родители становятся стройными и элегантными.

Теперь, когда благодаря вашим усилиям родители справились с этими недостатками, ваша задача отучить их от одного из их основных недостатков — вмешиваться в ваши дела.

Действительно, какое им дело, за кого вы хотите выйти замуж или на ком жениться? Как правило, начинаются знаменитые, осточертевшие разговоры: «Вы так мало знакомы! Ты его (ее) плохо знаешь!» Ну и что? Узнаю лучше после свадьбы! «Мы с папой, до того как пошли в загс, встречались больше года...» Ну и что? Было другое время. Разобраться в людях было труднее. Общество, народ не были такими едиными и монолитными, как сейчас! «А известно ли тебе, что в наше время разводов было вдвое меньше?» Ну и что? Люди меньше стремились к идеалу и довольствовались малым, а сейчас и требования выше, и выбор шире!

Такие, я бы сказал, точные и разящие ответы плюс два-три ваших брака ставят родителей на место, и они все реже вмешиваются в ваши личные дела.

Однако не думайте, что я полностью зачеркиваю или недооцениваю родителей. Отнюдь нет! Есть такие обла-

сти, в которых у них, да-да, и опыта, и знаний больше, чем у вас. Скажем, в уходе за детьми грудного и даже школьного возраста. Не сомневаюсь, что ваших грудняшек и дошколят они воспитают лучше, чем вы. Вас же они воспитали! Так что, как мне кажется, вы можете смело отдать своих детей родителям, они с задачей их воспитания и кормления справятся лучше вас.

Теперь такой вопрос: допустим, вы не довольны культурным уровнем ваших родителей. Думаю, это чепуха! Сейчас культурный уровень что у старых, что у малых — примерно одинаковый: телевизионный! Причем у старых и малых он даже выше, так как у телевизоров они сидят больше и некоторые из них не только запоминают фамилии дикторш, фигуристок и хоккеистов, но даже изучают иностранные языки. Тем не менее культурных родителей следует иногда водить в театр. (В кино водить их не нужно, так как большинство кинофильмов показывают по тому же телевизору, но на год позже. Спрашивается: а куда им спешить?) Так вот, водить в театр их нужно, и это, право же, совсем не сложно. Скажем, вы хотите попасть на какого-нибудь остродефицитного зарубежного гастролера в Большой или в Театр на Таганке и добываете два билета для себя и своего любимого существа. Естественно, вам «в нагрузку» дают два билета, скажем, в Театр имени Пушкина. Эту нагрузку вы и вручаете своим благодарным родителям. Они идут в театр и расстут на глазах...

Теперь попробуем подвести итоги. Приведенные наиболее типичные примеры показывают, что воспитывать родителей хотя и труднее, чем детей, но тем не менее и можно, и нужно. Правда, среди родителей, так же как и среди детей, встречаются и трудные родители и вообще не поддающиеся воспитанию, которые способны такое отколоть, что и детям не снилось.

С детьми в таких из ряда вон выходящих случаях проще. Наша милиция, которая не щадит усилий в воспитании подрастающего поколения, организовала при милицейских отделениях специальные детские комнаты.

Надеюсь, идя навстречу пожеланиям детей, будут организованы и родительские комнаты и с помощью милиции даже неподдающиеся родители будут воспитываться как положено.

ОТЕЦ СВОЕГО СЫНА

— Леня, минуточку! — окликнул спешащего юношу мужчина лет сорока пяти в полупрозрачной соломенной шляпе и тяжелом, как скафандр, пиджаке.

Леня остановился, мужчина догнал его и, тяжело дыша, произнес:

— Леня, у меня к тебе огромная просьба. Ты лучший друг моего Сени, и я прошу тебя, так сказать, быть у нас переводчиком.

— Кем? — удивился Леня, и его рыжие брови скрылись под такой же рыжей челочкой.

— Переводчиком. В последнее время мы почти не понимаем друг друга, говорим на разных языках: я — на древнеегипетском, он — на эсперанто.

Леня улыбнулся, и в его рыжих глазах сверкнули пестрые, озорные искорки:

— Чего же вы, собственно, не понимаете? Он говорит как все.

— Ты не очень спешишь? — спросил Сенин папа.

— Нет.

— Тогда присядем. Вот скамейка.

Они сели, и Сенин папа добыл из своего словно набитого камнями портфеля листок бумаги и поднес его поближе к очкам:

— Вчера он сказал: «Предок, гони трояк. Мы проводим большие рыдания из-за grymзы!» Я трояк дал и попросил, чтоб он мне объяснил, что это значит. Он сказал: «Будешь много знать — скоро состаришься!» — и убежал.

— И вы не догадались, что это значит? — удивился Леня.

— Нет.

— Grymза — химия!

— Как химия? — спросил Сенин папа.

— Ну, химичка. Учительница. Насажала ребятам стержней и пар, вот они и решили залить горе.

— М-м. Залить горе... — пожал плечами папа. — А почему она «Grymза»?

— А все учителя как-нибудь называются. Математик у нас «Рысак»: чуть ему не понравится ответ — бьет копытами и ржет; директор — «Пилюля»: что ни учудит —

для нас неприятности; учителька пения у нас — «Эдита Пьеха»...

— Как, у вас преподает Эдита Пьеха?

— Да нет же! Это она воображает, что она Эдита Пьеха. А ей до Пьехи как мне до Муслима Магомаева.

— Понятно, — кивнул папа и вновь заглянул в бумажку. — А можешь ли ты мне перевести такую фразу: «Без «Адидаса» и синих «Ли» — я потеряю лицо».

— «Адидаас» — это спортивная майка, «Ли» — фирменные джинсы с лейблом.

— Чем?

— Маркой фирмы вот на этом месте, — сказал и показал место Ленья.

— А почему он без них потеряет лицо? — спросил папа.

— В наши дни человек без джинсов не человек! — строго объяснил Ленья.

— Так, и это мне понятно, — сказал Сенин папа и вновь уткнулся в свою бумажку. — А что такое... «чувяка»?

— Чувяка? — Ленья расхохотался. — Чувиха, наверно?

— Ну, чувиха.

— Девушка, — перевел Ленья.

— Вы считаете, что чувиха звучит красивее?

Ленья пожал плечами.

— А как на вашем языке — «молодой человек»?

— Чувак, псих, лопух, гаврик, ипохондрик, шизик, ханурик... — перечислил Ленья, — выбор большой.

— А что такое «балдеж»?

— Вы и этого не знаете? — изумился Ленья. — Это когда собираются несколько чуваков и чувих и балдеют, чтоб убить время.

— А-а, — кивнул папа. — Но, насколько я понимаю, балда — это глупый человек, практически — дурак. Люди всегда стремились и стремятся быть умнее, а становятся дураками, да еще коллективно? А каким образом эта группа балд... или балдов...

— Балдежников, — поправил Сенин папу Ленья.

— Балдежников, — покорно повторил папа. — Как они, так сказать, балдеют, то есть обалдевают?

— Ну как? Слава богу, не маленькие. Надо раздавить флакон-другой бормотухи...

— Чего? — снова не понял папа.

— Бормотухи. Вы ее называете портвейн или солнце-дар...

— Я ее никак не называю,— обиделся Сенин папа.— А скажи, Леня, твой отец тебя понимает? Я имею в виду не только ваш, дикарский, словарь, но и образ жизни?

— А как же! — воскликнул Леня.— Если на то пошло, он похлеще балдежник, чем я.

— Твой отец? — глаза Сениного папы чуть не выскочили из очков.

— А вы думали? Прочитает мне мораль, что хорошо, что плохо, и тут же дует в стекляшку.

— Куда?

— В кафе напротив. Там его дружки, пиво с прицепом, рыбка... Это, по-вашему, что, не балдеж?

— Гм, значит, твой отец, так сказать, любит... — Сенин папа не нашел нужных слов и неопределенно пошевелил пальцами.

— Так Сеня и про вас рассказывал, что вы часами дуетесь в преферанс или гоняете шары на бильярде. А как это по-вашему называется?

Сенин папа молчал, а Леня иронически поглядел на него и усмехнулся:

— Нормальная вещь! У каждого поколения свои вкусы и потребности.

БУКЕТ ДВОЕК И ЕДИНИЦ

— Боря! — окликнула Елена Яковлевна мужа, который решал кроссворд и никак не мог найти рыбу из шести букв из семейства карповых и начинавшуюся на «К». А может быть, и на «В», потому что в экваториальном созвездии, которое пересекало рыбу, он был не вполне уверен. Мало того, рыба размещалась по горизонтали, а по вертикали ее протыкало, как шампур, луковичное растение из семейства лилейных. И это дурацкое растение, длинное, как товарный поезд, тормозило решение всего кроссворда. Естественно, Борис Павлович сделал вид, что не слышит Елену Яковлевну. Но она окликнула его снова:

— Боря, у меня к тебе просьба...

«Начинается! — подумал Борис Павлович. — Сейчас она что-нибудь придумает на мою голову».

Так оно и оказалось. Придумала.

— Понимаешь, завтра в школе родительское собрание, а я на это время записана в поликлинике к врачу. Сходи, пожалуйста, ты.

— Я?! — крайне удивился Борис Павлович.

— Да, ты.

— Не знаю, удастся ли... Я могу задержаться на работе.

— Перестань. Если был бы какой-нибудь футбол или хоккей, ты бы не задержался. Ну пожалуйста. Я очень прошу.

— Ладно, — недовольно буркнул Борис Павлович, выслушал необходимые указания и продолжал поиски представителей семейства карповых и семейства лилейных...

На следующий день Борис Павлович после работы пошел в школу на родительское собрание.

Пошел... Вспомнить стыдно, что было на этом собрании! Явившиеся на собрание родители радостно приветствовали друг друга. Видимо, все они были хорошо знакомы и с удовольствием обменивались шутками и воспоминаниями далеких школьных лет, и только Борис Павлович одиноко уселся на последнюю парту.

В класс вошла учительница. Стройная, беленькая, с капризными губками и вздернутым носиком, она больше походила на школьницу, чем на классного руководителя. Родители окружили ее и совсем как школьники, перебивая друг друга, засыпали вопросами. Но она спокойно и властно утихомирила их и заставила сесть за парты. Потом заговорила.

Всего ее выступления Борис Павлович не запомнил, но одну его часть долго не забудет.

— ...А кто вызывает мои серьезные опасения, это — Семенов. Кто-нибудь из его родителей есть? — спросила учительница.

— Я есть! — густо покраснел Борис Павлович и, вставая, больно стукнулся коленом о тесную парту.

— Ваш сын, товарищ Семенов, меня очень беспокоит. В прошлом году и учился, и вел себя... ну не отлично, но

вполне удовлетворительно, а в этом — будто подменили! И поведение, и успехи, и курить начал...

— Курить? — ахнул Борис Павлович.

— Да, курить! Прошу вас, товарищ Семенов, обратите на него самое серьезное внимание! Букет двоек и единиц, который он собрал, необходимо ликвидировать!

Что было дальше, Борис Павлович помнит смутно. Его единственным желанием было возможно скорее вернуться домой и поговорить с этим прохвостом Валеркой по душам.

— «Курить!»! А? «Букет двоек и единиц!»! «Поведение ужасное!»!.. Ну погоди, друг Валерий!

Из школы домой Борис Павлович не столько шел, сколько бежал трусцой. В лифте ему очень захотелось, войдя в квартиру, тут же отстегать Валерку брючным ремнем, но снять ремень, учитывая, мягко говоря, несколько излишнюю округлость живота, было рискованно.

«Ничего, я ему и без ремня выдам!» — решил Борис Павлович и нажал кнопку звонка.

Дверь открыл ничего не подозревающий Валерка. Он даже обрадовался приходу отца, но его радость была омрачена двумя затрещинами, от которых его лохматая голова закачалась на тонкой шее, как у китайского болванчика.

— Курить!.. Поведение ужасное! Букет двоек и единиц! — орал отец, норовя вклеить третью затрещину, но Валерка, посещавший секцию бокса, от удара ушел нырком влево.

— Что случилось? Что за крики? — вбежала в переднюю Елена Яковлевна.

— «Случилось!»! — передразнил жену Борис Павлович. — Этот негодяй курит, нахватал двоек и единиц, ведет себя безобразно. Учительница так меня отчитала, что до сих пор уши горят!

— Да не может этого быть! — сказала Елена Яковлевна. — Неделию назад я была в школе, и Ольга Николаевна хвалила его.

— Какая Ольга Николаевна?

— Учительница.

— Разве она Ольга Николаевна? — спросил Борис Павлович.

— Конечно. Такая черненькая, уже немолодая, в очках.

— Ничего подобного! Она светлая. И прическа модная. И никаких очков. Такая очень даже ничего,— изобразил руками плавную кривую Борис Павлович.

— А зовут ее как? — спросил шмыгающий носом Валерка.

— А бог ее знает! Нет, постойте, постойте... Кажется, Анна Петровна.

— Здравствуй! — заорал Валерка, и слезы на его глазах мгновенно высохли.— Так это же моя старая учительница. Из четвертого класса.

— А ты в каком? — растерянно спросил Борис Павлович.

— Слава богу, в шестом! — презрительно заулыбался Валерий.

— В шестом?! — удивился отец.— Почему же вы, черт возьми, меня об этом не предупредили?

ДВУШКА

Я человек предусмотрительный, и было их у меня четыре. Но два телефона-автомата мгновенно их съели, издевательски пропищав в ухо короткие гудки.

— Безобразие! Хулиганство! — ворчал я, выворачивая карманы и в десятый раз изучая содержимое кошелька, но двушек больше не было.— Что же делать, а? Через десять минут она уйдет с работы и все: сегодня мы не встретимся.

Я бросился к табачному киоску. Киоскер не спеша дочитал газетную статью, а потом объяснил, что размен денег в его функции не входит и если он каждому будет разменивать...

— Тогда дайте пачку «Варны», — перебил я киоскера.

— Если есть мелочь, — строго сказал киоскер и снова углубился в газету.

Продавщица мороженого и двое прохожих мне тоже не помогли. И тут я увидел мальчика лет десяти, обыкновенного мальчика без шапки и в коротких брюках.

— Мальчик! — закричал я.— Двушка есть?

— Есть.

— Дай, пожалуйста.

— Еще чего? Кто же так дает двушки? — удивился мальчик.

— Зачем же так?.. — сказал я. — На тебе три.

— Три?! Хо-хо! Пятнацаты!

— Пятнацать копеек за двушку?!

— А вы думали?..

— Ты школьник?

— Само собой...

— И тебе не стыдно торговать двушками? Спекулянт ты, вот кто!

— Еще, значит, оскорбляете? Ну-ну, — усмехнулся мальчик и не спеша двинулся по улице.

— Нет, ты постой. Кто твои родители?

— А вам какое дело?

— Мне интересно, кто тебя так воспитывает. — Я схватил мальчика за плечо. — В какой ты школе? Кто твоя учительница?

— Пустите, не то позову милиционера, скажу, что пристаєте.

— Ну, ты же фрукт! Иди. С таким, как ты, я не желаю иметь дела!

— Пожалуйста, — сказал мальчик и ушел.

А я снова заметался по улице. До ее ухода с работы оставалось пять минут. И вдруг мальчик появился снова. После недолгой внутренней борьбы я сказал:

— Иди сюда! Вот тебе пятнацать копеек.

— Спасибо, не желаю, — гордо ответил мальчик. — Мало что делаю одолжение, так еще воспитываете...

— Ладно, на тебе двадцать.

— И двадцать не желаю.

— А сколько?

— Полтинник, — твердо заявил начинающий спекулянт.

— Ты с ума сошел! — возмутился я.

— Не хотите — не надо! — и он повернулся ко мне спиной.

— Черт с тобой, бери полтинник! — крикнул я, отсчитал юному негодяю монеты и, схватив двушку, бросился в автомат.

Бережно, как величайшую драгоценность, я опустил двушку в автомат и набрал номер. И снова это великое, но несовершенное человеческое изобретение, это чудовище двадцатого века съело мою последнюю надежду.

Юный негодяй, присутствовавший при этой душераздирающей сцене, презрительно посмотрел на меня и сказал:

— А ну, отойдите!

Я отошел, беспрекословно отдав ему трубку. А он ударил по металлической коробке автомата кулачком и приложил трубку к уху. Ударил еще раз и улыбнулся:

— Порядок! Можете говорить.

Я схватил трубку и услышал ее голос. Да-да, ее голос! Мало того: из автомата выскочила вброшенная мною монета.

А юный негодяй презрительно посмотрел на меня и сказал:

— Эх вы, взрослые! Учите детей! А простая вещь — позвонить по телефону не умеете!

И, подобрав выпавшую из автомата двушку, он неторопливо удалился.

ЦИРКОВОЙ РЕБЕНОК

Маленький человек лет шести, в пестром картузике и голубых джинсах, подошел ко мне и, переминаясь с ноги на ногу, сказал грустным голосом:

— Дядя, я хочу пи-пи!

— Что? — не понял я.

— У меня новые штаны, и я не могу их расстегнуть. — Он вздохнул и добавил: — Пожалуйста!

Обратился он ко мне с этой просьбой во дворе цирка за несколько часов до премьеры нового представления, потому что все, кроме меня, были заняты и работали, как на корабле во время аврала: в манеже одновременно репетировали три номера, уборщицы подметали места для зрителей, осветители проверяли свет, а радиотехники отсчитывали в микрофон «раз, два, три, четыре...». Обезьяны в клетках, стоящих у выхода на манеж, кричали экзотическими голосами, за кулисами рычал медведь и лаяли собаки, и все эти нестройные звуки перекрывал бодрый марш Дунаевского, репетируемый оркестром.

— Пожалуйста, дядя! — повторил маленький человек в новых джинсах, и я конечно же поспешил ему помочь...

После этого мы сели на скамью, над которой было написано: «Место для курения, но курить вредно!» — и я вручил моему новому знакомому конфету, которая, к счастью, оказалась у меня в кармане.

— Как тебя зовут? — задал я малооригинальный вопрос.

— Юрий. В честь знаменитого клоуна Никулина, — с гордостью ответил мой собеседник. Теперь на его лице играла веселая улыбка.

— А фамилия?

— Кудряшов. Я сын артиста цирка Виталия Кудряшова. Гостиница «Украина», номер двести восемь, — бодрой скороговоркой отпрапортовал тезка знаменитого клоуна Никулина.

— Я знаю твоего папу, — сказал я. — Мастер! А кто твоя мама?

— Работает у него же в номере. Он, понимаете, окончил цирковое училище, воздушник, сразу зарекомендовался, а она работала в бухгалтерии. «Дебет, кредит», — кого-то передразнил Юрий. — Но встретила папу, и он за три месяца сделал из нее человека: летает, как богиня! Дядя, а у тебя в часах стрелки светятся? — неожиданно спросил он.

— Светятся.

— Можно, я посмотрю?

— Светло же, — сказал я.

— Ничего, я закрою. — И он сложил две не первой свежести ладошки домиком над моими часами и долго вглядывался в теплую межладонную темноту. — Плохо видно, но я тебе верю.

— Спасибо, — сказал я. — А сколько тебе лет?

— Шесть и три месяца.

— Значит, скоро в школу?

— Разве хочешь? Надо. Я тебе так скажу: в наше время человек без образования — не человек! — Юра вздохнул. — А кто ты?

Я назвался.

— Уже на пенсии?

— Почему? — обиделся я.

— Старый... Такого выпускать в манеж опасно: расплещься!

Я промолчал. Потом спросил:

— Ты доволен, что твои родители артисты цирка?

— Не-е... — покачал он головой. — Работа сумасшедшая, вечные переезды. Сколько представлений в месяц — знаешь? Свыше тридцати. В субботу по два, в воскресенье по три, да еще обязательно выдумают какие-нибудь шефские. А бухгалтерия так и норовит что-нибудь урезать. — Он махнул рукой. — А папа мой — председатель месткома. Все время воюет. Раз выбрали, значит, будь любезен, защищай интересы трудящихся. — Он вынул изо рта остатки конфеты, с грустью поглядел на них и отправил обратно в рот. — Теперь борется за буфет. Каждый день кислые щи, котлеты и сосиски в целлофане. Ну? Можно артистов кормить сосисками в целлофане? У них же физический труд. Им калории нужны... Дядя, а что такое калории? Они вкусные?

Я не без труда объяснил Юре, что такое калории, а он после короткого молчания заинтересовался:

— Ты местный?

— Нет, москвич.

— И мы москвичи. А в этом городе, — он понизил голос, — безобразие! В других городах при цирках дома для приезжих артистов. Получаешь квартиру и живешь, как дома. Газ, горячая вода. Можно и на рынок сходить, и еду приготовить. А тут — гостиница у черта на куличках и сидим на одном буфете.

— Да, — посочувствовал я. — Значит, судя по всем данным, ты артистом цирка не будешь?

— Я еще не решил, — заявил Юра. — Мне, понимаешь, хочется в космонавты. В крайнем случае в ракетчики.

— А я думал, ты цирковой ребенок, — сказал я. — Думал — из цирка ты не уйдешь... Разве есть профессия, которая доставляет людям больше радости, чем цирковой артист?

— Это конечно, — согласился Юра. — Мой папа тоже так говорит. Если в укротители хищников — я согласен. Как Бугримова. Или Филатов. А еще хорошо клоуном, как Никулин. Или Олег Попов.

— М-м. Хочешь быть только знаменитым?

— А как же! Папа говорит, если буду учиться — достигну, — твердо сказал Юрий и вызывающе поглядел на меня.

«Какой положительный парень!» — подумал я, с уважением глядя на тезку Никулина.

А он неожиданно наклонился ко мне и спросил:

— У тебя закурить не найдется?

— Что? — опешил я.

— Да нет, я сам — некурящий. Это для дяди Гриши — вахтера. Он обещал трех мальчишек пропустить без билетов.

Я дал Юре несколько сигарет, он убежал, но вскоре вернулся и, подойдя ко мне, грустно сказал:

— Дядя, расстегни еще раз. Я арбуз ел... Пожалуй-ста!

ПАРИ

Мужчина средних лет, смуглый и черноглазый, с большими черными усиками и такими же, как усики, бровями, приоткрыл дверь кабинета декана института и спросил с легким восточным акцентом:

— Разрешите?

— Да-да, прошу! — откликнулся декан, бритоголовый, загорелый здоровяк с настороженным взглядом.

— Понимаешь, какое дело, — разведя руки в стороны, сказал смуглый мужчина, — мой сын поступает в ваш институт.

— Очень приятно, — криво улыбнулся декан.

— И мне приятно, — сказал восточный мужчина, — но у вас такой конкурс, что этот негодяй может не попасть. Я ему мотоцикл обещал, если попадет...

— Тогда попадет, — успокоил мужчину декан.

— А я не уверен, — вздохнул отец абитуриента, — и имею предложение.

— Какое?

— Давай заключим пари: если попадет — я плачу тебе пятьсот... даже шестьсот рублей!

— А если не попадет — я плачу вам? — рассмеялся декан.

— Зачем, дорогой, зачем? Плачу только я. Ты ничем не рискуешь. Попадет, — значит, я проиграл и плачу, не попадет, — значит, я выиграл и не плачу. Все благородно!

— Странное пари, — пожал плечами декан.

— Так и мальчик странный. Стеснительный. Задают вопрос — молчит.

— Понятно,—кивнул декан и задумчиво произнес: — Пари, конечно, заманчивое. Но и сумма, между прочим, странная...

— Хорошо, тысяча! — быстро сказал отец абитуриента.

— Тысяча... Н-да...— снова задумался декан и забарабанил пальцами по столу.— Значит, если он не попадет, выиграли вы, но я ничего не плачу?

— Конечно, дорогой! — радостно подтвердил смуглый мужчина.

Через две недели стеснительный сын смуглого отца был принят в институт, но обещанного мотоцикла отец ему не купил.

Почему? Вероятно, потому, что пари декану он, к сожалению, проиграл.

КЛЮЧ К ПРОФЕССОРУ

— Профессор Тюхтяев сошел с ума! — решили коллеги профессора, так же, как и он, читавшие лекции в нашем институте.

И вот почему.

Однажды профессор Тюхтяев, войдя в аудиторию, как обычно спросил у старосты курса:

— Сколько сегодня?

— Четверо.

— Причины?

— Вполне уважительные! — успокоил Тюхтяева староста и перечислил: Фролов — уехал на республиканские соревнования по stokлеточным шашкам, Санько — дежурит по этажу в общежитии, Глухов на семинаре редакторов стенгазет, а Гусятников поет.

— Поет? — удивился Тюхтяев.

— Да. Он на спевке студенческого хора, — охотно пояснил староста.

— Ясно, — недовольно кивнул Тюхтяев и поднялся на кафедру.

И только он открыл рот, чтобы начать лекцию, в

аудиторию вошла Дуся Мотовилова — секретарь комсомольского комитета.

— Извините, профессор, у меня два слова, — сказала Дуся и, не ожидая ответа Тюхтяева, обратилась к студентам: — Меня поражают некоторые товарищи. Кажется, вчера четко договорились, что Метельская и Куманьков сегодня пойдут на конференцию по организации студенческого досуга. Сегодня доклад о современных танцах, а вы, понимаете, тут сидите и в ус не дуете! Безобразие, товарищи!

— Конечно, безобразие! — поддержал Дусю профессор Тюхтяев. — Что важнее для студента: моя лекция или доклад о современных танцах? Будь я на вашем месте — я бы давно начихал на мою лекцию и слушал доклад о танцах.

Весь наш курс смотрел на профессора как на сумасшедшего. Однако все признали его сумасшедшим не поэтому. Что вы! Если бы он произнес вышеуказанную тираду и отпустил студентов на танцевальный доклад — все как раз и было бы нормально. А он, видите ли, после этой тирады повернулся к Дусе Мотовиловой и спросил:

— Вы что, ждете от меня таких слов?

Дуся от неожиданности растерялась и всплеснула руками:

— Ой, что вы, конечно, нет!

— Ах нет! Тогда выйдите из аудитории.

— Кто? — спросила Дуся.

— Вы!

— Я?!

— Да, вы! Насколько я понимаю, студенты должны заниматься науками, а не общественной работой!

— Вот оно что! Такая точка зрения! — многозначительно сказала пришедшая в себя Дуся Мотовилова и ушла, хлопнув дверью.

И пошло-поехало, завертелась карусель.

В тот же день профессора начали приглашать в разные соответствующие организации и инстанции, где возмущенно цитировали профессорские слова о том, что студенты должны заниматься науками, а не общественной работой.

— Говорили вы это?

— Говорил, — покорно признавался профессор.

— И вы действительно против общественной работы?

— Конечно, нет! Но во время лекции вызывать студентов на доклад о танцах — это, извините, уже слишком! Вот я вышел из себя и сказал, что я против.

— Значит, сказали?

— Да, сказал... Сказал, так сказать, в состоянии аффекта. Как вам это нравится?

Ну... я понимаю, в состоянии аффекта... убить жену. Это можно, это бывает. Но убивать общественную работу! Убивать бескорыстное служение обществу!..

А Тютхтев говорит:

— Поймите, я в эти слова вкладывал совершенно другой смысл. Я считаю, что общественной работой надо заниматься не в учебное время, а в свободное! Студент, который пропускает занятия, выйдет из института без необходимых знаний, будет неучем!

Нужно ли вам говорить, что подобная демагогия поддержки не встретила. Человек четко и определенно сформулировал свое отношение к общественной работе, и никакими «аффектами» тут не отделаешься. В кои веки конференция по организации студенческого досуга, а он всерьез считает, что его лекции по математике (смешно, ей-богу!) важнее! Это же ни в какие ворота не лезет! Вот почему все его коллеги решили, что профессор Тютхтев сошел с ума.

Мало того, добрый месяц он продолжал настаивать, что прав! Казалось бы, извинись перед коллективом, тебя простят, и читай свою математику дальше... Нет, подал заявление об уходе.

— Ну и что? Пожалуйста! — решил ректор института. — Конечно, жаль... Хороший педагог и все такое, но между нами говоря, профессор не такая уж дефицитная профессия. Скажем, вздумай от нас уйти сантехник или уборщица — это была бы трагедия, а профессора мы найдем! Поверьте мне, найдем!

И тут слово попросила Дуся Мотовилова.

— Нет, товарищи, — сказала она, — нельзя терять такого специалиста и, в принципе, неплохого человека.

— А что делать? — спросил ректор. — Он подал заявление об уходе.

— Ладно, — сказала Дуся Мотовилова. — Ключ к этому профессору я подберу и человека из него сделаю.

И на следующий день, когда Тютхтев читал очередную лекцию, Дуся вошла в аудиторию и произнесла

взволнованный монолог, в котором, осознав бестактность своего поведения, просила уважаемого профессора ее простить. Далее, от имени и по поручению студентов всего института (Дуся всегда говорила от чьего-то имени, независимо от того, поручали ей подобные высказывания или нет), — так вот, от имени и по поручению всех студентов и, безусловно, от своего лично, она просит глубокоуважаемого и дорогого профессора не покидать наш дружный коллектив и продолжать нести ему разумное и вечное в области преподаваемой им математики. Если бы свою речь Дуся произнесла в прошедшем времени, она бы прозвучала как отличный некролог, но профессор, услышавший ее в настоящем времени и не очень избалованный похвалами, порозовел, засмутился и сказал, что заявление об уходе заберет и будет продолжать свою полезную деятельность, не щадя ни сил, ни здоровья, ни времени.

А еще через несколько дней Дуся обратилась к профессору с просьбой выступить с лекцией о своей прекрасной математике на заводе, который шефствует над нашим институтом. Тютхтев выступил. И как! Собравшиеся ему аплодировали, как Алле Пугачевой, и потом, по предложению той же вездесущей Дуси, попросили его возглавить кружок любителей математики при заводском Дворце культуры. Польщенный Тютхтев согласился.

Потом Дуся попросила его выступить на слете юных математиков. Потом юные математики участвовали в конкурсе кибернетиков, и он их готовил к конкурсу. Потом проводились различные арифметические формулы, алгебраические симпозиумы и геометрические хуралы. О чем говорить, был бы человек, а общественная работа для него всегда найдется!

Дуся знала это правило и, имея столь прекрасный объект для эксплуатации в общественных целях, мило улыбаясь и произнося дидактические тексты, нагружала уважаемого и безотказного профессора сверх всякой меры.

Ни для кого не секрет, что кое-где и кое-кто нередко занимается общественной работой в рабочее время. Сами понимаете, свое личное время хочется использовать как-то иначе. Пришлось и бедняге Тютхтеву лавировать между рабочим и личным временем. А потом, как говорится, лиха беда начало — все встало на свои места:

профессор начал опаздывать на лекции, были случаи — вообще их пропускал, но, сам втянувшись в общественную работу, не чинил препятствий другим общественникам. Мало того, приходя на очередную лекцию в аудиторию, он, как и прежде, интересовался наличным составом студентов. Но уже несколько по-другому.

— Вы почему в аудитории, Сидорчук? У вас же репетиция ансамбля «Два плюс два — пять»!

— Виноват, товарищ профессор! — говорил обрадованный Сидорчук и поспешно покидал аудиторию.

Прошло не так уж много времени, и профессор Тютчев, благодаря Дусе Мотовиловой, стал вполне нормальным человеком.

Вот какая история.

Как говорится: его пример — другим наука!

РОКОВОЕ ЧИСЛО

Еще недавно я был суеверным. Перебежит дорогу черная кошка — ждал неудачи; забыл что-нибудь дома — считал, что не будет пути; встретил женщину с пустым ведром или священника — тоже готовился к неприятностям... А теперь я от этого наследия прошлого излечился. Полностью. И вот почему.

У меня есть дядя. Человек уважаемый, светлая голова! Как-никак профессор, заслуженный деятель науки.

И вот лет тридцать назад мой дядя, тогда еще студент, должен был сдавать экзамен по физике.

Как известно, экзамены сдают по экзаменационным билетам. Вытягиваешь свой печальный жребий, то есть билет, и отвечаешь. Билетов много, штук полтора, и перед экзаменами сидишь над этими билетами — будь они неладны! — дни и ночи.

А дядя, уже тогда светлая голова, поступил иначе. Он выучил ответы только на один тринадцатый билет. Пришел на экзамен. За столом экзаменатор, перед ним ящик с билетами. Дядя вытянул билет. Говорит, что помнит как сейчас: восемьдесят шестой. Но дядя бросил билет обратно в ящик, закрыл лицо руками и закричал:

— Так я и знал! Тринадцатый билет! Тринадцать —

роковое число! Оно мне всегда приносит несчастья. Вот и сегодня...

Экзаменатор рассмеялся:

— Ах, молодой человек! Неужели вам не стыдно быть суеверным? Извольте отвечать по тринадцатому билету!

Дядя быстренько нашел тринадцатый билет и — будьте любезны — пятерка!

— Ну вот, молодой человек! — торжествовал экзаменатор. — Если знаете предмет, никакие суеверия не страшны! Убедились?

— Убедился! — скромно потупившись, сказал хитрый дядя.

А недавно я решил воспользоваться опытом моего заслуженного дяди. Экзамен по той же физике. Я тоже выучил только тринадцатый билет.

Прихожу. Экзаменатор. Ящик с билетами. Вытягиваю сорок пятый билет, но быстро швыряю его в ящик и хватаюсь за голову:

— Так я и знал! Тринадцатый билет! Тринадцатый — роковое число! Оно всегда мне приносит несчастья...

— Что ж, — сказал экзаменатор, — если вы такой суеверный, возьмите любой другой билет и отвечайте.

— Но позвольте, — начал я, — разве можно быть суеверным? Надо бороться с суевериями!

— Конечно, надо! — согласился экзаменатор, — но скажу вам по секрету, я сам суеверный, так что я вас отлично понимаю. Возьмите другой билет и отвечайте!

Взял.

Двойка!..

Ну? Можно в наши дни быть суеверным?..





ПОДАРОК СУДЬБЫ

Нельзя сказать, что судьба (если она, конечно, существует) относилась к Сене Брыкину плохо. Скорее наоборот. Но недавно эта самая судьба преподнесла ему такой подарок, что — будьте любезны и спасибо за внимание!

Сейчас я расскажу, как это было, разумеется, в наиболее краткой форме.

Значит, так... Недели три назад начальник нашей автобазы товарищ Пеньков вызвал Сеню Брыкина и говорит: «Так, мол, и так, ехай, голубчик, в Москву, там получишь грузовую машину марки «ЗИЛ» и пригонишь ее своим ходом».

Сами понимаете, это не командировка, а разлюли-малина. Почти сутки в Москве — можешь что угодно посмотреть и что надо купить, а потом катишься домой, в наш областной центр, на новеньком грузовичке. Сказка, мечта, фантазия!

Но главный подарок судьбы был в другом. В тот день, когда нашему Сене предстояло находиться в Москве, должен был состояться один из самых интересных хоккейных матчей сезона: «Спартак» — ЦСКА.

Ну, скажете, не подарок судьбы? Человек прибывает в Москву и может пойти во Дворец спорта, может посмотреть такой матч не по телевизору, пусть даже цветному, а лично, как говорится, в натуральную величину!

Нет-нет, вы не думайте, телевизор прекрасная вещь, выдающееся изобретение двадцатого века! Самые интересные моменты повторяют дважды, а иногда и трижды; комментаторы вам все так объясняют, что, кажется, выпусти вас на ледяную площадку — забьете шайбу не хуже Валерия Харламова и примените силовой прием так же лихо, как другой Валерий — Васильев. О чем говорить, это очень даже приятно расположиться перед телевизором в пижаме и тапочках на босу ногу. Как говорится, удобно, выгодно, надежно... Но поверьте мне, сидеть на трибуне Дворца спорта, дышать веселым воздухом Большого Хоккея, видеть в двадцати метрах от себя живого Николая Озерова, живых Тихонова и Кулагина, живых (да разве всех перечислишь?)... следить за стремительными движениями шайбы, слышать ее барабанные удары о борта площадки и боевой стук клюшек — нет, такой подарок судьба делает не каждому!

И счастливый Сеня Брыкин махнул в Москву, вызывая зависть у большинства работников нашей автобазы.

Прибыл он в Москву поездом часа за четыре до хоккея и, поскольку машину ему надо было получать на следующее утро, прямо с вокзала отправился в Лужники. Как и следовало ожидать, в кассе билетов уже не было. Что делать? Выход один: верить и надеяться! И Сеня встал на дороге к Дворцу спорта с тем выражением лица, при котором даже говорить не надо: «Нет ли лишнего билетика?»

А в этот день был морозик, ну не так чтобы «ай-я-яй», но вполне сердитый, и Сеня на этом самом морозе протоптался минут сорок, замерз до голубой гусиной кожи, но, представьте, не зря. Та самая судьба, которая подарила ему поездку в Москву, привела к нему и крайне огорченного молодого человека, чья дама сердца, порхая по морозу в легких чулочках, заболела каким-то загадочным гриппом и пойти на хоккей не смогла. Счастливый Брыкин ухватил этот новый подарок судьбы и кинулся ко Дворцу спорта. И тут он одновременно почувствовал и сильный голод и сильный холод.

— Эх,— печально вздохнул Сеня Брыкин и подумал: нет, не так ходят на спортивные мероприятия в его род-

ном городе. Там собираются три человека, или даже два, глядя друг на друга, весело потирают руки, потом... Ну, понятно, что потом... закусывают сосисками, колбаской, на худой конец конфеткой. Такой, стало быть, в их областном центре обычай!

— Эх! — еще раз вздохнул Сеня и бодрой иноходью промерзшего человека устремился в ближайшее кафе.

Там он пробыл минут двадцать и вышел оттуда в распахнутом пальто и с отогревшейся душой. После этого он не спеша прибыл во Дворец спорта, предупредительный и вежливый, как никогда. Излишне часто извиняясь («Простите, извините, виноват!»), он добрался до своего места, на которое и сел с облегчением.

Тут на лед выкатились хоккеисты в белых и красных формах и сверкающих шлемах — много хоккеистов. Не соврать — человек пятьдесят. И судьи. Их тоже почему-то было много: человек шесть, а может, и больше. Сеня не считал. Хоккеисты выстроились у синих линий, поприветствовали друг друга, а публика зааплодировала и зашумела, узнавая своих любимцев. Потом хоккеисты завертели две немыслимых карусели — белую и красную, и такие быстрые, что у Сени закружилась голова. Потом они разъехались, и игра началась.

И здесь бедняга Сеня оконфузился. Так ему стало хорошо и даже прекрасно, что он начал что-то выкрикивать, а когда Шалимов забил отличную шайбу в ворота самого Владислава Третьяка, попытался нежно облобызать зеркально сверкающую лысину впереди сидящего гражданина, в результате чего с грохотом сверзился в ближайший ряд. Тут же, словно из-под земли, возник лейтенант милиции, который поднял Сеню и придал ему вертикальное положение.

— Простите, извините, виноват! — бормотал Сеня, норовя возвратиться на свое место.

— Пройдемте, гражданин! — крепко взял его за локоть лейтенант милиции.

— За что, товарищ лейтенант? Я же совершенно ничего плохого... Честное благородное, я вполне и совершенно ничего...

Но лейтенант, не отвечая Сенё, ловко, быстро и бесшумно спустил его по лестнице и доставил в милицейскую комнату.

— Посидите, гражданин, отдохните! — наконец сказал лейтенант, помогая Сене сесть на деревянный диванчик.

— Товарищ лейтенант, — с трудом произнес Сеня и начал путано объяснять, что в их родном областном центре он и больше выпивал, и ничего, а тут такая петрушка получилась. Смешно, ей-богу! Мало того, в их городе это обычай — выпить перед соревнованием.

— Обычай... — усмехнулся лейтенант. — Безобразие это, а не обычай. Как можно такую игру, как хоккей или футбол, смотреть в нетрезвом виде? А милиция у вас что же, не реагирует?

— Почему? Реагирует, — с трудом выговорил Сеня. — Но само собой, не так, как в Москве. Но я, разрешите, пойду?

— Куда?

— В зало, — сказал Сеня, поднимаясь и показывая в противоположную сторону от спортивной арены.

— Садитесь, гражданин, — строго сказал лейтенант. — Вот из-за таких, как вы, и я не смотрю. Не могут люди вести себя как люди. Садитесь!

— Ясно, — пробормотал Сеня, ноги его подкосились, и он мягко спикировал на диванчик, на котором вскоре и уснул. Представляете, уснул?

И Сеня Брыкин, ярый хоккейный болельщик, еще недавно игравший сам, отлично разбирающийся в тонкостях игры, спал на деревянном диванчике в пятидесяти метрах от одного из самых прекрасных матчей сезона. Стыдно сказать, но результат этого матча он узнал на следующий день из газеты.

Правда, когда он вернулся в свой родной областной центр и друзья его спрашивали, какое впечатление на него произвела игра, он бодро отвечал:

— Ну как! Разве можно сравнить с телевизором? Совершенно другое впечатление. Нет, этот матч я никогда не забуду.

ПРОТОКОЛ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Инженер Макаров шел по улице и произносил те самые слова, которые называются непечатными. Правда, произносил он их не вслух, а про себя. И для этого были все основания.

Сегодня, в девять вечера, он прибыл в этот тихий волжский городок в командировку и завтра утром должен был явиться на местный металлургический завод, который поставлял его заводу литье. Он вышел из здания вокзала и направился в гостиницу.

Дежурный администратор — дама неопределенного возраста и с немыслимой прической — читала журнал «Здоровье». Она печально выслушала инженера, посмотрела на него долгим взглядом одинокой женщины с неустроенной судьбой, вздохнула и сказала, что номеров нет и не предвидится. Потом еще раз вздохнула и посоветовала пойти в Дом колхозника.

Макаров пошел.

В Доме колхозника под табличкой «Администратор» сидел бравый усатый мужчина. Взгляд у него был веселый и ласковый, так как несколько минут назад он плотно поужинал и читал не «Здоровье», журнал, наводящий на грустные размышления о несовершенстве человеческого организма, а «Крокодил». Однако бравый мужчина тоже ответил Макарову, что номеров нет и не предвидится, и посоветовал пойти в гостиницу.

И вот Макаров, с чемоданом и тяжелым свертком чертежей, идет по улице и проклинает свою горькую судьбу командировочного. Начавшийся дождь и полная бесперспективность положения, в которое он попал, как мне кажется, вполне оправдывают его мрачное настроение и нехорошие слова, произносимые отнюдь не вслух, а про себя.

И вдруг Макаров увидел светящуюся вывеску отделения милиции. Он приободрился и вошел в отделение.

Здесь, за высоким барьером, сидел молоденький лейтенант и, повышая свою квалификацию, читал «Основы криминалистики».

— Слушаю вас,— с готовностью сказал лейтенант и захлопнул книгу.

— Товарищ лейтенант,— криво улыбнулся инженер,— вот прибыл в ваш город в командировку. Нй в гостинице, ни в Доме колхозника номеров нет. У меня чертежи, документы, деньги... Что делать?

— Понимаю,— сказал лейтенант,— но ничем помочь не могу. К сожалению, конечно.

— Можете! Нельзя ли у вас на диванчике, до утра?..

— Что вы, гражданин! Не положено.

— Что же делать? Не ночевать же мне на вокзале? Чертежи, деньги...

— Это верно,— согласился лейтенант,— но нельзя. Будь вы пьяный, а то... Нельзя, дорогой товарищ, нельзя!

— Жаль,— сказал инженер, улыбнулся и вышел из отделения, как это ни странно, в отличном настроении.

Через десять минут он сидел в вокзальном ресторане и с аппетитом ужинал. За ужином выпил рюмочку коньяку и бутылку пива, а после ужина, весело напевая «Бездельник, кто с нами не пьет...», направился в отделение милиции.

Сильно преувеличивая степень своего опьянения, он вошел, с грохотом поставил чемодан на пол, положил на него чертежи и, глупо улыбаясь, отрапортовал:

— Здравствуйте, товарищ лейтенант! Уже!

— Что «уже»? — не понял лейтенант, прерывая повышение квалификации.

— Уже готов. Полностью нетрезвый,— ответил инженер и для убедительности покачнулся. Следует заметить, что трезвому играть пьяного не так уж сложно. Куда сложнее пьяному играть трезвого. Но это к нашему сюжету отношения не имеет. А инженер, щедро жестикулируя, объяснял: — Нетрезвый, и негде ночевать. Окажите содействие! До утра!

— Та-ак,— сказал лейтенант после паузы.— Содействие я, конечно, окажу, но придется составить протокол.

— Пож-жалуйста! — охотно согласился инженер.— Вот паспорт, командировка.

Лейтенант взял документы и бегло их просмотрел.

— Предупреждаю: протокол с последствиями.

— Какими последствиями?

— Сообщение на работу, что приехали в наш город и были доставлены в отделение в нетрезвом состоянии.

— Я не был доставлен! Я сам пришел,— с гордостью сказал инженер, все более входя в образ пьяного.

— Правильно, сами пришли,— согласился лейтенант,— но на работу все равно сообщим. Женаты?

— А как же! И дети. Двое прекрасных малюток.

— Вот видите, и жена, и дети... А мы сообщим. Узнает жена. Что она подумает? Как посмотрит в глаза соседям? А дети? Они в школе?

— Вовка в школе, Танечка в яслях.

— Ну вот! Их же засмеют и в школе, и в яслях. А вы сами? С каким лицом вы придете на работу? Как пожмете руку вашему директору, сослуживцам? А думаете, ваша стенгазета пропустит такой факт?

Инженер мрачно молчал, а лейтенант встал со своего места и, заложив руки за спину, продолжал:

— А что говорит статистика, знаете?

— Нет.

— Статистика говорит: основное зло нашего общества — пьянство! Около восьмидесяти процентов всех преступлений совершается людьми, находящимися в состоянии опьянения. Стало быть, что? Сегодня выпили, завтра выпили, а послезавтра жди от вас преступления? Зарежете кого-нибудь, ограбите, а тогда уж, конечно, сообщением по месту работы или стенгазетой не отделаесть!

Лейтенант взглянул на поникшего инженера и понял, что разумные зерна его речи падают на благодатную почву.

— Стыдно, дорогой товарищ! У вас высшее образование, государство вас учило, давало степендию, общежитие... Жена, двое малюток, а вы?.. До чего вы дошли и куда катитесь?

— Я никуда не качусь,— хрипло сказал инженер.— Я трезвый! Честное слово, трезвый! Но поскольку к пьяным вы относитесь лучше, чем к трезвым...

— Что? — возмутился лейтенант. — Да мы пьяных терпеть не можем! Да мы с ними боремся не покладая рук!.. Сейчас составлю протокол — и поймете, как мы относимся к пьяным.

— Не надо протокола! Не надо! — инженер взял со стола лейтенанта свои документы. — Я верю, верю, что к пьяным вы относитесь плохо. И это хорошо! Но почему к трезвым относятся плохо?

— Кто?

— Гостиничный трест! Ваш горсовет или коммунхоз. Почему? За что?

Инженер взял сверток с чертежами, поднял чемодан и направился к выходу.

— Минуточку, — остановил его лейтенант. — Вы куда?

— Не знаю. Куда глаза глядят! Трезвый буду спать под забором! Спасибо за внимание!

— Вот что, — сказал лейтенант. — Вы идите на вокзал. Идите. Я позвоню и предупрежу. Переночуете в комнате матери и ребенка!

КРАЙНЯЯ МЕРА

Еще совсем недавно я был хамом и алкоголиком, а сейчас опять полезный член общества и даже участвую в самодеятельности — играю на арфе.

Произошло это таким образом... Я, видите ли, по профессии — токарь, жена — водитель троллейбуса, и у нас двое детей: сын — известный футболист, мастер спорта, и дочь — школьница. Живем, как все теперь живут, — хорошо.

И вот года полтора назад в наш цех поступает некто Сеньков — тоже токарь пятого разряда. Наши станки рядом, и вижу: работник он хороший — и норму перевыполняет, и качество демонстрирует. Но еще замечаю — привержен к этому самому, с утра уже на взводе: напевает арии из опер.

И как-то мастер цеха мне говорит: «Ты человек непьющий, а твой сосед «закладывает». Помогни ему избавиться от этого вопиющего пережитка прошлого». —

«А как?» — «Подумай!» — «Ладно, говорю, попробую!» И, будьте любезны, через три дня подходящий случай... Получили мы вместе получку, и — нам по пути, идем домой. И Сенюков предлагает зайти в кафе «Гладиолус», пропустить по маленькой. Говорю: «Хорошо!» — и думаю: узнаю его поближе, разберусь в психологии и, по силе возможности, помогу победить этот недостаток. Другими словами, иду в этот «Гладиолус», что называется, с самой благородной целью.

А что вышло? Не я его, а он меня, так сказать, обратил в свою веру. Да! Начали мы с ним чуть не ежедневно, как он говорит, «рвать цветочки!», потому что все эти кафе по цветам называются: «Гладиолус», «Хризантема», «Подснежник» и «Гортензия».

А в «цветочках» этих музыка играет и чуть не за каждым столиком дружки-приятели. Жуткое дело! Если вовремя не захватить эту болезнь, то эти самые «злодейки с наклейками» могут сильно испортить жизнь. По себе понял. Да. Как начал посещать эти «цветочки», все в моей жизни пошло по известной схеме: прихожу домой чуть не на бровях, дома — скандалы, жена плачет, дочка плачет, сын грозит принять меры, а я им: «Цыть! Я — глава дома и пью на свои!» Такой я, значит, гусар-выпивоха...

А сын у меня, как я уже говорил, мастер спорта. Играет в лучшей команде города. И в день матча пошел я со своими дружками, включая Сенюкова, на стадион. Прошли мимо милиции почти не шатаюсь, но на трибуне добавили. Раза два. А то и три. Я уже не помню... А тут начался матч. Я всем окружающим с гордостью сообщая, что «десятка» — мой сын Вася и обещал в мою честь забить штуку. Все вокруг смеются, и даже дружки сомневаются, что это мой сын. Говорят — однофамилец. А я настаиваю на своем, и Вася в этот момент забивает гол. Я совсем зашелся от гордости и говорю: «Ну, вот что, кончится матч — я вас с ним познакомлю!»

Матч кончился, мы к раздевалке. Выходит Вася с ребятами. Еще люди подошли. Все вокруг веселые, смеются, потому что наши выиграли. Я вхожу в самую гущу этих людей и говорю: «Васенька, сыночек, поздравляю с победой!» Молчит. Я продираюсь ближе и говорю:

«Вася, ты что, не узнаешь меня?» Ноль внимания. «Вася, говорю, это я, твой папа!» Он взглянул на меня и удивляется: «Вы — мой папа?» — «Ну да!» — «Ошиблись, гражданин!» — «Как это ошибся? Ты посмотри как следует. Я твой папа!» — «Извините, говорит, первый раз вижу!» И отворачивается. Все вокруг ха-ха, мне стыдно перед дружками, хотел их познакомить — и такой конфуз. Кричу: «Граждане, клянусь, это мой сын!» Появляется милиционер. «Пройдете, говорит, гражданин и не бузите!» Я говорю: «Ничего я не бузю, вот мой паспорт!» А он и смотреть на него не хочет. «Пройдите, говорит, не то замету в отделение!» — «Но я его папа!» Смеется: «Вы что? У мастера спорта — такой отец? Пройдите, гражданин!» Ну? А Вася, не оглядываясь, ушел...

Очень я расстроился и решил пойти рассказать жене. И вот иду убитый горем на троллейбусную остановку, пропускаю три машины, подходит четвертая, за рулем — жена.

Поднимаюсь на переднюю площадку, говорю: «Здравствуй, Лизавета! — не слышит. Я громче: — Здравствуй, Лизавета!» Обращивается: «В чем дело, гражданин?» Я говорю: «Как это в чем дело? Это я!» Она: «Выйдите из вагона!» Я говорю: «Как выйдете! Это я — твой муж!» — «Кто?» — «Я!» — «Выйдите сейчас же из вагона!» Я говорю: «Лиза! Опомнись!», хочу к ней подойти, но из салона вываливаются пассажиры, а она, я вижу, достает милицейский свисток. Я делаю последнюю попытку. «Граждане, говорю, смотрите, что делается: жена не узнает собственного мужа!» А один ребенок спрашивает: «А кто ее муж, ты, что ли? — и смеется. И обращается к ней: — Ну что, ссадить этого самозванца?» Лиза, не обращиваясь, говорит: «Конечно!» Тогда этот ребенок берет меня под локотки и под смех и аплодисменты выносит из вагона. И еще, черт полосатый, говорит: «Ну, отец, здорово ты перебрал, если собственную жену узнать не можешь. Иди, говорит, домой, проспись!»

Верите, обиделся я до слез. Что делать? Решаю: ладно, пойду домой. Пришел. Звоню. Открывает Наташа — дочка моя. Спрашивает: «Вам кого?» Я говорю: «Да ты что? Наташа, это же я, твой папа!» —

«Первый раз вижу!» И захлопывает перед моим носом дверь.

Ну? Я как стоял, так и сел. Это что же творится? Не узнают! Родная дочь не узнает родного отца! И заплакал, как ребенок. Тут открывается дверь, и Наташа бросается мне на шею и тоже плачет: «Ой, папочка, ой, миленький, не плачь. Ты только не рассказывай ни Васе, ни маме, что я тебя узнала! Это мы договорились тебя не узнавать!»

И выяснилось, что вся моя семья, с целью моего перевоспитания, решила прибегнуть к крайней мере и объявить мне бойкот.

И что вы думаете, так на меня повлиял этот бойкот, что в данное время стал опять нормальным человеком: в свободное время сижу перед телевизором или хожу на репетиции самодеятельного оркестра. Человек я музыкальный и — пока арфа больна — ее заменяю. То есть не арфа, а арфистка. А выздоровеет — перейду на турецкие барабаны. А Сеньюков, у которого тоже музыкальный слух, играет на флейте.

КРИВАЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Федя Брюквин рыдал. Он бурно всхлипывал, сопел и тянул одну пронзительную ноту: «Ы-ы». Правда, с паузами. А в паузах из него выскакивала невнятная информация, которая после расшифровки выглядела примерно так:

Он с Петькой Калабушкиным стояли на углу и разговаривали, а к ним подошли трое здоровущих парней и потребовали с них по полтиннику, а они с Петькой Калабушкиным сказали, что денег у них нет, а трое парней сказали, что, если они денег не дадут, они их побьют, а они сказали, что денег все равно нет, и они их побили. А один парень, все его знают, он главный хулиган Жорка-мустанг, сказал, поскольку Федя — сын участкового, ему полагается в два раза больше, чем Петьке Калабушкину, и в два раза больше ему и дали; вот, даже из носу пошла кровь.

Всю эту информацию Федя выложил своим родителям, после чего начал тянуть ноту «Ы-ы» уже без пауз.

Мать Феи, Ольга Терентьевна, естественно, ахала, охала и всплескивала руками, однако в то же время оказывала ему первую медицинскую помощь, прикладывая к носу мокрое полотенце, а отец Феи — лейтенант Брюквин — молча курил, хмыкал и хмурился.

Успокоив Федю, Ольга Терентьевна повернулась к мужу:

— Ну, чего ты молчишь? Вся улица стонет от этих «мустангов», родного сына третий раз избивают, а ты покуриваешь.

Брюквин погасил сигарету и обратился к Феде:

— Когда они тебя обрабатывали — свидетели были?

— Петька был, — сказал Федя. — А потом, когда его перестали бить, убежал.

— А других свидетелей не было?

— Не знаю. Как они кончили меня бить, я тоже убежал, — сказал Федя и, шмыгая носом, отправился в ванную умываться.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал Брюквин жене, — свидетелей не было. Понятно?

— А без свидетелей бороться с хулиганами нельзя? — спросила Ольга Терентьевна. — Это же черт знает что получается: избивают родного сына, а ему свидетели нужны.

— А что делать? — уныло спросил Брюквин.

— Господи! — развела руками брюквинская жена. — Милиция не знает, что делать с хулиганами! Завести дело — вот что!

— Без свидетелей? Ты же знаешь, если нет свидетелей, то любой факт не факт!

— Слушай, Вася, вся улица — свидетели.

— Ну, допустим... А что дальше?

— Как это «что дальше»? Дадут им что положено, они и перестанут себе позволять.

— Дать — это проще всего, — покачал головой Брюквин. — Надо людей воспитывать. Для этого имеются и общественность, и дружинники. Они проведут разъяснительную работу, объяснят...

— Вася, родненький, им надо не объяснять. Их посадить надо! — категорически заявила Ольга Терентьевна.

— Зачем же сразу так круто? В каждом человеке, даже если он хулиган, надо и можно найти хорошее...

— Ага, значит, будете в этих хулиганах искать хорошее, — иронически подытожила Ольга Терентьевна.

— Не только. Будем на них влиять по разным линиям. Искать пути к их совести и сознательности, — с удовольствием произнес Брюквин, медленно прогуливаясь по комнате. — Должен прямо сказать, на фоне растущей во всем мире преступности, когда в нью-йоркском метро даже днем небезопасно, когда с наступлением темноты американцы не рискуют выходить на улицу, наша преступность — чепуха! Капля в море! Но тем не менее наша задача...

— Слушай, Вася, что ты мне заворачиваешь мозги сахарной бумагой и разговариваешь не как с женой, а как с населением? — обиделась Ольга Терентьевна.

— То есть как? — не понял Брюквин.

— А так... Думаешь, не знаю, почему вы этих хулиганов не трогаете? Из-за «процента снижения»!

— Какого «процента снижения»? — отводя глаза в сторону, спросил Брюквин.

— Васенька, я же все знаю. Если у вас по отделению процент преступности поднимется — вы грохнетесь со второго места на десятое — и прощай, премия!

— Ишь ты! Откуда тебе это все известно?

— Не у тебя одного есть жена, это раз. А второе: другие мужья делятся со своими женами.

Брюквин молча посмотрел на жену и вздохнул:

— Да, Оля, да, боремся за процент снижения преступности. И действительно, если на этих «мустангов» завести дело, зарегистрировать — нам придется не сладко. Их трое, так? Значит, хулиганство не индивидуальное, а групповое. У нас что ни месяц кривая преступности вниз идет, а регистрируем групповое — она тут же вверх подскочит.

Брюквин еще раз вздохнул и достал новую сигарету.

— Так что же делать? Терпеть, что ли?

— Зачем терпеть? Как я и говорил, будем перевоспитывать. Передадим этих «мустангов» общественности. Пусть она их и оседлывает.

— Ой, Вася-Вася,— сказала Ольга Терентьевна.— Слабо я верю в такое воспитание. Доиграетесь, чего доброго. Кривая, конечно, будет в порядке, но сегодня Федю побили, завтра тебя побьют.

Брюквин мужественно промолчал.

ЛИЧНАЯ ДВЕРЬ

Наконец мы въехали в наш новый кооперативный дом. Долго ждали, но дом, как сказал один поэт — член нашего кооператива — розовое чудо! Нет, серьезно — прекрасный дом! Очень хороший. Честное слово, вполне приличный дом. Не хуже других некооперативных.

И квартира нам попалась — чудо! Прекрасная квартира! Серьезно, вполне приличная квартира. Жить можно! Некоторое время даже без ремонта. Хотя кой-какие пустяки придется сделать сразу: отциклевать полы, покрасить потолки, поменять обои и кое-что сделать в ванной и местах, не столь отдаленных от нее.

А что необходимо сделать просто немедленно — это поменять входную дверь. Такая прекрасная дверь, хорошая, вполне приличная дверь — и вдруг, до безобразия, выпачкана варом. А вы знаете, что такое вар?

Вар — это такая черная пакость, на которую клеят линолеум или пластик. Потом они, правда, отклеиваются. Но содрать этот вар с двери ни зубами, ни любой химией невозможно. К двери он прикипает навечно. В этом я убедился лично.

Словом, задача номер один: поменять эту проклятую дверь. А в каждом доме, и не только кооперативном, есть дядя Вася, Павлик или, наоборот, Егор Иванович — специалист по всем стронтельным болезням, золотые руки.

Я к нему:

— Так и так, Егор Иванович, отец родной, друг любезный, выручай!

— И-да,— сказал отец родной, друг любезный,— это дело щепетливое...

— Ну, пожалуйста. Я очень прошу,— начал канючить я.— Я, естественно, отблагодарю...

— А что, в принципе можно,— согласился золотые руки.— Десятка, хозяин! А еще лучше: двенадцать рублей — и заменим дверь на новую.

Сами понимаете, когда человек въезжает в новый дом — он не торгуется. Он смело и без оглядки влезает в долги, но ведет себя как подвыпивший купец первой гильдии из произведений Мамина-Сибиряка.

— О чем речь? — говорю.— Давай, Егор Иванович, действуй.

— Мгновенно, хозяин! — сказал Егор Иванович и через десять минут появился с напарником и новой, незапятнанной дверью.

А еще через десять минут грязная дверь была снята с петель и на ее месте появилась новая. Егор Иванович и его бравый напарник схватили двенадцать рублей и, топая ногами, унесли старую.

Разумеется, я был счастлив...

Через час, когда я спускался по лестнице (лифт у нас еще не работал), я увидел на третьем этаже такое же безобразие, как у нас,— входная дверь была вымазана варом.

«Эх,— подумал я,— до чего же неаккуратно работают эти строители, черт бы их подрал! Еще один бедняга будет платить Егору Ивановичу».

А часа через полтора, когда я возвращался домой с двумя перегруженными авоськами и, тяжело дыша, всползал на свой девятый этаж, я увидел, что на третьем этаже появилась новая дверь.

— Понятно, Егор Иванович выручил,— усмехнулся я и продолжал свое восхождение.

Дополз до седьмого и вижу: такая же, измазанная варом, дверь.

Как же так? Сам помню: когда я выходил из дому, здесь была чистая дверь.

Тут меня нагнали Егор Иванович и его бравый напарник. С дверью.

— Куда это вы дверь несете, Егор Иванович?

— Да вот будем заменять,— со вздохом сказал золотые руки.

— Но тут же недавно была чистая дверь. Я сам помню.

— Что ты, хозяин? Не было! — отмахнулся Егор Иванович.

— Была! Честное слово! И вообще,— я пригляделся к грязной двери,— и вообще это моя дверь. Как она сюда попала?

— А кто ее знает как...— неопределенно сказал Егор Иванович.— Попала,— значит, есть. А заменим,— значит, не будет. Ты иди, иди, у тебя дела... И хозяйка ждет.

— А грязную куда? — ехидно спросил я.

— Куда надо, туда и определим,— твердо сказал Егор Иванович и отвернулся.

— А куда надо? — завелся я.

— Ты, хозяин, не встревай. У тебя свои дела, у нас — свои,— сказал мне напарник Егора Ивановича и, обдав меня сложным запахом «Столичной» и килек, доверительно объяснил: — Дверь эта не твоя, а Егора Ивановича. Личная дверь. Усёк?

— Усёк! — сказал я.

— Такой, понимаешь, бизнес! А ты — будь человеком и иди себе мимо!

И ловкие бизнесмены приступили к установке новой, личной двери Егора Ивановича.

ТЕМНАЯ ЛИЧНОСТЬ

— Вы даже представить себе не можете, кем я буду в ближайшее время! — воскликнул Толя Лошкарев, входя в квартиру.

— Кем? — почти хором спросили жена и теща.

— Негодяем! — гордо и радостно сообщил Толя.

Как ни странно, это сообщение его близких не испугало, не огорчило, а обрадовало.

— Ты доволен? — спросила жена.

— Еще бы! Давно мечтал.

— Очень рада за тебя и желаю успеха! — поздравила Толю теща и даже чмокнула в лоб.

Да, поздравила с тем, что он в ближайшее время будет негодяем! Дело в том, что Толя вернулся из театра, где сегодня состоялось распределение ролей в новой пьесе и ему досталась роль некоего Саврасова, роль хоть и небольшая, но яркая и острохарактерная, а Толя был актером современной школы, и такие устаревшие понятия, как сыграл роль, даже блеснул в роли, его оскорбляли. Он считал, что настоящий, современный актер должен не играть роли, а создавать образы, лепить характеры, жить жизнью своих героев. И Толя сколько ролей сыграл, столько жизней и прожил. Он старательно перенимал у своих героев не только их взгляды на жизнь, но и привычки, манеру речи и поведения в обществе, даже — смешно сказать! — болезни. Да-да, у одного из героев, жизнью которого в прошлом году жил Толя, был грипп. Этот герой — молодой, беззаветно преданный производству инженер — перенес болезнь на ногах. И вот, судя по всем данным, а главное — по насморку и высокой температуре, и Толя перенес грипп на ногах. По крайней мере, пока он играл эту роль — чихал, кашлял и даже мог заразить окружающих!

Сегодня Толе досталась роль Саврасова — довольно темной личности, негодяя, наглеца и блатмейстера, которые — увы! — еще встречаются в нашей действительности, и бедному Толе надлежало постичь глубины души этого субъекта, понять его мысли и поступки, чтобы на сцене не играть, а жить, существовать, быть Саврасовым!

Утром, до ухода в театр на репетицию, Толя отправился в молочную. Он хотел, как обычно, стать в очередь, но поселившийся в нем Саврасов этого не разрешил. Он заставил Толю нагло вмешаться в спор кассирши и покупателя, причем вошедший в образ Толя поддержал не оскорбленного покупателя, а сварливую ведьму кассиршу, которая в благодарность за его поддержку выбила Толе чек без очереди. Потом Толя отправился в булочную. Здесь, все более входя в образ Саврасова, Толя солгал покупателям, что он шофер машины «Неотложной помощи», двое суток работал без смены и со вчерашнего дня маковой росинки во рту не имел. Врал он до того вдох-

повенно и благородно, что очередь хотела купить ему хлеб за свой счет.

Словом, в обоих случаях Толя действовал, как Саврасов,— смело и нахально, в результате чего, за каких-нибудь пятнадцать минут полностью и весьма удачно отоварился...

Через неделю Толя до того вошел в образ Саврасова, что почти перестал быть Толей и легко добивался многого, о чем прежде и не мечтал. Скажем, телефон. Три года Толя ходил на телефонный узел, писал длинные, мотивированные заявления, подкрепляя их ходатайствами разных лиц и организаций, но эффект был равен нулю. А теперь Толя явился в приемную начальника узла, наговорил банальных и примитивных комплиментов его секретарше и подарил ей плитку шоколада, после чего беспрепятственно прошел в кабинет начальника узла, мужчины хмурого и необщительного. Однако Толя, вернее, поселившийся в нем Саврасов затеял с начальником непринужденную беседу об искусстве и пригласил в театр на очередную премьеру.

Сперва начальник отказывался, но Толя (он же Саврасов!) был так красноречив и убедителен, так обаятелен и скромен, что начальник смущенно взял контрамарку и пообещал прибыть в театр с супругой.

И что вы думаете: комплименты и плитка шоколада секретарше, беседа об искусстве и контрамарка начальнику узла сделали свое дело — и проблема телефона была решена.

О чем говорить: то, чего могут добиться ловкачи и пройдохи, честным людям не всегда доступно...

Неожиданные перемены в Толе очень удивили его жену и тещу. Еще недавно скромный и даже застенчивый, он стал самоуверенным нахалом и прохиндеем. Разумеется, это их огорчило, но вскоре они примирились с этими переменами в Толином характере, так как благодаря этим переменам произошли перемены и в их жизни. Толя, прежде работавший только в театре, начал что-то озвучивать в кино, выступал в концертах с какой-то полудикой бригадой, снимался на телевидении — и в доме появились деньги. И не только деньги, но и вещи, которые еще недавно были не только недоступны, но и недосыгаемы, вернее — недоставаемы. К примеру, у Толи по-

явилась болгарская дубленка, у его жены — замшевая куртка, а у тещи сверхмодные джинсы.

Словом, Толя, живущий жизнью некоего Саврасова, начал преуспевать и даже подумывал о «Жигулях».

И тут теща посоветовала Толе добиться у директора театра повышения зарплаты. Толя пытался возражать, но не дремавший в нем Саврасов поддержал тещу, совместными усилиями они одолели Толю, и он отправился в дирекцию театра.

Разговор с директором был довольно бурным, так как директор театра тоже был, как говорится, малый не промах, но все же он уступил Саврасову — и зарплата Толе была увеличена.

Казалось бы, ура! победа!.. Увы, нет! В следующей пьесе Толе, как артисту первой категории, доверили главную роль, роль молодого, талантливого и кристально честного изобретателя, а роль Саврасова, чтоб Толя мог спокойно работать, передали другому актеру.

Толя был горд и счастлив. Шутка ли — главная роль! Образ современника. И он начал создавать этот привлекательный образ, жить жизнью своего благородного героя.

И что вы думаете? Через каких-нибудь пять дней все саврасовское из Толи бесследно исчезло. Он снова стоял в очередях и ни о каких «Жигулях» и не думал. А от саврасовских времен остались только телефон, дубленка, замшевая куртка и джинсы, которые со скромным достоинством носила теща.

ПРЕКРАСНЫЙ ИШАК

Не сомневаюсь, что в будущем пережитки прошлого исчезнут. Если же и уцелеют в сознании некоторых граждан, то такие индивидуумы будут встречаться реже, чем лошади в метро. А пока, конечно к сожалению, такие субъекты еще существуют, и как бы ни скрывали свои недостатки, эти отрицательные достоинства рано или поздно выползают наружу и доставляют своим владельцам немало неприятностей.

Именно так и случилось с инженером Савостиковым, который поехал в Тбилиси в служебную командировку.

Инженер Савостиков был скуповат. Он знал об этом и часто даже старался казаться щедрее, чем требовалось для нормального человека. И вот, когда командировка уже подходила к концу, взыграл пережиток прошлого.

Савостиков, завершив все дела и подписав командировочное удостоверение, возвращался в гостиницу после сытного обеда у директора завода, который он ревизовал. Обед прошел в теплой, дружеской атмосфере, была выпита бутылка отличного коньяку, были съедены обжигающий язык харчо и дымящийся, пахучий шашлык. И Савостиков пребывал в том благодушном настроении, когда и жизнь хороша, и жить хорошо!

Путь в гостиницу лежал мимо рынка, и Савостиков решил купить виноград или дыню, которые хотел привезти в Москву. Но часы показывали семь, и рынок был уже закрыт. И тут какой-то давно не бритый человек, стоявший в тени у ворот рынка, коснулся рукава инженера и тихо сказал:

— Дорогой, купи ишака!

— Что? — не понял инженер.

— Говорю: купи ишака,— повторил человек и показал инженеру мышино-серого ослика, стоявшего рядом с ним и кротко опутившего ушастую голову.

Инженер улыбнулся:

— А зачем мне ишак?

— Как зачем? Почти даром! Пятнадцать рублей.

— Пятнадцать рублей? — заинтересовался инженер.

— В том-то и дело! Курица — десять, а этот красавец — пятнадцать! Опоздал, понимаешь, на базар, а деньги вот как нужны,— и человек ребром ладони провел по горлу.— Бери! Редкий случай!

— Гм! — задумался инженер, в результате чего дремавший в нем пережиток начал просыпаться.

— О чем думаешь, дорогой! Такой шанс бывает раз в жизни.

«Действительно,— подумал инженер,— такой шанс бывает раз в жизни!»

— А как его зовут? — спросил инженер, проникаясь самыми нежными чувствами к красавцу ишаку, который стоит всего в полтора раза дороже жалкой курицы.

— Ты хозяин, как хочешь, так и зови!

— Но он не будет реагировать!

— Почему не будет? Обязан! Ты — хозяин! Бери, дорогой, бери, пока я не передумал!

— Гм! — снова задумался инженер, в котором пережиток уже кричал во весь голос: «Редкий случай! Курица — десять! Бери!»

И Савостиков, не торгуясь, купил безымянного ишака, продавец которого, не считая, взял деньги и так скоропостижно исчез, словно растаял в воздухе.

Инженер и ишак остались с глазу на глаз.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, потом инженер взял веревку, висевшую на шее ишака, и сказал:

— Ну, братец, теперь ты мой! Пошли!

И братец покорно поплелся за инженером.

Сперва они шли по тротуару, что, естественно, вызвало недоумение пешеходов. Тогда Савостиков сошел на мостовую. Ишак, цокая копытцами, последовал за ним. Вдруг инженер увидел старика в тюбетейке, который у противоположного тротуара двигался навстречу Савостикову верхом на ишаке.

«Господи, как я раньше не догадался? Ишак — древнейший вид транспорта!» — подумал инженер и решил взобраться на ишака.

Это оказалось не так просто и удалось будущему всаднику с третьей попытки.

— Давай, голубчик, поехали, — весело сказал Савостиков, прижимая к груди отчаянно мешающий портфель.

Голубчик не спеша двинулся вперед.

Ишак был маленький, инженер — большой, и его ноги почти доставали до земли, но инженер счастливо улыбался и шептал:

— Прекрасно! Впервые в жизни еду на ишаке! Никто не поверит!

Прохожие останавливались и с интересом следили за инженером.

— Ненормальный, что ли? — предположил один.

— Да нет, пари какое-нибудь... — решил другой.

— Какое пари? Наверно, снимают кино! — решил третий, в голубом, видимо женском, берете.

Неожиданно ишак остановился и, вскинув длинные девичьи ресницы, кротко посмотрел на инженера.

Инженер попытался его пришпорить, но ишак не двигался.

— Что же ты стал, голубчик? — ласково спросил инженер и потрепал ишака по загривку.

Очевидно, подобное панибратство ишаку не понравилось, он взбрыкнул задними ногами, и Савостиков, в полном согласии с законами земного притяжения, грохнулся на землю.

Добрая сотня прохожих, стоявших на тротуаре, дружно рассмеялась.

— Факт, что кино! Не понимаю только, где аппарат! — настаивал на своей версии человек в берете.

— Наверно, скрытая камера, — сказала девушка в длинном, узком пиджаке и широких брючках.

Крайне смущенный инженер с трудом поднялся, подобрал портфель, очки и шляпу и, укоризненно посмотрев на ишака, решил продолжать путь пешком...

Наконец ишак и его владелец подошли к новой гостинице и остановились у большой стеклянной двери.

Группа иностранцев, которая в это время выходила из отеля, с любопытством смотрела на человека в европейском костюме и роговых очках, растерянно уговаривающего ишака, чтоб он его минуточку подождал.

В дверях появился гостиничный швейцар. Инженер бросился к нему.

— Товарищ! Дорогой! Не скажете ли, куда мне поставить ишака? До утра.

Швейцар пожал плечами:

— Автомобиль — знаю, мотоциклет — знаю, а ишака... — он снова пожал плечами.

Только теперь Савостиков понял, что дело плохо. Конечно, приобрести прекрасного ишака за пятнадцать рублей — большая удача, но что делать с этой удачей в чужом городе, да еще вечером, было абсолютно неясно. А утром? Не везти же ишака самолетом в Москву? И зачем ему в Москве ишак?

— Посоветуюсь с милиционером,— решил Савостиков и потянул ишака за собой.

Создав, как говорят в милиции, «аварийную обстановку» в четком автомобильном потоке, они остановились против бравого старшины в белоснежных перчатках.

— Слушаю вас,— вежливо козырнул старшина, и инженер, путаясь в придаточных предложениях, поведал блюстителю порядка историю приобретения ишака.

Старшина выслушал и сделал неожиданный вывод:

— Стало быть, купили краденого ишака?

— Как краденого? — испугался Савостиков.

— А какой же, извиняюсь, ишак... то есть дурак продаст ишака за пятнадцать рублей, если он не краденый? Пройдемте-ка, гражданин, в отделение!

— Как пройдемте-ка?..

— Вот так! Разберемся, что к чему. Подождите минуточку у тротуара.

Испуганный Савостиков и совершенно спокойный ишак остановились у тротуара. Ишак потянулся к журчащему у его ног арыку, но инженер дернул за веревку, видимо считая, что в данной ситуации ишак не имеет права напиться, а должен страдать так же, как и его хозяин.

Вскоре все трое — старшина, инженер и ишак — были в отделение.

Ишака привязали к дереву, а инженер и старшина вошли в комнату дежурного.

Следует заметить, что в отделение милиции владелец ишака попал впервые в жизни. Поэтому он был бледен, как молодой месяц.

Инженеру предложили сесть и дали воды. Он снова повторил свой печальный рассказ и описал приметы человека, у которого купил ишака.

Лейтенант милиции, смуглый красавец с тонкими, как ботиночные шнурки, усиками, задававший ему вопросы, вздохнул и достал сигарету. Закурил. И тут Савостикова осенило. Он мужественно улыбнулся и произнес:

— Товарищ лейтенант! Поскольку получилась такая

глупая петрушка, я добровольно жертвую данного ишака какому-нибудь детскому саду.

Безусловно, со стороны Савостикова это был благородный поступок. Согласитесь сами: отдать неизвестным детям прекрасного ишака, за которого уплачено пятнадцать рублей, способен не каждый!

Однако лейтенант не оценил бескорыстного порыва инженерской души и иронически улыбнулся:

— Детям краденого ишака?

— Н-да,— стушевался инженер.— Что же делать?

— Вот я и думаю, что делать? Ну с вами дело ясное: оштрафовать на двадцать пять рублей — и точка! А что делать с ишаком?

— Как оштрафовать? — вновь утратил вернувшийся к нему румянец инженер.— За что?

— За скупку краденого.

— Но я... Я ведь не знал. Я...

— Соображать надо, гражданин! Если человек продает за пятнадцать рублей то, что стоит значительно дороже, значит, не нужно жадничать, а нужно соображать. Вы — москвич?

— Да,— поспешно кивнул инженер.

— Ну? И вам не стыдно? Житель столицы нашей родины, которая борется за образцовый порядок, такое себе позволяете. Нехорошо, дорогой. Стыдно.

— Конечно... Безусловно... Я сознаю все это... — залепетал бедный инженер.

Старшина поглядел на инженера, покачал головой и сказал:

— А по линии ишака, товарищ лейтенант, надо искать хозяина.

— А как?.. — задумался лейтенант.— Стоп! Знаю: объявим по телевизору. А пока — поставьте ишака на нашу автостоянку и покормите. Животное не должно страдать...

— Ясно! — сказал старшина и хотел выйти.

Но Савостиков, который в продолжение этого диалога сидел опустив голову, резко выпрямился и встал.

— Товарищ лейтенант, умоляю вас,— почти фальцетом заговорил он.— Не надо штрафа! Я и так достаточно пострадал. Никогда, клянусь, никогда я не буду скупать краденых ишаков.

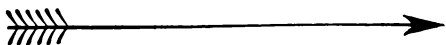
— И только? — белозубо улыбнулся лейтенант.

— Простите, я сказал глупости! — согласился инженер и после короткой паузы четко, как в акте о ревизии, сформулировал нормы своего дальнейшего поведения в жизни: — Я не буду покупать задешево то, что стоит значительно дороже, потому что не стану жадничать и буду соображать!..

Лейтенант с уважением взглянул на инженера:

— Вот это правильно! — И, как бы давая понять, что разговор закончен, погасил сигарету.





ОКАЗИЯ

Утром, когда я пришел на работу, черт меня дернул за язык и я сказал Сене Лаптеву:

— Если ты хочешь видеть счастливого человека — он перед тобой: послезавтра отбываю в Гагру! Отпуск оформлен, путевка и билет в кармане!

— Да-а...— вздохнул Сеня Лаптев.— Везет же некоторым! — Потом просиял и воскликнул: — Слушай, старик, ты знаешь, кто сейчас в Гагре? Моя сестра!

— Понимаю,— догадался я,— передать привет?

— Привет — это я и по телефону могу. Она бросает пятнадцать копеек в автомат — и говорим... Посылочку! Вот такую. Двести граммов.

— Двести?...— недоверчиво посмотрел я на Сеню.

— Ну, триста пятьдесят! Честное слово, меньше четырехсот! В Москве, понимаешь, красота, посылки доставляют на дом. А в других городах это дело еще не налажено...

— Значит, ты хочешь, чтоб я доставил на дом?

— Что ты! Разве я посмею так тебя обременять? Она встретит тебя на вокзале — и из рук в руки... Вся посылка весит фунт.

— Фунт?

— Ну, да, четыреста граммов.

— А что там? — небрежно поинтересовался я.

— Обыкновенная женская ерунда: крем для загара, растворимый кофе и босоножки. А что весят босоножки, если спереди ничего, сзади ничего, а каблука вовсе нет? Да и пластинки... Лещенко, Кобзон, Эдита Пьеха...

Штучки три-четыре. От силы пять. Ей, бедняжке, так скучно!.. А тут такая чудесная оказия! Да, и этот, как его? Термос! Кто же посылает растворимый кофе без термоса? Договорились?

— Договорились,— печально сказал я. А потом подумал и добавил: — Конечно, договорились. С радостью... Но видишь ли, я еду не прямо в Гагру. До Гагры я на денек заскочу в Одессу.

— В Одессу?

— Ну да. У меня там пересадка с поезда на пароход, так что сам понимаешь,— со вздохом объяснил я.

Однако Сеня, который меня явно не слушал, вдруг снова просиял:

— Слушай, а кто в Одессе — знаешь? Ольга Ивановна!

— Кто?

— Моя тетя, Ольга Ивановна. Я уже второй год ищу оказию. Понимаешь, у нее радикулит.

— И что же? — замирая спросил я.

— Еще год назад она просила купить ей лечебное белье. Купил. И в результате — белье лежит, а тетя мучится. Ты, главное, не волнуйся, она тебя встретит и будет благодарна по гроб жизни!

Короче, через десять минут Сеня меня обозвал эгоистом и свиньей и отошел от моего стола.

И началось!

Через пять минут ко мне подошел наш главный, личность весьма уважаемая, которой, сами понимаете, не откажешь, и попросил о сущем пустяке: передать в Одессе его младшему брату свадебный подарок — чайный сервиз на двенадцать персон. Но предупредил, что брат бывает дома только поздно вечером и живет на шестом этаже. А сервиз — это посуда, требующая осторожного обращения.

Секретарша нашего директора просила передать одному знакомому письмо, тридцать пачек сигарет с фильтром, электробритву «Киев», которую можно купить только в Москве, и томик стихов Вознесенского, который вообще невозможно купить и где кое-что подчеркнуто...

Последним ко мне обратился Саша Конников.

— Ты знаешь, кто в Одессе? — улыбаясь спросил Саша.

— Тетя... — сказал я убитым голосом.

— Нет, дядя! Работает в цирке. Человек знаменитый на весь мир. Дрессировщик. Ты же его знаешь...

— Ну?

— На днях ему на квартиру доставили тигренка.

— И ты хочешь...— ужаснулся я.

— Чудак человек! Не тигр, а тигренок! Сидит в клетке и почти не кусается. Будешь его три раза в день кормить сырым мясом и раз в день убирать клетку. Ей-богу, только получишь удовольствие. А деньги на мясо я тебе дам.

...Что было дальше — я помню смутно. Говорят, что я вскочил на стол и заорал дурным голосом:

— Сервиз! Электробритва! Вознесенский! Деньги на мясо! Хватит! Вот вам мой билет, вот вам сто рублей на дорогу — и раздайте все эти пустяки вашим родственникам и знакомым сами! Поняли?! И сами питайтесь сырым мясом! Получите массу удовольствия!..

...На днях меня выписали. Нет, не из санатория. Из другого медицинского учреждения. А в санаторий я поеду через неделю. На юг. В этот... в... впрочем, дудки! Куда — это военная тайна!

ЮЖНАЯ ТЕТЯ

Города очень похожи на людей. Есть веселые и скучные, есть старые и совсем юнцы, есть добрые и не очень добрые. Некоторые имеют ярко выраженную профессию: города-шахтеры, моряки, металлурги, химики, железнодорожники...

Если с подобной классификацией подходить к Сочи, то Сочи — веселый и беззаботный отдыхающий в светлом костюме, в петлицу которого воткнута роскошная магнолия. У ног отдыхающего плещется ленивое, доброе море с белоснежными теплоходами, верткими глиссерами и излишне музыкальными катерами — на них с утра до ночи грохочут неистовые радиолы.

У отдыхающего отличное настроение и могучий аппетит. И не удивительно: вокруг звонкое лето, немыслимая субтропическая растительность и дразнящие запахи моря, шашлыков и цитрусовых.

Хороший город Сочи!

Нет, я вовсе не хочу сказать, что этот город — лодырь и бездельник! Что вы! Он веселый и гостеприимный, и быть этому городу таким помогает большая и дружная бригада местных жителей — скромных и деятельных работников и специалистов своего сложного курортного дела.

И была в этой бригаде Лидия Николаевна Копылова, сестра-хозяйка одного из санаториев, которую молодые официантки и горничные, да и не только молодые, называли тетя Лида.

Было тете Лиде пятьдесят три года. Нехороший это возраст. Непонятный. Часто, когда тетя Лида надевала красное в белых горохах платье, белые бусы и белые босоножки, а ее смуглые открытые руки и стройные ноги матово блестели кофейным загаром, ее называли тетей только дети. А стоило из-за чего-нибудь поволноваться или плохо выспаться — и по лицу торопливо разбегались печальные морщинки...

А если еще учесть, что тетя Лида одинока, да забот и работы у сестры-хозяйки по горло, то, право же, ей не так уж прекрасно жилось в прекрасном городе Сочи. Вот поэтому-то ей всегда и было немножко обидно, что жизнь со всеми ее радостями и даже огорчениями проходит мимо окна маленькой и уютной комнаты, в которой она жила.

Да и вся ее жизнь сложилась трудно. В семнадцать лет она готовилась к поступлению в мединститут.

Но грянула война.

Лида уехала на фронт.

Была медсестрой.

Там встретила Юрия. Широкоплечий, синеглазый летчик сразу влюбился в строгую и подтянутую медсестру.

А потом было семь дней незабываемого и неповторимого счастья. Семь дней после того дня, когда во фронтовой землянке они сыграли нехитрую свадьбу, пили из фляг обжигающую водку, с ножа ели консервы и пели фронтовые песни.

А на восьмой день Юрий погиб...

И все! Семь счастливых дней за всю жизни!

Не так уж щедра была судьба к Лиде!..

Нет, Лида нравилась многим. Сперва Лида, потом

Лидия Николаевна, теперь тетя Лида, но ни один из тех, кто пытался за ней ухаживать, не мог сравниться с погибшим Юрием.

Проходили годы, шла жизнь, и тетя Лида была по-прежнему одинока.

Но в мае, в цветущем сочинском мае, она оживлялась и в ее жизни, кроме работы, появлялся новый интерес.

Дело в том, что летом Сочи притягивает людей сильнее любого магнита — и тетя Лида получала многочисленные письма, телеграммы и открытки от своих родственников, знакомых и даже малознакомых людей. Тетя Лида им казалась всесильной и могущественной, чуть ли не хозяйкой города-курорта, и все они просили ее о помощи.

«...Снимите комнату по вашему вкусу, но недалеко от моря и по возможности недорого...»

«...комнату с террасой у самого пляжа...»

«...талоны на маестинские ванны...»

«...билет на теплоход «Шота Руставели»...»

«...трехразовое диетическое питание...»

И тетя Лида охотно помогала. Бегала, договаривалась, рьяно торговалась, вносила вперед собственные деньги и писала ответы жаждущим жить на террасе у самого пляжа.

Не всегда обходилось без неприятностей: кто-то был недоволен комнатой, кто-то забывал вернуть израсходованные ею деньги, но тетя Лида не жаловалась и прощала людям их капризы, забывчивость и сложные характеры.

А в большинстве случаев загорелые «клиенты», как шутливо их называла тетя Лида, нежно прощались с нею и громкими, окрепшими на морском воздухе голосами приглашали ее в гости в Москву, Ленинград, Калугу и даже Петропавловск-на-Камчатке.

И в ноябре прошлого года тетя Лида собралась в Москву. В Сочи было холодно и неуютно, море катило серые, грязные волны, тучи цеплялись за острые пики кипарисов и сеяли в полном соответствии со сводкой бюро прогнозов унылый дождик; у тети Лиды был отпуск, и она, аккуратно переписав в новую книжечку адреса и телефоны своих друзей, поехала в столицу. Сослуживцы ей завидовали. Шутка ли, столько знакомых и друзей в Москве, они ее так звали в гости, значит, примут по-коро-

левски, приласкают, поведут в театры и музеи. Да! Нужно, нужно помогать людям! Ты им помог в трудную минуту, и они тебе сделают добро...

И вот тетя Лида в столице.

Не без труда она устроилась в гостинице (писем о помощи она никому не писала. Зачем беспокоить? И неудобно. Получится, будто требую расплаты за то, что помогла в Сочи. И так не пропаду!) ...устроилась в гостинице, приняла с дороги душ, села за телефон и набрала номер Синицыных.

Синицын — молодой член-корреспондент Академии наук, который месяц назад покинул побережье Кавказа и до сих пор сохранял приятный шоколадный оттенок кожи и почти бесцветные брови, — снял телефонную трубку и рассеянно сказал:

— Да, да. Кто? Какая Лидия Николаевна? Ах, Лидия Николаевна! Да-да-да-да! Очень рад. Очень, очень, очень... Конечно, конечно! Прекрасно! Я сейчас позову жену.

Он прикрыл трубку рукой и зашипел драматическим шепотом:

— Ирочка, иди сюда. Тебя просит тетя Лида.

— Кто? — спросила рыхлая, ленивая Ирочка.

— Тетя Лида.

— Какая тетя Лида?

— Ну, тетя Лида!..

— Ты думаешь, если ты сказал «ну», я тут же догадалась?

— Тетя Лида. Из Сочи. Понимаешь?

— Ах, из Сочи? А что она хочет?

— Как «что она хочет»? Она приехала в Москву и, наверно, хочет прийти в гости.

— А хотим ли мы?

— Что ты болтаешь, Ира? Мы ведь ее приглашали, она нам так помогла, будучи в общем малознакомой и чуть ли не посторонней женщиной...

— Ну вот, сам говоришь — посторонняя женщина и... — начала Ирочка.

Но член-корреспондент, не выпуская из рук трубку, схватился за голову и завизжал драматическим шепотом:

— Что ты болтаешь?! Возьми трубку и будь поласковее, слышишь?

Ирочка посмотрела на мужа холодными рыбьими глазами и сказала:

— Надеюсь, ее можно пригласить не обязательно сегодня.

— А что?

— Сегодня у нас профессор Хворостов и Катя Дроянникова.

— Не знаю, как хочешь! — сказал Синицын и с радостью передал трубку жене. В данном случае это была не столько трубка, сколько ответственность за все дальнейшее...

Взяв трубку, Ирочка заулыбалась и завершала, как утренняя птичка. Весь этот птичий треск, чириканье и верещанье окончились тем, что она условилась с тетей Лидой в ближайшие же дни созвониться («Только обязательно! Умоляю вас!») и повидаться («Непременно! Во что бы то ни стало!»).

Тетя Лида повесила трубку и вздохнула. Наивная и добрая тетя Лида, признаться, ждала не совсем такой встречи. Но что делать? Созвонимся. Повидаемся. Москва все-таки не Сочи. Люди заняты. Дела.

И она позвонила своему двоюродному брату, который с женой и двумя детьми жил десять дней в ее комнате, а потом, заняв тридцатку на дорогу, отбыл в ту же Москву.

Двоюродный брат собирался в туристскую поездку в Италию, поэтому ни о чем, кроме Италии, говорить не мог. Поэтому он извинился, что задержал возвращение долга, и пообещал вернуть его с благодарностью, как только вернется из Италии. После этого он пообещал в будущем году снова приехать в Сочи, и, так как сегодня у них в клубе был устный журнал, на котором выступали туристы, вернувшиеся из Чехословакии, он очень спешил на этот вечер и просил тетю Лиду через денек-другой их провести. Где она живет и как — спросить он не успел: он собирался в Италию. Шутка ли! Четыре дня в Риме, два в Неаполе, сутки в Венеции. На все учреждение было всего три путевки — и он... Конца его увлекательного рассказа тетя Лида не слышала, так как телефон выключился на полупразе. Тетя Лида вздохнула и позвонила Степанчиковым.

Артур Никодимыч Степанчиков был кинорежиссером, сейчас заканчивал съемки своего очередного шедевра и

поэтому находился в состоянии некоторой истерической невменяемости. Все человечество делилось для него на две части: одна с нетерпением ждала выхода его фильма на экран, другая — делала все возможное, чтоб выход фильма не состоялся. И Степанчиков мужественно, как гладиатор, отстаивал интересы той части человечества, которая фильм ждала.

Зазвонил телефон. Степанчиков вздрогнул, снял трубку и каркнул:

— Да! Ну, я! Какая Лидия Николаевна? Сочинская? Простите, впервые слышу такую фамилию. Ах, из Сочи? Лидия Николаевна?..

Артур Никодимыч бурно изобразил радость узнавания, но мучительно думал: «Какая Лидия Николаевна? Такая блондиночка? Нет, та блондиночка — Ксения! А может, эта, в синем купальнике?..»

И пока в его черепной коробке толкались имена и женские лица, его язык чисто автоматически и очень бодро болтал о погоде в Сочи, своих творческих планах и непорядках на киностудии. Толком не разобравшись, кто с ним говорит, он сперва попытался назначить этой знакомой незнакомке свидание, но она к его предложению отнеслась суше, чем он думал, и, видимо, не особенно жаждала сниматься. Растерявшись от столь неожиданного оборота дела, он закончил разговор любезным приглашением звонить и не забывать старых друзей.

«Кто же это такая? — мучительно думал он, повесив трубку. — Странно... У меня ведь отличная память. Да бог с ней! Не до нее!»

Следует заметить, что Артур Никодимыч женщин побаивался и не доверял их отношению к себе, считая, что оно не может быть бескорыстным.

И следует еще заметить, что у женщин тоже имелись основания не доверять щедрому на обещания представителю кинематографии.

А тетя Лида позвонила еще по нескольким телефонам.

Супруги Митякины, люди дородные и массивные, с величайшим трудом потерявшие в Сочи девять килограммов розового человеческого жира на двоих, отдыхали после обеда, видимо восполняя эту нелегкую потерю. Домработнице было дано строгое указание их не

будить, и звонок тети Лиды к Митякиным никаких результатов не дал.

Верочка Нечаева очень обрадовалась звонку тети Лиды, а потом неожиданно разрыдалась. Дело в том, что она в Сочи познакомилась с одним негодяем и, возможно, если б не эта встреча, вся ее жизнь сложилась бы по-другому. Но сделанного не поправишь, жизнь продолжается и диктует свое, вот она сейчас спешит на свидание к Большому театру (вторая колонна слева!) и будет очень рада, если тетя Лида позвонит ей на той неделе. Человек, который ее ждет,— удивительный человек!..

Остальные звонки дали примерно такие же результаты.

Москва не Сочи. У всех были дела, заботы, хлопоты, и никому не было ни малейшего дела до приезжей тети Лиды. Увеселительная поездка явно не удалась.

И тогда тетя Лида вспомнила о своем двоюродном племяннике Мите Круглове. Странный парень был этот Митя. Сколько раз тетя Лида приглашала его в Сочи, но он был альпинистом и считал настоящим летним отдыхом каторжный труд на снежных вершинах, а не ленивое поджаривание на южном солнце.

И вот Митя по-настоящему обрадовался приезжей тетке. Через час он прибыл к ней на огненно-красном мотоцикле, нахлобучил ей на голову белый, сияющий на солнце шлем и повез на экскурсию по Москве. Поначалу растерянная тетя Лида, кроме широкой Митиной спины, в которую вцепилась побелевшими руками, ничего не видела, но потом постепенно стала привыкать и даже задавала всевозможные вопросы дрожащим и от страха и от тряски голосом.

А вечером пошли в цирк, шумно аплодировали клоунам и воздушным гимнастам, смелость которых особенно импонировала альпинисту Мите.

К счастью, у Мити были два дня отгула по работе, и они побывали и в Третьяковской галерее, и в зоопарке, и даже в Театре на Таганке, где у Мити были знакомые альпинисты, ибо в этот театр труднее попасть, чем на горную вершину средней трудности.

Разумеется, тетя Лида не оставила без внимания торговые предприятия Москвы, произвела почти все не-

обходимые покупки и выполнила добрую дюжину заказов и поручений соседей и сослуживцев.

Своим сочинским «клиентам» тетя Лида больше не звонила, и, право же, это их не очень огорчило.

Москва — не Сочи! У каждого свои дела и заботы.

ПОТОМОК ДОН ЖУАНА

Закат. К линии горизонта, четко отделяющей яркосинее небо от светло-голубого моря, приближается знойное, золотисто-малиновое солнце. Такого цвета бывает расплавленный, начинающий остывать металл.

Впрочем, поскольку каждый из прочитавших эти фразы представит себе и небо, и море, и солнце, и горизонт не такими, какими они видятся мне, я не буду вам навязывать ни своих сравнений, ни своего видения. У каждого из вас имеется прекрасное воображение, пожалуйста, воспользуйтесь им и представьте себе сами.

Итак, представляйте:

Закат. Набережная. Море, спокойное, как (сами, сами представьте как!)... изредка плеснет о берег неторопливой волной. Скамья (зеленая, серая, желтая — какая хотите!). На ней сидит красивая, молодая женщина. Она (опять же сами представьте какая) блондинка, брюнетка или шатенка; волосы длинные или короткие; глаза синие, карие или зеленые. Можно серые или черные. На ней, опять на ваш выбор, пестрая кофточка и брючки, платье в цветочек или полосатая тельняшка и макси-юбка. Представили? Прекрасно.

На набережной появился мужчина лет тридцати. Описывать его не буду, так как у вас уже есть опыт и вы это сделаете не хуже меня.

Мужчина не спеша прошел мимо скамьи, взглянул на сидящую на ней женщину, прошел еще раз, затем ленивой, утомленной походкой приблизился к скамье и сел рядом с женщиной. Вдохнул, помолчал и неожиданно сказал, кося глазом в ее сторону:

— Удивительная вещь кино! Сидишь в зале, а на экране бог знает что происходит. Пуск новой домны, уборка урожая, кто-то рождает пятерых, и автомобильные

гонки. Потом художественный фильм. Любовь, чувства и жгучие проблемы современности... Великая вещь кино, правда?

Он повернулся к женщине, ожидая ее ответа, но она, глядя на далекий, представленный вами, закат, молчит. Пауза. Он оглядывается, потом лениво смотрит вверх в синее безоблачное небо.

— Да-а... Небо. Космос. Звезды, планеты и прочее. Иной раз сидишь и удивляешься: человек в космосе себя чувствует как дома. Каждый год запускаются эти... межконтиненты... то есть межконтиненталь... Даже не выговоришь. А вы можете выговорить? — спрашивает он у своей соседки по скамье.

Она по-прежнему молчит, но это его не смущает.

— Вот видите, тоже не можете! Нам с вами выговорить трудно, а наши космонавты давным-давно летают. А с ними и поляк летал, и болгарин... Верно?

Упорное молчание молодой женщины не смутило мужчину. Даже наоборот. Поэтому он доверительно ей сообщил:

— А вчера я был на концерте. Пела эта... как ее? Ну, московская певица, которая поет на мексиканском языке? Ну, как ее? Неужели не помните?

И новая пауза в разговоре не смутила его.

— Да-да... А погода, а? Бывает же. Вот сидим. Тепло, сухо, юг. А где-то в Сибири в это время снег, пурга, осадки... Тут — плюс двадцать три, там — минус восемь. Фантастика! Вы скажете: природа! А я вам отвечу: природа — она тоже, между прочим, но в общем и целом не без того... Вы скажете... — он повернулся к своей соседке: — Что?

Но соседка по-прежнему молчала. Тогда он указал пальцем в море и спросил:

— Скажите, пожалуйста, что это там такое? Пароход или катер?

— Катер, — сказала она, впервые повернув голову и неприязненно поглядев на него.

— Абсолютно правильно! — обрадовался он. — Правильно! Молодец! Впервые встречаю женщину, которая совершенно точно определила, что она видит! — ликовал мужчина.

А женщина впервые посмотрела на него и неожиданно спросила:

— Скажите, вы женаты?

— Что? — растерялся он.

— Я спрашиваю: вы женаты?

— Кто?

— Вы.

— Я? — Он усмехнулся. — Нет, конечно. Хм. Один, знаете, как перст. — Он, по-прежнему усмехаясь, развел руками: — Так сказать, еще не нашел свое счастье...

— Не нашли?

— Именно. А почему? Живешь, понимаете ли, весь погружаешься в работу и работаешь, как говорится, на износ. Вот так. Разве есть время для организации семейного счастья?

Она иронически посмотрела на бедного, работающего на износ мужчину и сказала, укоризненно покачав головой:

— И вам не стыдно? Я ведь приятельница вашей жены. Не так давно была у вас дома. Она нас и познакомила.

— Что-о?! — крайне удивился мужчина. — Вы? У нас? Да-а, да-да, конечно, помню, — обрадовался он. — Я ведь только поэтому, хе-хе, и осмелился с вами заговорить. Разве я бы с незнакомой заговорил? Упаси бог! Нет, я вас сразу узнал, но боялся, а вдруг вы меня не узнаете. Какой бы у меня тогда был вид, а?

— Значит, помните? — спросила она, глядя ему в глаза.

— Еще бы! Как же!

— А как ваши дети?

— Дети? — На долю секунды он замялся. — Дети ничего. Живут-поживают. Кто учится, кто, наоборот, отстаёт. Ну, конечно, их воспитываешь, не щадя здоровья. — Он снова посмотрел на свою соседку: — Да-а... Нет, я вас сразу узнал.

— Сразу?

— Конечно. Иду — знакомое лицо. Жена познакомилась...

И тут она встала со скамьи и, глядя на него не только сверху, но и свысока, произнесла:

— Так вот, дорогой товарищ, я не знаю ни вашей жены, ни ваших детей и вас вижу впервые в жизни.

— Позвольте, но... — вскочил он со скамьи.

— Меня возмущает не то, что вы заговариваете с не-

знакомой женщиной. Это на курортах почему-то принято. Меня возмущает, что вы бог знает что болтаете, врете... Почему, уехав на месяц от жены, вы, вместо того чтобы отдохнуть и полечиться, бегаєте, задрав хвост, гарцуете, что-то журчите у меня под ухом, скрываете, что женаты, и хотите обязательно завести недолгую курортную интрижку! — Она смерила его злым, уничтожающим взглядом и, добавив: — Потомок Дон Жуана! — резко повернулась и ушла по шуршащему гравию.

Он секунду смотрел ей вслед и наконец произнес:

— Подумаешь, потомок Дон Жуана! Сама кокетка!

СОЛНЕЧНЫЙ БЕРЕГ

— Честь и слава нашему родному «Интуристу»! Это он, голубчик, помогает нам совершать интересные и увлекательные путешествия, которые расширяют кругозор!

Именно эти слова скажет в конце рассказа инженер Щеглов. И вот почему.

Зимой, проходя мимо заводской доски объявлений, он прочитал, что открыта запись желающих совершить туристические поездки в зарубежные страны. Далее следовал список этих стран, срок пребывания и стоимость путевок. Его приглашали в Австрию и Швецию, Францию и Италию, Швейцарию, Финляндию, Мексику и страны социалистического содружества. Словом, чуть ли не весь мир приглашал Щеглова в гости. Как говорится: милости просим, ждем с нетерпением!

Николай Иванович переписал все эти сведения и вечером сообщил жене.

— Конечно, во Францию, — обрадовалась жена. — Париж! Эйфелева башня! Елисейские поля!

Муж с ее мнением согласился, но заметил, что во Францию захотят поехать многие и две путевки ему вряд ли дадут. Кроме того, Францию они не подымут материально.

— Тогда в Италию, — решила жена и перечислила: — Рим! Колизей! Ватикан!

— А зачем тебе Ватикан? — поинтересовался Щеглов.

— Тогда в Швейцарию,— сказала жена и задумалась, так как, кроме Женевского озера, ничего перечислить не смогла.

— А я бы ориентировался на Болгарию,— сказал муж.— София, Варна, лучшие в мире курорты! Путевок больше, чем во Францию! Желающих меньше. Я — за Болгарию!

На том и порешили. Подали заявление и начали готовиться к путешествию так тщательно и продуманно, как великие первооткрыватели к штурму белых пятен на карте Вселенной. Читали специальную литературу и выслушивали советы бывалых путешественников. Один высококвалифицированный турист со стажем порекомендовал:

— Прежде всего, купите большой зонтик.

— Большой зонтик? — удивились начинающие туристы.

— Конечно! Будете две недели на Солнечном берегу, а там солнце чуть не круглые сутки. Второе: возьмите сувениры.

— Зачем?

— Ну как же?.. С кем-нибудь познакомитесь, завяжутся дружеские контакты...

— А какие сувениры?

— Матрешки! Русские матрешки пользуются таким же успехом, как наша «Березка». Потом водку. Лучшего сувенира, чем русская водка, не существует. Потом икру...

— Легко сказать — икру,— вздохнула жена Щеглова.

— Н-да,— согласился бывалый турист.— Тогда еще водку. Или армянский коньяк три звездочки...

Щегловы молча переглянулись. Бывалый турист понял их взгляды:

— Тогда — еще водку. Сухую колбасу и печенье...

— Зачем? Мы же на всем готовом?

— Не знаю, но с сухой колбасой я бы чувствовал себя увереннее... В ресторане очередь, переучет или обеденный перерыв, а у вас своя колбаса. Понятно?..

Словом, Щегловы купили большой пляжный зонтик, водку (и еще водку!) и колбасу, после чего отбыли в Болгарию. Двое суток в поезде — и вот он, Софийский вокзал.

Туристы вышли на перрон. Их встретили гид и несколько носильщиков с багажными тележками. Гид заулыбался, сказал полагающиеся слова, носильщики погрузили на тележки чемоданы, и через пять минут отважные путешественники уже сидели в такси. Еще через десять минут они прибыли в отель, где им тут же вручили ключи от номеров, а бравые лифтеры с золотыми пуговицами подхватили их чемоданы и проводили постояльцев к их комнатам.

Все это делалось ловко, быстро, весело, и Щеглов поглядывал на жену так, словно все это было его личной заслугой.

Номер Щегловым понравился: чистый, уютный, с душем.

— Петя, а нас не выселят? — тихо спросила жена, раскладывая вещи.

— Чего вдруг?

— Помнишь, ты рассказывал о поездке в Одессу...

— А-а,— усмехнулся Щеглов и вспомнил: год назад он поехал в командировку в Одессу. Получил номер в гостинице и вечером отправился в знаменитую одесскую оперетту. Вернувшись из театра, он увидел свой чемодан в вестибюле.

— Напрасно удивляетесь... Освободили для иностранных туристов,— объяснил администратор и так посмотрел на Щеглова, словно он совершил преступление, будучи не иностранным туристом, а советским гражданином.

— Что же мне делать? — понимая свою вину, спросил Щеглов.

— Не терять надежды! Если что-нибудь освободится — я вас устрою,— пообещал администратор.

— Так я пойду в ресторан...

— В ресторан нельзя. Сегодня он обслуживает только интуристов!..

А командировка в Ташкент? Восемь часов он кланчил номер у мрачной усатой дамы и мыкался на жестком вестибюльном диване, а потом, когда интуристы уехали, подписал обязательство... освободить номер по первому требованию...

— Думаешь, не выселят? — переспросила жена.

И тут Щеглова осенило: теперь, как говорится, праздник на их улице — в Болгарии они и есть интуристы!

— Нет, Галочка. Это своих выселяют. А мы — интуристы! — с гордостью сообщил Щеглов жене.

Да, интуристы! И весь этот сервис, вежливость и предупредительность им полагаются! И выселять будут не их, а...

В первую минуту Щеглову даже стало приятно, но потом, будучи человеком добрым, он огорчился за бедных болгар. Получается, что из-за него милые, гостеприимные болгары будут мыкаться на вестибюльных диванах и мечтать об его отъезде...

Но удивительные вещи продолжались: в соседнем номере жил болгарин, и, даже когда прибыла большая группа интуристов из Венгрии, никто его чемоданов в коридор не выставлял. И на следующий день еще прибыли туристы из ФРГ, а болгарин продолжал жить в своем номере как ни в чем не бывало!

«Что же это происходит? — думал Щеглов. — Приезжают интуристы, а своих не выселяют... Странные порядки!..»

Однако времени больше размышлять на эту тему у Щеглова не было: за два дня иностранные туристы из Советского Союза осмотрели Софию и вылетели на Солнечный берег. И вот оно — море, ослепительное солнце, многочисленные отели, десятки ресторанов и кафе. И пляж! Но какой! Пять километров мелкозернистого золотого песка. И зонтики. Сотни! Нет, тысячи! Яркие, пестрые, нарядные, метра по два в диаметре...

Супруги Щегловы переглянулись. Одна и та же мысль возникла у обоих: на Солнечный берег можно было приехать и без зонтика. Странно, но болгары как-то решили и эту проблему.

Через несколько дней Щегловы акклиматизировались и чувствовали себя превосходно. Они купались, загорали и вступали в дружеские контакты с другими иностранными туристами. Щедрая жестикуляция и громкое выкрикивание русских слов с акцентом гарантировали полное взаимопонимание без знания иностранных языков.

Выяснились еще некоторые вещи: русские матрешки запросто продавались в киосках, что сильно снижало их сувенирную ценность. И русская водка не была особой редкостью. Очередей в ресторанах почему-то не было, обеденных перерывов тоже, а переучет, очевидно, производился осенью, когда кончался туристский сезон...

Но время быстро перелистывало листки календаря, и настал тот радостно-грустный день, когда тело еще в отъезде, а душа уже дома. Щегловы бросили две двадцатикопеечные монеты в Черное море (чтобы снова приехать в этот благословенный край!), лифтеры с золотыми пуговицами погрузили их в машину, и через двое суток иностранные туристы вернулись на родину.

И дома, встречая друзей и знакомых, Щеглов произносит ту самую фразу, которой начинался этот рассказ:

— Честь и слава нашему родному Интуристу! Это он, голубчик, помогает нам совершать интересные и увлекательные путешествия, которые расширяют кругозор!

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

Говорят: кто как Новый год встретит, таким этот год для него и будет. Так вот, прошлый год я встретила... Впрочем, расскажу по порядку.

Я — студентка, будущий педагог. Мои друзья — тоже студенты. Недели за две до Нового года мы, двадцать два будущих педагога, решили встретить наступающий год вместе. Где? Конечно, у меня. У нас четырехкомнатная квартира, мой отец — он профессор — вместе с матерью — она врач — находятся в республике Ангола, а мой брат Павлик — в армии. И вот мы, двадцать два будущих воспитателя подрастающего поколения, выбрали штаб этого радостного мероприятия, провели складчину, распределили обязанности, закупили продукты и полным ходом готовились к встрече наступающего.

Тридцать первого декабря в пять часов дня подготовка достигла апогея. Мы — четыре девушки — готовили праздничный ужин, а трое ребят украшали квартиру и оформляли специальный номер стенгазеты «Поднимем бокалы!»

И если из столовой, где трудились ребята, доносились веселые восклицания и хохот, то у нас на кухне царили тишина и уныние. Все знают, утка с яблоками — прекрасная еда. Но как эту утку (будь она трижды неладна!) сделать прекрасной едой, известно немногим. А мы

купили четырех уток (из расчета одна на пять с половиной человек)! Разумеется, у нас была знаменитая «Книга о вкусной и здоровой пище», и там все было очень красиво описано, но, по-моему, нигде такого разрыва между теорией и практикой, как в приготовлении пищи, не существует. Мало того, наши утки оказались какие-то... не поддающиеся ни ножу, ни топору. Создавалось такое впечатление, что их заморозили в ледниковый период, когда погибли мамонты и динозавры.

И вот стоим, соображаем, что делать, одна уже заплакала, и тут раздается звонок. Я бегу в переднюю, открываю: военный. В шинели и серой ушанке. И глаза светло-серые.

— Простите,— говорит,— за беспокойство, тут живет Елена Одинцова?

— Да,— говорю,— это я.— И сразу же догадалась: — Ой, вы от Павлика, да?

— Точно! Павел просил передать вам письмо, личный привет и небольшой новогодний сувенир.— И он протягивает мне небольшой сверток.

— Спасибо,— говорю.— Входите, пожалуйста.

Входит — и вдруг внезапно гаснет свет во всем подъезде и начинается общий шум и паника. На лестнице появились какие-то фигуры со свечками и в очках.

Дело в том, что наш дом кооперативный и его населяют только медицинские работники. Установить сложный диагноз, прописать рецепт, вырезать аппендицит или почку — это наш подъезд может запросто, а вот исправить электричество — выше наших возможностей. Мои будущие педагоги в электричестве тоже темные люди. И по лестнице, сверкая очками и отбрасывая кривые тени, мечутся врачи, профессора и будущие воспитатели, не зная, что делать. Кто-то кричит: «Надо за любые деньги найти электрика!» — «А где вы его сейчас найдете? Он еще вчера встретил Новый год!» А какая-то профессорская жена удивляется: «Что это за мужчины, которые не понимают в электричестве?»

И тут товарищ Павлика говорит: «Разрешите, я попробую помочь?», спускается к распределительному щиту, и через две минуты у нас в подъезде зажигается свет. Все кричат «ура!», благодарят неожиданного спасителя и наперебой приглашают его к себе, но я говорю: «Извините, это мой гость!» — и веду его к нам.

И тут из кухни доносится запах чего-то горящего. Мы в кухню, а там пылает небольшой пожар: когда выключили свет, газ продолжал гореть и вспыхнула лежащая на плите тряпка. А рядом с нею лежал коробок спичек. А от них загорелось полотенце. А от полотенца...

Мы, конечно, охаем, ахаем, кто-то бросается к телефону, чтобы вызвать пожарников, а Саша (я позднее узнала, что его зовут Саша) схватил в передней свою шинель и сбил пламя. Мы снова его благодарим, наши ребята тянут его в столовую, хотят похвастать своей стенгазетой, а нам, девушкам, хвастать нечем. На столе лежат утки, которых не берут ни нож, ни топор. И Саша, мгновенно оценив обстановку, опять так скромно говорит: «Разрешите, я попробую помочь?» — и за час приготовил уток на славу. Мы их съели чуть не с костями. А как он чистит картошку? А кто приготовил винегрет и фаршированные яйца, и салаты, и селедку с луком? Он. Девчонки смотрели на него, как на волшебника.

Разговорились, и выяснилось, что Саша за отличное несение службы получил пятидневный отпуск и спешит домой, в Калугу. Ночной самолет, которым он прилетел в Москву, опоздал, и утренний поезд ушел, так что на встречу Нового года с родными он уже не успеет. Поэтому он решил выехать домой ночным поездом. Но, согласитесь сами, встречать Новый год в поезде глупо, и мы его уговорили остаться у нас.

И на встрече Нового года он произвел на всех прекрасное впечатление. Отличный танцор, веселый рассказчик, умница... А какое чувство юмора! А глаза... Впрочем, я уже говорила, что глаза у него серые и какие-то такие... Но не в цвете дело. Удивительные глаза. О чем говорить? В этот новогодний вечер я всей душой полюбила нашу родную армию, которая растит и воспитывает таких чудесных ребят.

Так что прошлый Новый год я встретила очень хорошо. Надеюсь, и этот встречу не хуже, потому что служить Саше осталось совсем немного и он пишет, что наступающий мы встретим вместе.

Совсем забыла. Брат тогда прислал мне в подарок гранаты... Нет, не военные, а фрукты. Он ведь служит на южной границе, и, на мой взгляд, гранаты отличный новогодний подарок. Но для меня самый дорогой подарок — знакомство с Сашей.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В МОСКВУ

Каждый год, едва пригреет солнышко и на деревьях появятся первые листочки, моя жена Ксения выразительно смотрит на меня и ласково произносит только одно слово: «Васенька!» И это одно слово звучит для меня как большая и подробная радиограмма:

«Дорогой Васенька тчк наступила весна тчк самое время подумать об отдыхе тчк пойдй завком подай заявление тчк».

Получив такую радиограмму, я иду в завком и пишу заявление с просьбой предоставить мне две путевки на юг, в дом отдыха.

После этого моя жена Ксения почти ежедневно радует: «Васенька!», я хожу в завком объясняться, и наконец в один прекрасный день получаю желанные путевки. (Разумеется, не на то время, на которое я просил, а немного раньше или значительно позже). Тут начинается большой семейный аврал, и, после многочисленных хлопот о перенесении моего отпуска и его согласования с отпуском моей жены Ксении, мы приобретаем билеты на лучший вид транспорта — самолет — и вылетаем на берег Черного моря.

Сами понимаете, юг это юг! Светит солнце, плещет море, на пляже тысячи отдыхающих. Словом, живи и радуйся жизни, но, увы, первое время мы живем в разных комнатах, так как дом отдыха набит до отказа и поселить нас вместе невозможно. Нужно ли говорить, что это несколько омрачает нашу жизнь, потому что соседка жены храпит и моя жена Ксения спать не может, а мой сосед играет на аккордеоне в самое неподходящее время... Наконец мы оказываемся в одной комнате, но тут на благословенный юг налетает какой-то циклон, три дня свирепствует шторм, и мы сидим у моря и, в прямом смысле этого слова, ждем погоды. К счастью, циклон куда-то перемещается, вот-вот погода наладится, но начинается местный дождь. А дни бегут, и отпуск стремительно идет к концу. Да что рассказывать? Любой из вас испытал на собственной шкуре отдых на юге...

И в этом году, едва наступила весна и бурые снежные валы, воздвигнутые дворниками на обочинах тротуаров, начали таять, моя жена Ксения дала мне знакомую ра-

диограмму: «Васенька!» А я в это время сидел перед телевизором и смотрел передачу «Москва глазами зарубежных гостей». Несколько причудливо одетых иностранцев, с помощью переводчика, рассказывали о том, как красива и гостеприимна Москва и сколько лет они мечтали о поездке в нашу замечательную столицу.

И тут я позвал мою жену Ксению и сказал:

— Ксюша, в этом году мы поедем не на юг, а в одну из самых прекрасных столиц мира.

— В какую?

— В Москву.

— Куда?! — не столько удивилась, сколько испугалась моя жена Ксения. — Ты, наверно, забыл: мы — москвичи и живем в Москве.

— Да, мы жители Москвы, — согласился я, — но что мы знаем о нашем городе, что мы видели? Например, я: каждый день выбегаю рысью из дома, спускаюсь в метро, пересеживаюсь в автобус и прибываю на работу; вечером — автобус, метро и рысью домой. А известно ли тебе, дорогая Ксения, что люди, живущие на Кубе, в Канаде, Мексике и Австралии, годами мечтают о поездке в Москву и, чтоб попасть в нее, тратят тысячи долларов. Так неужели мы не можем себе позволить такого удовольствия, как поездка в Москву?

Ксения по-прежнему испуганно смотрела на меня. А я продолжал:

— Значит, так... Мы оба получаем отпуск и прибываем в Москву на двадцать четыре дня. К счастью, гостиница нам не нужна и выселение из нее не грозит. Таким образом, мы поселяемся в нашей квартире, но не как москвичи, а как туристы. Понятно?

— Нет, — честно призналась моя жена Ксения.

— Объясняю. Утром мы идем в кафе...

— В кафе? Зачем?

— Завтракать. Никакого приготовления домашней пищи не будет! Завтраки, обеды и ужины — в кафе и ресторанах. Далее, мы составляем железное расписание — музеи и выставки, театры и цирк, зоопарк и стадион...

Через десять минут Ксения полностью одобрила мой план путешествия в Москву. И, совершив это прекрасное и увлекательное путешествие, я хочу поделиться своим опытом с вами.

Понимаю, вы, как и моя жена Ксения, скажете:

— Ты сошел с ума! Завтракать и обедать в ресторанах...

Согласен. Да, дороговато. Но за путевки вы не платили, билетов на самолет не приобретали, так что денег вполне хватит.

Теперь, поскольку вы турист, у вас должна быть четкая программа культурных мероприятий. Скажем, если вы присзжаете в Севастополь, вы тут же спешите в Севастопольскую панораму. Верно? Бородинская в Москве не хуже. Приехав в Ялту, вы сломя голову мчитесь в «домик Чехова». И в Москве есть дом Чехова. И еще дом Толстого, квартира Маяковского, дом Горького и многие другие мемориальные дома. Посетив Феодосию, вы торопитесь в музей Айвазовского. В Москве, в Третьяковской галерее, выставлены лучшие работы Айвазовского и еще сотни других великолепных картин выдающихся художников. И есть еще музеи, выставки, вернисажи, на которых вы, москвич, наверняка не были. Когда вы приезжаете в Сочи, вы обязательно стремитесь на озеро Рица и посещаете ресторан того же названия. Милости просим в Архангельское, ресторан не хуже. А Останкинская башня с ее «Седьмым небом»? А...

Слушайте, а просто пройтись по Москве, погулять по тихим арбатским переулкам, посидеть в сквере у памятника Пушкину, полюбоваться Москвой со смотровой площадки у университета? Разве когда-нибудь вы позволяете себе такое удовольствие?

О чем говорить, туристу в Москве есть что посмотреть, есть где побывать и чем полюбоваться. И люди, приезжающие из других городов и из-за рубежа, это отлично знают и рассчитывают свое время до минуты, чтоб успеть увидеть хотя бы часть московских чудес и достопримечательностей.

Словом, двадцать четыре дня мы с моей женой Ксенией были в туристической поездке в Москве — и Москва нам очень понравилась. Понравилась милые и отзывчивые москвичи, которых, честно говоря, раньше, торопясь на работу и с работы, мы почти не замечали. Понравилась московская чистота и порядок, прекрасное метро и другие виды общественного транспорта.

Между прочим, нашим опытом могут воспользоваться и ленинградцы. И в их замечательном городе есть все

необходимые условия. И киевляне! И минчане! И рижане!

А вы где живете? Мы с женой уверены, что и ваш город при нашем туристическом методе представляет несомненный интерес и доставит вам немало радости и удовольствия.

ДРАМА В КУПЕ

Антон Завьялов спешил на вокзал, счастливый и гордый. Счастливый — потому что ехал домой на каникулы, гордый — потому что перешел на второй курс, что называется, без сучка и задоринки: его зачетную книжку украшали только грациозные пятерки и угловатые четверки.

Поезд из Москвы отходил в полночь, света в вагоне было маловато, и четверо пассажиров, места которых оказались в одном купе, едва разглядев друг друга, сразу же улеглись спать.

Первым на своей нижней полке уснул ветхий, пергаментнолицый старичок, надевший пестренькую зеленую пижаму и незаметно перекрестивший рот во время зевка.

Вслед за ним на второй нижней полке уснула дебилая, крупногабаритная дама неопределенного возраста. Потом на верхней полке, тихо присвистывая, засопел мужчина в голубой майке, по виду командировочный. И только Антон, занимающий вторую верхнюю полку, читал при свете ночника газету «Советский спорт». Но и он вскоре начал клевать носом и, отложив газету, погасил ночник.

В эту минуту дверь купе тихо отъехала в сторону и в ее проеме возникла едва освещенная фигура человека в полосатой пижаме, в очках и с курчавой черной бородой.

Человек тихо вошел в купе и начал осторожно приближаться к спящей женщине, которая, разметавшись во сне, свесила с полки руку с тускло поблескивающими золотыми часами. Человек в пижаме низко наклонился над спящей и начал снимать с ее руки часы.

«Вот негодяй, вот мерзавец! — подумал Антон.—

И как хитро маскируется: пижама, чтоб приняли за пассажира, борода и очки, чтоб не узнали. А что делать? — сам себя спросил Антон. — Закричать? А если у него нож и он ткнет его мне в бок?»

Антон еще раз посмотрел на грабителя. Это был рослый, широкоплечий мужчина, который мог справиться с Антоном и без ножа. Для тщедушного и щуплого Антона хватило бы и одного удара богатырского кулака злодея.

У Антона пересохло во рту.

«Это ж черт знает что: снимает часы, а я наблюдаю. Но с другой стороны: какая-то раззява не спрятала часы, а я из-за нее рискую жизнью? Только мне этого не хватало!»

Пока Антон беседовал сам с собой, мужчина осторожно продолжал снимать часы с руки спящей.

«И между прочим, другие спят и в ус не дуют. А я чем хуже? Кто мне мешает спать и не видеть? Мог же я раньше заснуть? И все: спал и не видел. Тем более, что у меня прекрасный крепкий сон. Меня пушкой не разбудишь».

К этому времени грабитель снял у женщины часы, опустил их в верхний карман своей пижамы, прислушался к зловещей тишине купе и, повернувшись вокруг оси, на цыпочках направился к двери.

Антон, затаив дыхание, следил за злодеем.

«Ну вот, сейчас он уйдет — и бог с ним. А я спал... то есть сплю. Другие же спят! — продолжал себя успокаивать Антон и даже закрыл глаза, но вдруг взорвался: — Это черт знает что! Говорят, пишут: «Не проходите мимо!» А я пройду? А почему бы и нет? Мама сто раз говорила: «Не встревай, если тебя не просят. Кроме неприятностей, ничего хорошего не дождешься!» Подумаешь, часы. Купит новые. А я сохранию жизнь».

Антон открыл левый глаз и посмотрел на грабителя, который медленно и верно приближался к дверному проему. И тут, неожиданно для самого себя, Антон издал воинственный клич и сверзился со своей верхней полки на грабителя. Смертельно испуганный злодей заорал: «Мама!» и рухнул на протертый коврик купе, а на злодея упал Антон, больно ударившись лбом о нижнюю полку. Однако, не обращая внимания на боль, он молотил грабителя кулаками по чему попало и кричал:

— Люди! Скорее! Я! Его! Держу!

От грохота падающих тел и криков Антона и злодея трое спящих проснулись, тоже начали что-то кричать и зажгли свет.

И тогда осветилась страшная картина: воинственный, бледный Антон, пытаясь вырваться из могучих объятий грабителя, орал:

— Люди! Скорее! Я его держу! — а грабитель, еще более бледный, чем Антон, вцепившись в храброго студента, тоже почему-то звал на помощь:

— Помогите! Он сумасшедший!

Обитатели купе в ужасе смотрели на происходящее. Командировочный в голубой майке дрожал, как отбойный молоток, мелкой, быстрой дрожью и прижимал к груди портфель, а дама, у которой грабитель снял часы, ударившись головой о верхнюю полку, видимо благодаря этому, пришла в себя первой и, взглядевшись в грабителя, воскликнула:

— Гурген! Что они с тобой сделали, Гурген?

Она запахнула халат и, еще раз ударившись головой о верхнюю полку, упала на колени рядом с Гургеном.

Антон вырвался из железных объятий бородатого злодея и спросил заикаясь:

— Как Гурген? Какой Гурген?

— Это мой муж, понимаете, муж! — сквозь рыдания проговорила женщина. — За что, за что вы его убили?

— Я и не думал его убивать, — оправдывался Антон. — Он хотел вас ограбить, снял ваши часы...

Тут бородатый Гурген полностью пришел в себя и с трудом поднялся с ковра.

— Нет, я не грабитель, — невнятно произнес он. — Это моя жена. А я ее муж. Понимаете?

— Ваша жена? — удивился старичок в зеленой пижаме.

— А почему вы в разных купе?

— Меня подвела кассирша: дала два нижних места, но в разных купе. Хотел обменяться с вами, — сказал он старичку, — но вы уже спали. Мой сосед тоже спал, и я решил — утром обменяюсь.

— А почему вы сняли у жены часы? — спросил Антон.

— Я воспитанный человек, — ответил Гурген, — пришел, хотел ей сказать «спокойной ночи», а она уже спит

и во сне размахивает руками. У нее такая привычка. Я решил, она их разобьет, и снял. А вы... — он укоризненно посмотрел на Антона и покачал головой.

— Я же этого не знал, — горячо заговорил Антон. — Вижу — женщина спит, а какой-то мерзавец...

Договорить Антону не удалось, так как к этому времени у дверей шумного купе собрался чуть ли не весь вагон. Впереди всех стояла круглолицая проводница в сбитом на бок форменном беретике и застегнутом через пуговицу кителе. За ней возвышался широкоплечий мужчина в галифе и тапочках на босу ногу, который сжимал в руке мрачно сверкающий наган, за ним двое рослых парней, если не спортсменов, то, во всяком случае, сдавших нормы на значок ГТО.

— Кто мерзавец? — строго спросила проводница.

— Этот! — ни секунды не раздумывая, ткнул пальцем в Гургена пестрый старичок, и двое сдавших нормы ГТО мгновенно заломили Гургену руки за спину.

— Как мерзавец? Почему мерзавец? — зарыдала доверная жена Гургена. — Он мой муж.

— А что, муж не может быть мерзавцем? — ехидно ухмыльнулся старичок.

— Зачем вы врете? — взвизгнул Гурген, извиваясь в могучих руках значкистов ГТО и отворачиваясь от направленного на него нагана. — Я — скрипач! Я — лауреат международных конкурсов! У меня под подушкой документы! А он врет! Стыдно!

— Я не вру, — обиделся старичок. — Я давно на пенсии — и мне врать незачем!

— Товарищи, позвольте, я расскажу, как было дело! — закричал Антон, втискиваясь в шумную группу пассажиров и участников драмы в купе.

— Не слушайте его! — завизжал старичок. — Он тоже мерзавец! Они — одна шайка, что тот, что этот!

Проводница посмотрела на старичка умным черным глазом и взяла его под руку:

— Дедушка, вы пройдите в купе, мы тут сами разберемся!

— Пожалуйста! — обиженно вздернул зеленое плечо старичок и сел на свою нижнюю полку. — Поезд называется... Ездит бог знает кто!

Потом проводница обратилась к командировочному в голубой майке:

— Хотите что-нибудь сказать, гражданин?

— Нет, нет, я спал и ничего не видел! — ответил гражданин, по-прежнему прижимая к груди свой портфель.

— Давай рассказывай, в чем тут дело, — обратилась проводница к Антону.

И Антон сообщил собравшимся в коридоре все то, что нам уже известно. Его рассказ гортанными возгласами подтверждал Гурген, а им обоим аккомпанировала бурными рыданиями дородная жена Гургена.

— Если я в чем-то виноват, я готов нести любую ответственность! — закончил свой рассказ Антон.

— Почему виноват? В чем виноват? — спросил Гурген, освободившийся из железных рук спортсменов. — А если б это был не я, а действительно мерзавец? Нет, товарищи, этот молодой человек, которого я вижу первый раз в жизни, поступил смело и благородно...

— Благородно? — удивилась жена Гургена. — Он тебя чуть не убил...

— Помолчи, Нелли, — сказал Гурген. — Он молодец! Он благородный и смелый мужчина! Надо с таких брать пример! Спасибо, дорогой, за твой замечательный благородный поступок!

— Пожалуйста! — смутился Антон, потирая лиловую шишку, которая вспухала у него на лбу.

А пассажиры и проводница им заплодировали, словно вызывали их на «бис».





УЖАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

Товарищи, позвольте вам дать отличный совет: никогда не женитесь на актрисах! Никогда! Слышите?..

Года три назад я ее впервые увидел на экране. Светлые волосы, слегка скуластое лицо, серые широко распахнутые глаза и солнечная улыбка. О чем говорить, эта молодая актриса мне очень понравилась. Но я и думать не думал, что через каких-нибудь три недели я ее встречу на дне рождения моего институтского товарища — она подруга его жены. На этот раз актриса меня совсем покорила: она была мила, обаятельна и остроумна.

Потом я отвез ее домой на моем новеньком «Жигуленке», и, поскольку она должна была вскоре тоже стать автовладельцем, минут сорок мы с удовольствием болтали на автомобильно-дорожные темы. А через полгода мы поженились.

Казалось бы, все прекрасно: красивая, умница, отличная хозяйка, но у нее ужасная профессия. Да-да, ужасная! Лучше она была бы верхолазом, ныряльщицей за жемчугом или змееловом. Кем угодно!..

Не понимаете, почему профессия актрисы ужасная? Объясню.

Моя жена актриса театра имени... не будем уточнять... имени одного очень хорошего человека. Театр — ее постоянное место работы. Но, кроме театра, существуют кино, телевидение и радио, которые широко пользуются услугами театральных актеров. Сами понимаете, они приносят столь чтимую актерами популярность и, чего греха таить, повышают материальный уровень.

И вот не так давно, в выходной день, вернее, вечер моей жены сидим мы дома, как любая нормальная семья, перед телевизором.

Телефонный звонок.

Жена бежит к телефону и возвращается ко мне с такими глазами, словно в них зажгли иллюминацию.

— Он требует, чтобы я немедленно приехала.

— Кто?

— Фармацевтян.

— Какой Фармацевтян?

— Гарольд Фармацевтян! Кинорежиссер, который поставил «Вторник — день хороший», «Кирпич — моя любовь!» и «Караван уходит в небо». Он говорит, что видит только меня. И внешне, и внутренне. Уверен, что я вписываюсь в ансамбль.

Актерский жаргон мне уже понятен, и я легко сообразил, что жене предлагают роль.

— Зачем же немедленно ехать к нему?

— Он мне даст сценарий и расскажет о своем виденье и творческой концепции.

— А завтра с утра он не может рассказать об этой концепции? — наивно спросил я, но жена посмотрела на меня таким выразительным взглядом, что я без особого труда прочитал следующее: «Если режиссер требует, то ее долг, что бы ни происходило — обвал, пожар, наводнение или землетрясение, — прибыть немедленно, как «неотложная помощь»!»

И я отвез жену к Фармацевтяну.

Пока я ее ждал у режиссерского подъезда, я думал о том, что в нашей стране существует единственная профессия, при которой эксплуатация и тирания законом не преследуются. Любой кинорежиссер может зарезать автора, убить актера, съесть оператора, угробить художника и композитора и погубить картину почти безнаказанно. В лучшем случае, в него бросят камень. В газете. Под названием «рецензия»...

Но тут появилась моя жена. Она сказала шепотом: «Послезавтра проба!» — и всю дорогу домой шевелила губами, жестикулировала, улыбалась и плакала. Я понял, что она включилась в концепцию.

Два дня у меня не было жены. Она существовала в другом, неизвестном мне мире Гарольда Фармацевтя-

на. Изредка я ее кормил, а она задавала странные вопросы:

— А если наоборот: не плакать, а улыбнуться и поднять плечи? Можно ведь и так выразить презрение?

Разумеется, моих ответов она не слушала, а бежала к зеркалу, улыбалась и поднимала плечи. Потом мазала лицо питательным кремом «Восторг» и сосредоточенно меняла прически.

На третий день, ослепительно-прекрасная, она спросила меня:

— Как я выгляжу?

— Отлично,— сказал я.— Конечно, я не объективен, но будь я режиссером...

— Да, в этом мне не повезло,— сухо ответила жена и спустилась вниз к ожидавшей ее машине с надписью «Киносьемочная».

Проба прошла удачно. Во всяком случае, у меня снова появилась жена — любящая, добрая и внимательная. Правда, она болезненно реагировала на каждый телефонный звонок: сломя голову бросалась к телефону, дрожащей рукой снимала трубку, после чего разочарованно разговаривала с нашими друзьями.

В эти тревожные дни мне удалось прочитать сценарий, и я, как можно осторожнее, спросил:

— Ты будешь играть Нину?

— Нет, Катю,— вздохнула жена.

— Катю? — удивился я и хотел сказать, что если роль Нины тоже не очень уж выразительна, то роль Кати...

— А что делать? — горько усмехнулась жена. — Не ждать же милостей от природы? Кажется, знаешь, как плохо с женскими ролями?

— Но я сам читал, что мы снимаем чуть ли не триста фильмов в год, включая телевизионные.

— Да. Но женских ролей в пять раз меньше, чем мужских, хотя в жизни еще неизвестно, кто играет большую роль.

Естественно, я промолчал, так как часть горькой правды в этих словах была...

Наконец раздался долгожданный звонок: жену утвердили на роль Кати! И началась трудная и, мягко говоря, разнообразная полоса жизни нашей семьи.

Как я уже объяснял, жена — театральная актриса.

Поэтому в театре ее работа в кино или на телевидении рассматривается как «отхожий промысел» и сочувствия не вызывает. Даже если вы свободны, разрешение на каждую съемку надо выпрашивать со слезами на глазах, всевозможными ходатайствами и телефонными звонками от важных лиц.

Жена добилась разрешения и, как говорится, разрываясь на части, продолжала работать в театре и снималась в кино.

Бывали дни, когда она возвращалась со съемок домой счастливая и возбужденная, как хоккеист, забивший решающую шайбу, бывали дни, когда она возвращалась домой и бурно рыдала. Шутка ли, коварный Фармацевтян безжалостно отнял у нее реплику из восьми слов и передал другой актрисе, кажется своей жене. А однажды она вернулась с огромным синяком на лбу. Помощник оператора уронил на нее кассету с пленкой... Поразительная вещь! У нас, во всех областях трудовой деятельности человека, существует охрана труда. А в кино? Не знаю, не уверен.

Потом жена простудилась. И не удивительно: была глубокая осень, а Фармацевтян снимал сцену, действие которой происходило в июле. И моя жена в сарафане и поэтичном венке из полевых цветов (конечно, уже искусственных!) должна была сидеть на берегу реки и небрежно болтать ногой в воде. Болтала! Небрежно! На следующий день у нее было за тридцать восемь, однако получить бюллетень и прервать съемки она не могла. И она продолжала сниматься, хрипя и кашляя. (Потом эти сцены были переозвучены.) Почему и как она выздоровела, объяснить медицински невозможно.

Словом, полгода моя жена работала в театре и снималась, и, можете мне поверить, в обеих организациях зарплату ей платили не зря.

Но вот настал долгожданный и прекрасный день, когда съемки были окончены. Жена ходила гордая и умиrotворенная, а я — ликовал: у меня снова была жена — внимательная, любящая и отличная хозяйка.

Тут подоспел мой отпуск, который я подогнал к отпуску жены, в завкоме мне пообещали путевки в Крым, и мы строили радужные планы нашего отдыха.

Но тихим весенним вечером раздался телефонный звонок. Междугородный. Звонил из Тбилиси режиссер

Шайтанашвили, который снял «Старик и горы», «Утро в Напареули» и «Брюнет с черным кинжалом»...

Стоит ли продолжать?

Товарищи! Позвольте дать вам отличный совет: никогда не женитесь на актрисе! Никогда! Слышите?..

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

Савелий Дроздов, молодой режиссер, только-только окончивший театральный институт, прибыл в город Закоперск для работы в местном драматическом театре. Прибыл со смелыми замыслами, радужными планами и светлыми надеждами.

Приняли Савелия тепло и гостеприимно: поселили недалеко от театра в хорошей комнате и даже договорились с хозяйкой о трехразовом питании. Словом, новая жизнь молодого режиссера начиналась красиво и многообещающе.

Неделю Савелий знакомился с театром — ходил на спектакли и репетиции, беседовал с актерами, присматривался, анализировал и вникал. Многое ему нравилось, а кое-что удивляло. Скажем, одна из пьес репертуара была поразительно слабой и беспомощной, оформление большинства спектаклей тоже, как говорится, «не производило», а распределение ролей нередко вызывало недоумение.

«Ну что ж, — думал Савелий, — каждый работает как умеет. Ничего, пройдет немного времени — и, увидев настоящее искусство, они ахнут!»

«Настоящим искусством» Савелий считал тот неповторимо прекрасный спектакль, который он собирался поставить в театре. У него была отличная пьеса, идущая с успехом в столице, и план ее постановки, обдуманной и разработанный до мелочей.

Спустя несколько дней Савелий прочитал пьесу на труппе. Нельзя сказать, что читка вызвала восторг, но...

«Ничего, будущее покажет!» — успокоил себя Савелий и приступил к распределению ролей. Роли расходились довольно удачно, и Савелий направился к главному режиссеру театра для дружеской консультации. Глав-

реж выслушал Савелия, просмотрел список занятых актеров и не то поморщился, не то усмехнулся.

— Так-так,— сказал он, вертя в руке футляр от очков.— А Гузынина?

— На какую роль? — спросил Савелий.

— Конечно, героини.

— Но она...— начал Савелий.

— ... старше, чем хотелось бы? Увы, время никого не щадит, и это, конечно, есть,— кивнул главреж,— но она жена директора театра.

— Ну и что? — наивно спросил Савелий.

— Нет, ничего,— сухо ответил главреж,— но, видите ли, спектаклей без нее у нас не бывает. А Щипцов у вас тоже не занят?

— Мне он не нужен.

— Ну, знаете,— усмехнулся главреж.— Щипцов, к вашему сведению, председатель месткома! Квартиры, путевки, касса взаимопомощи...

— Но для спектакля он мне не нужен.

— Для спектакля, может быть, и не нужен, а вот для жизни... А кто оформляет спектакль?

— Я еще в Москве договорился с самим Феклушиным. Еле уговорил...

— Вы что, смеетесь? Художник из Москвы?! Вы представляете, какие это расходы!

— Что делать?..

— У нас прекрасный художник Шиндакова. Мастер своего дела.

— Она — мастер? — удивился Савелий.— По-моему, бездарнее не сыщешь! Или она тоже чья-нибудь жена?

— Она — моя жена! — с вызовом ответил главреж и закончил, как бы подводя черту: — Что ж, работайте, как считаете нужным. Как говорится, в добрый час! Но со мной вы не советовались, меня не видели, я — умываю руки!

И, проиллюстрировав последние слова жестом, он придвинул к себе телефонный аппарат и снял трубку. Савелий понял, что беседа окончена, и вышел из кабинета главрежа.

И задумался.

Казалось бы, в этой ситуации справедливости можно добиться с помощью директора, но его жена — Гузынина. Какая уж тут справедливость? Общественность? Она,

как известно, начинается с месткома. Да-а... А если пойти к начальнику городского отдела культуры? Значит, начать свою жизнь в театре с конфликта? Ну и что? Это ведь во имя искусства, которое, как известно, требует жертв.

И только Савелий собрался в отдел культуры, он узнал, что неудачная пьеса в репертуаре театра — последнее произведение начальника отдела культуры.

И Савелий снова задумался. Два дня и две ночи он думал и пришел к выводу: да, искусство требует жертв, и, если дать роль молодой героини Гузыниной, разве это не жертва? А доверить главную мужскую роль Щипцову — не жертва? А поручить оформление спектакля жене главрежа?

И Савелий, который решительно и отважно пошел на все эти жертвы во имя искусства, недавно переехал в отличную однокомнатную квартиру, а в данное время работает над новой пьесой, написанной начальником городского отдела культуры.

Главреж, человек уж в годах, вот-вот уйдет на пенсию, и есть такое мнение, что его место займет молодой, перспективный режиссер Савелий Дроздов.

ЛЕОКАДИЯ СЕРГЕЕВНА ДАЕТ ИНТЕРВЬЮ...

Леокадия Сергеевна ворвалась в кабинет директора театра, и в воздухе запахло грозой и духами «Нефертити».

— Здравствуйте и давайте ссориться!

— Что вы, Леокадия Сергеевна, зачем? — поднялся с кресла Павел Николаевич. — Лучше садитесь, выпьем чаю...

— Нет, давайте ссориться! — нервным голосом настаивала актриса. — Ответьте мне, кто я такая?

— Вы? — директор улыбнулся. — Гордость нашего театра!

— Так вот, я не только гордость вашего театра, я еще актриса. Драматическая актриса! Хочу играть драмы и трагедии! Хочу жить страстями!

Директор не совсем понял, чего именно хочет актриса, но улыбнулся еще шире:

— Пожалуйста, живите! Разве я против?

— Против! Мечта моей жизни сыграть Марию Стюарт! Леди Макбет! Мне хочется любить и ненавидеть, страдать и погибнуть! Я хочу появляться на сцене не в ватнике и резиновых сапогах, а в платье со шлейфом. С диадемой. Наконец, извините, в хитоне! Да-да, в хитоне. Разве я не Медея?

Леокадия Сергеевна остановилась перед директором. Ее глаза сверкали, ноздри раздувались, а на губах змеилась ядовитая улыбка. Да, это была Медея! На худой конец — леди Макбет!

— Леокадия Сергеевна... — начал директор.

— Подождите! Вы сами говорили, надо вести кассовую борьбу со зрителем! Значит, нужно настоящее оружие! А классика — и есть это оружие!

— Вот оно что! — наконец уразумел директор. — Не спорю, классика — оружие. Но задача-то сейчас другая.

— Какая? — актриса снова стала Леокадией Сергеевной и устало опустилась на стул.

— А вот какая: образ нашего современника!

— А что играть? Современник — да, есть роли, но современница — она же в театре какая-то аморфная!

— Как... аморфная?

— Живет в пол-ноги. Ей же ничего нельзя! Ревновать — нельзя, ненавидеть — нельзя... Ни отравить, ни убить, ни зарезать! Да и любит она по-вегетариански! А туалеты? В жизни она и в мини, и в макси... А на сцене — миди! Во всем миди! Все ниже колен! — вскочила со стула актриса.

Директор снова хотел ее перебить, но она посмотрела на него таким злым, черным глазом, что он только вздохнул.

— Не хотите зарубежную классику — не надо. У нас и своих классиков достаточно. Кручинина! Боже мой, как бы я сыграла Кручинину! Сцена с сыном, сцена с няней... А сцена с этим алкоголиком Шмагой! Фейерверк!

— О чем вы говорите, Леокадия Сергеевна? Какие сейчас алкоголики?

— Ничего плохого я не говорю. Он же пил в прошлом веке. Теперь, я понимаю, таких нет и с алкоголизмом ведется борьба. Мало того, я согласна, давайте прочтем Кручинину по-современному. Давайте мы из «Без вины виноватых» — сделаем «Кто виноват?». Сближение эпох!

Директор еще раз вздохнул.

— Вас бы на мое место — вы бы так вопрос не ставили.

— Ставила! И пьесы бы ставила, как другие. Поймите, Павел Николаевич, годы идут... Я уже старше и Джульетты и Ларисы. Но я еще мадам Бовари! Я еще Анна Каренина! Еще Катерина и Дульцинея! Хотите, чтоб я завяла, не распустившись, да?

— Упаси бог! — искренне сказал директор, который действительно не хотел, чтобы актриса завяла. — Давайте так: я обещаю вам...

— Вы уже третий год обещаете...

— И теперь обещаю...

— Нет, хватит! — решительно сказала Леокадия Сергеевна. — Ультиматум: или мы включаем в репертуар Медею, или я ухожу в театр на Маросейке! Они для меня сделают все! Включая квартиру в Мневниках и новые «Жигули»...

Леокадия Сергеевна еще раз взглянула на директора и встала. Снова перед ним стояла Медea.

Но тут в директорский кабинет вошел молодой человек с пятнистой бородой и в свитере, который, казалось, был связан из этой же бороды.

— Простите, если помешал, но я к вам, Леокадия Сергеевна! Я из газеты «В мире прекрасного». Если позволите, небольшое интервью...

— Пожалуйста! — Леокадия Сергеевна гордо взглянула на директора.

— Вы ведущая актриса театра, и наших читателей интересуют ваши творческие планы.

— Планы?.. Гм... Если говорить честно, моя мечта сыграть Ме...

Директор шумно вздохнул и схватился за голову. Актриса поняла этот жест.

—...не мелодраматический образ какой-нибудь Марии Стюарт или мадам Бовари, а создать яркий и полнокровный образ нашей современницы! Которая ищет и находит!

— Прекрасно! — кивнул бородой молодой человек, записывая слова актрисы.

— Показать ее в труде и работе, за книгой и партой, пройти весь нелегкий путь овладения второй профессией! Показать, как она добивается отличных показателей

и высоких удоев от каждой коровы,— бодро диктовала актриса.— Показать ее нравственные начала, высоты и глубины души...

Директор восторженно смотрел на Леокадию Сергеевну, а она продолжала вдохновенно диктовать:

— Показать ее в будни и праздники! В ватнике и сапогах, в фате и с цветами. На работе и в парке культуры и отдыха, на танцах и на собрании.

Леокадия Сергеевна подождала, пока журналист записал эти красивые слова, и продиктовала последний абзац:

— Конечно, мы в большой претензии к нашим драматургам! Это по их вине нам приходится обращаться к классикам, которые сегодня не удовлетворяют наших творческих замыслов. Вот, возможно, мне придется сыграть Медею. Что делать? Но, в принципе, драматурги в долгу перед нами, а мы — перед зрителями. Да-да, мы все в долгу! — пленительно улыбнулась Леокадия Сергеевна и по привычке добавила: спасибо за внимание!

Директор по привычке зааплодировал.

ПЯТНАДЦАТЬ ДНЕЙ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ

Последние пятнадцать дней я провел на свежем воздухе. Правда, с метлой в руках. Я убирал улицы нашего родного города. И если вас интересует, почему я получил пятнадцать суток, извольте, расскажу.

Я — писатель. Прозаик. Пишу повести и рассказы. Недавно написал роман. Много, может и не самое лучшее, опубликовано... И вот примерно год назад я пришел на встречу писателей с деятелями искусства. Выступал главный режиссер одного из столичных театров. Ясные глаза, орлиный профиль, свободная манера речи, четкие и яркие мысли... Он сказал, что театру необходим современный репертуар, что писателя, который принесет пьесу о современниках, театр примет, как дорогого гостя, как родного брата!

Я ушел покоренный этим человеком и... начал писать пьесу. Полгода я работал как проклятый. Бессонные ночи, дни огорчений и сомнений, часы радостей и самоува-

жения... Наконец я пьесу закончил и, надев лучший костюм и галстук, купленный в зарубежной поездке, отправился в театр.

Главный режиссер меня покори́л втори́чно. В порыве чувства он прижал меня к груди и дважды расцеловал. Я был счастлив. Он обещал прочитать мою пьесу за три, максимум четыре дня. Потом познакомил со своей правой рукой — заведующей литературной частью Паолой Сергеевной. Очаровательная женщина! Закончила два института, остроумна и элегантна... Мы втроем пили кофе из маленьких чашечек и беседовали об искусстве, а потом договорились, что через неделю Паола Сергеевна позвонит, и мы, как сказал режиссер, «продолжим наши игры».

Я ушел домой не чувствуя земли под ногами и неделю прожил в состоянии невесомости, изредка совершая витки вокруг театра, а в день, когда они должны были позвонить, не выходил из дому. Однако они не позвонили. И на следующий день тоже. И через неделю. И через месяц...

«Все ясно! Пьеса не понравилась,— печально подумал я.— Но неужели до такой степени, что им и сказать нечего? Неужели все так бездарно и беспомощно?»

От этих страшных мыслей я худел, превращаясь из упитанного мужчины в его же тень, и, не в силах дольше выносить эту муку, сам позвонил в театр.

Паола Сергеевна сперва меня не узнала, потом обрадовалась, отчаянно предо мной извинялась и сообщила, что мою пьесу никто еще не читал. Режиссер срочно улетел в Австралию на симпозиум прогрессивных деятелей театра, а она, бедная Паола Сергеевна, готовила обязательства театра к месячнику чистоты и писала воззвание к писателям, которые не пишут пьес о современниках. Конечно, и она и главный смертельно виноваты предо мной, завтра он прилетает из Мельбурна, и они тут же прочтут мою пьесу.

Думаете, прочли? Нет. Полгода у них не было ни секунды времени. Режиссер, укрепляя творческие контакты, посетил все социалистические страны, одну слаборазвитую и две капиталистические, а театр принял шефство над колхозом, пожарной командой и зубоврачебной поликлиникой.

Наконец у Паолы Сергеевны, по ее словам, «образовалось окно» и она пьесу прочла.

— И как?— спросил я, замирая от волнения.

— Впечатление сложное... Кое-что безусловно и несомненно, а кое-что — увы — никак... Так что я бы хотела обменяться мнением с главным, а он завтра возвращается из Мексики и теперь уж прочтет обязательно. Не сердитесь, дорогой, и позвоните в среду.

Позвонил. В этот день театр был выходной. Позвонил в четверг. Режиссера не было. Узнал окольными путями, что он срочно разводится и ремонтирует квартиру. Что делать? В конце концов, он тоже человек и имеет право на личную жизнь!

Тогда я подумал, что и я имею право на личную жизнь, поставил на своей пьесе крест и, с трудом получив путевку на Рижское взморье, поехал писать новую повесть.

Но тут, сразу же, прибыла телеграмма: «УМОЛЯЕМ НЕМЕДЛЕННО ПРИБЫТЬ ТЕАТР СРОЧНЫХ ВАЖНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ ТЧК ОБНИМАЕМ ЦЕЛУЕМ».

Я примчался. Режиссер обнял меня и расцеловал.

— Оказывается, вы написали о стеклодувах. Это прекрасно, и вы молодец! О сталеварах пьеса есть, о рабочих автомобильной промышленности — две, о строителях — есть, о нефтяниках тоже... А вы о стеклодувах! Молодец! — и режиссер снова обнял меня.

Я был тронут.

— Понимаю, вы сердитесь. Я подводил, обманывал, не читал. Но поймите, я ставлю спектакль на телевидении, снимаюсь в кино, возглавляю самодеятельность, член двух жюри и провожу огромную работу в обществе дружбы СССР — Сенегал. Все это, не считая руководства театром. Вы понимаете, как я занят?

— Понимаю.

— Но теперь — все! Я — ваш! Я влюбился в вашу пьесу с первого взгляда. Стеклодувы, а? Стаканы, рюмки, тарелки... Молодец! Короче: мы включаем вашу пьесу в план и завтра же начинаем репетиции. Через три месяца прощу на премьеру.

Я растерялся. Я сказал, что с радостью приму участие в репетициях и готов еще поработать над пьесой, исправить, переписать...

— Спасибо, дорогой друг! — с чувством сказал режиссер. — Ждите нашего вызова! — Он еще раз обнял меня, и я ушел, ощущая на своих лопатках вырастающие крылья.

Я ждал две недели, но никто меня не вызывал. Я позвонил в театр, и выяснилось: мою пьесу и не думают репетировать.

Я поехал в театр. Три дня я не мог поймать режиссера. Тогда я устроил засаду у его кабинета. Наконец он появился. Я выскочил из засады, но сперва он меня не узнал, а потом укоризненно сказал:

— Что же вы, батенька, нас подвели?

— Я? Подвел?

— Еще как! Оказывается, пьесу о стеклодувах ставит театр на Солянке. Значит, все: стеклодувы — пройденный этап!

— Позвольте. Главное в пьесе не это...

— А что главное? К сожалению, я пьесы не читал.

— Не читали?— изумился я.

— Нет, я ее, конечно, так сказать, листал. И Паола Сергеевна тоже... Но не в этом суть. Вы, главное, не огорчайтесь. Мы еще с вами поработаем,— начал меня успокаивать режиссер воркующим баритоном.— У нас еще все впереди!..

Тут со мной произошло нечто необъяснимое. Я бросился на режиссера и укусил его. В плечо, а потом в левую икру. Он ахнул и упал.

Как мне рассказывали позже, ему делают прививки от бешенства, настолько я был взбешен.

Потом я побежал к Паоле Сергеевне. Увидев мое лицо, она закричала мужским голосом: «Помогите, люди!», вскочила на подоконник и выпрыгнула в окно. К счастью, литературная часть театра была на первом этаже, и она отделалась легкими ушибами. Но начала заикаться.

А меня судили. Пятнадцать суток за хулиганство!..

Согласен: суд мои действия квалифицировал правильно.

Но почему суд не нашел меры наказания ни для главного режиссера, ни для его сообщницы, не понимаю. Мне объяснили, что существуют такие человеческие поступки, которые уголовно не наказуемы. Как же так? Укусил человека, испугал—за это пятнадцать суток, а издевательство, ложь, двуличие, беспринципность и унижение человеческого достоинства—не наказуемы?!

Странно, товарищи! Очень странно!

ЮБИЛЕЙ

Если человеку исполнилось шестьдесят лет, то сам факт, что он прожил столько времени, заслуживает юбилейного праздника. Если же этот человек приносил пользу и радость не только своим близким, но и обществу, то он заслуживает кроме юбилейного пира всевозможных наград, премий, благодарностей в приказе, торжественных речей и патетических адресов в кожимитовых папках.

Это — если человек!

А если шестьдесят исполнилось театру, который приносил радость тысячам зрителей? Сами понимаете, его юбилей должен стать значительным событием!

К чему я все это веду? Дело в том, что недавно театру, в котором я имею счастье служить в качестве актера, исполнилось шестьдесят лет. И юбилей у нашего театра был такой, что, как говорится, ни словами, ни пером... Юбилей высшего класса, на уровне мировых стандартов!

Наш руководитель — главный режиссер театра Гурий Львович Синицкий, человек энергичный, как действующий вулкан, и уважаемый во всех сферах и организациях — начал тотальную подготовку к юбилею года за полтора. И конечно же был прав: юбилей требует длительной, умной и тщательной подготовки и ошибка в этом деле столь же опасна, как неверные действия при разминировании фугасных бомб.

Но давайте разберемся, что такое юбилей.

Во-первых, это надежная, пуленепробиваемая индульгенция. Ну, в самом деле, кто напомним юбиляру о репертуарных просчетах или финансовой задолженности? Кто услышит подобный бестактный голос в триумфальных звуках фанфар и грохоте барабанов?

Во-вторых, юбилей — отличный повод для сбора всякого рода пожертвований и, главное, для капитального ремонта помещения. Строители, в принципе люди неверные, тут, кровь из носу, уложатся в срок и первыми посмотрят старый спектакль во вновь отремонтированном здании театра накануне юбилея. Правда, через неделю начнет протекать крыша, кое-где обвалится штукатурка и заест механизм, вращающий сцену. Но это уже после

юбилея, когда можно работать нормально, то есть без паники и ажиотажа, с длительными перекурами.

Однако я несколько отвлекся.

Так вот, наш театр готовился к юбилею загодя и Синицкий жил и дышал грядущим юбилеем.

Прежде всего был создан сценарий юбилейного вечера. Его сотворили Гурий Львович и вернейшие друзья театра, они же светлейшие умы человечества и нашего города. В сценарии было учтено все — от первой фразы: «Добрый вечер, дорогие друзья!» до финальной песенки «До новых встреч!». Работа, разумеется, была необыкновенно сложной, так как вечер должен был быть веселым, но в то же время значительным; смешным, но в то же время серьезным; лирическим, но в то же время героико-патетическим. Отрывки из спектаклей, включенные в сценарий, чередовались с гордыми монологами положительных персонажей и с достойными осмеяния монологами персонажей, уходящих в прошлое.

Сценарий был многократно обмозгован, обсужден, отредактирован и исправлен, и больше года весь коллектив театра работал над его воплощением в жизнь. Разумеется, кроме этой главной постановки года, ничем другим театр не занимался, так как все силы, весь жар души были мобилизованы на славный юбилей.

И вот день юбилея наступил. Наш свежотремонтированный театр благоухал штукатуркой, масляной краской и одеколоном. Гости и зрители, нарядные и торжественные, излишне шумно разговаривали и смеялись, ревниво поглядывая на тех, кому достались лучшие места, чем им. Наконец, прозвучал последний пронзительный звонок, распахнулся занавес и юбилей начался.

На сцене сидела вся труппа театра, и Гурий Львович Синицкий, пленительно улыбаясь, сказал первую многократно отрепетированную фразу. Грянули аплодисменты, заиграла музыка. Синицкий поклонился, труппа встала.

После этого слово о пути нашего театра было представлено уважаемому и рано облысевшему деятелю искусства, чьи звания и титулы с трудом умещались в пяти строчках типографского шрифта.

Волнуясь и слегка заикаясь, он прочитал все, что читают в подобных случаях, и только самый конец его слова о театре был несколько неожиданным.

Он сказал... Я цитирую по памяти:

— Да, много лет наш театр радовал, а иногда и огорчал нас своими работами, и только в последние полтора года, занятый подготовкой к юбилею, театр не создал ни одного спектакля, что, естественно, весьма огорчительно!

Зал замер. Наступила драматическая тишина, какая бывает, когда Отелло душит Дездемону или Катерина бросается с обрыва.

И только Синицкий, поразительный человек Синицкий, не растерялся, а громко произнес: «Прекрасная шутка!» — и захохотал. Мудро захохотал. И абсолютно вовремя.

И вслед за ним захохотал весь театр. Труппа, гости и зрители, и даже билетеры.

Юбилей продолжался. Все, кому полагалось, получили соответствующие звания, ценные подарки и благодарности в приказе.

О чем говорить? Юбилей есть юбилей!

МОЛИЛАСЬ ЛИ ТЫ НА НОЧЬ, ДЕЗДЕМОНА!

Местный драматический театр заканчивал сезон. Актеры с нетерпением ждали летних гастролей в южном приморском городе. Потом предстоял отпуск. Словом, все работники театра жили предвкушением радостных событий и относились друг к другу с любовью и нежностью.

И вдруг в местной газете появилась статья, подводящая итоги работы театра за прошедший сезон. Статья была написана в стиле многих подобных статей: в ее первом абзаце говорилось о том, что театр проделал большую работу и у него, несомненно, есть успехи и достижения. Второй абзац начинался со слова «хотя» и сообщал читателю, что «хот я театр имеет успехи и достижения, но в его работе есть просчеты и недостатки». Третий абзац начинался словом «однако» и снова подчеркивал достижения, и четвертый абзац, начинавшийся словом «несмотря», вновь говорил о недостатках. И только пятый, последний абзац вносил полную ясность в

этот вопрос: в нем признавалось, что у театра есть достижения, хотя имеются и недостатки, но театр, несмотря на недостатки, должен множить успехи, бороться с недостатками и не останавливаться на достигнутом. Словом, статью, как принципиально важную, нужно было срочно обсудить.

И обсуждение началось.

Продолжалось оно трое суток с небольшими перерывами, во время которых актеры наспех играли очередные спектакли или торопливо жевали черствые бутерброды с пересохой колбасой и грациозно изогнувшимся сыром.

Первым на обсуждении выступил главный режиссер. Энергично жестикулируя и ероша свою редющую гриву, он обращался к окружающей его общественности:

— Да, товарищи! Сто раз — да! Вот слова, которые я произнес, прочитав эту статью. Да, конечно, мы не Станиславские (он скромно улыбнулся), не Немировичи-Данченко (он еще раз улыбнулся), не Товстоноговы и Ефремовы (он улыбнулся дважды), мы это понимаем и отлично видим и наши успехи, и — увы! — просчеты! И сто раз права газета: «Отелло» — наш козырь, «Ромео и Джульетта» — козырь, «Свои люди — сочтемся» — козырь! Но нельзя же всю жизнь выезжать на Шекспире и Островском и только изредка выпускать на сцену нашего современника. Надо выпускать его чаще! Этого требует жизнь, этого требует наша совесть, этого требуют вышестоящие инстанции!

Собравшиеся дружно зааплодировали оратору, и он, подбодренный их аплодисментами, спросил:

— А кто виноват в наших просчетах? Я!

— Что вы, Сергей Сергеич! — дружно закричали почти все участники обсуждения. — Зачем вы на себя напраслину возводите?

— Нет, товарищи, виноват я! И только я! — настаивал главный режиссер. — Я не сумел зажечь драматурга, не сумел направить его на создание новых, необходимых образов!

— Сергей Сергеич!.. — укоризненно качали головами участники обсуждения.

— Не надо, не защищайте меня! Я умею признавать свои ошибки! Умею и не стесняюсь! Что ж, — режиссер склонил голову и печально улыбнулся, — каюсь, товарищи! Каюсь и обещаю...

Каялся режиссер долго. Так долго, что ему даже продлили регламент еще на десять минут. Потом он обещал, что завтра же, нет, сегодня же засучив рукава откликнется на призыв создать пьесу о современнике, бросит все силы на создание этого столь дефицитного образа.

Вслед за главным режиссером слово взял местный драматург. Некоторое время он смущенно переминался с ноги на ногу, потом откашлялся и решительно признался в том, что он, конечно, не Шекспир и не Островский. И не Чехов. И не Арбузов и не Мдивани. Но, невзирая на это, во всем виноват он. Он не зажегся, не горел, потому что окунулся в мелкобытовую тематику, и права газета, которая вовремя дала ему по рукам. После этого вступления он тоже долго каялся и давал всевозможные обещания откликнуться и создать.

Дальше каялся и обещал директор театра.

— Товарищи,— говорил директор,— я, конечно, в искусстве человек новый, но признаю, что виноват я. Что-то проглядел, чего-то не доглядел и даже, может быть, проморгал... Но паниковать еще рано. В прошлом я работал в Комитете физической культуры и люблю, знаете, считать по очкам: в этом году про нас газета напечатала четыре статьи. Четыре! В них тринадцать раз говорится об успехах, девять — о недостатках! Стало быть, счет: тринадцать — девять. Это не так плохо. Пока ведем игру мы! В чем нас упрекают? Мало отображаем современника. Значит, надо отображать больше! И отобразим! Срочно откликнемся и отобразим! Лично я обещаю: учтя все прошлые ошибки — добиться новых, так сказать, успехов!

Вслед за директором каялись и обещали завлитчашью и ведущие актеры. Молодые актеры сделали на своем веку так мало, что каяться не отважились. Они только обещали. А ведущие смело признавались в том, что они, конечно, не Щепкины, не Мочаловы и не Качаловы, не Джигарханяны, Папановы, Евстигнеевы и Смоктуновские, но все же — в отсутствии образа современника виноваты и они! Своим творчеством они не зажгли автора, не толкнули главрежа и не нацелили директора, но сейчас они откликнутся и создадут...

Наконец на третьи сутки обсуждение статьи закончилось, была принята резолюция — и все, убоготворенные

и просветленные, разошлись: надо было готовиться к поездке на гастроли. Этого требовала жизнь, финансовый план и вышестоящие инстанции...

Потом театр уехал в южный приморский город. Там было море и дешевые фрукты. Театр по вечерам козырял Шекспиром и Островским, а днем ел фрукты, загорал и купался. Потом был отпуск — совсем сказочное время!.. Короче говоря, новый сезон начался неумирающим мавром, который в триста шестнадцатый раз спрашивал у не очень юной, но зато бывалой и опытной Дездемоны — молилась ли она на ночь? И высококвалифицированная заслуженная Дездемона в триста шестнадцатый раз отвечала утвердительно и умирала в страшных муčenjaх...

Вскоре драматург принес новую пьесу. В ней были современники. Хорошие и плохие. Конечно, хороших больше, а плохие в самом конце тоже становились значительно лучше. Главный герой — инженер-рационализатор чаеразвесочной фабрики — произносил прекрасные монологи и рос на глазах у зрителей, но почему-то образ, равноценного Отелло, не получалось.

И снова местная газета напечатала развернутую статью, в которой только один абзац говорил об успехах, а семь (семь!) — о просчетах и недостатках. Снова было обсуждение. На этот раз виновным в отсутствии образа современника никто себя не признавал, наоборот, все обвиняли друг друга. Главный режиссер обвинял драматурга в том, что он варился в собственном соку, а не вторгался в жизнь, драматург обвинял главрежа в том, что он не умеет работать с автором, и обвинял директора, который не создал ему условий для работы.

— Это же курам на смех! — кричал драматург. — Пьесу уже ругают, а я до сих пор не получил второго аванса!

Директор кричал, что, в конце концов, он лицо административное, а не творческое, к неприятностям привык, но то, что происходит, уже слишком. И газета ругает, и финотдел недоволен, поскольку план не выполняется.

— Я понимаю, что-нибудь одно! — логично рассуждал директор. — Или — или! А то — что же получается: мы поставили пьесу о современниках, а современники ходят на классику. Стало быть, не то играем и потому проигрываем. Счет: шестнадцать — четырнадцать! Тут,

товарищи, надо крепко призадуматься. Давайте откровенно поспорим, поговорим!

Товарищи призадумались, но слова не просил никто.

— Что же вы молчите? Давайте! — настаивал директор.

И тут неожиданно заговорил старый суфлер Терентьев.

— Товарищи, я через два месяца выхожу на пенсию, так что могу говорить то, что думаю. Так вот: и ругают нас справедливо, и провалился спектакль правильно.

— Почему? — хором спросили все работники театра.

— Объясню, — сказал суфлер, — но сперва задам вопрос: если вы позовете человека в гости, выставите самое прекрасное угощение, но будете ему рассказывать скучную неправду — усидит он у вас в гостях или сбежит?

— Сбежит, — мгновенно ответила молодая востроносая актриса, представив себя на месте гостя.

— Ну вот! — улыбнулся суфлер. — А зритель — он деньги платит, угощения не получает, а вы ему рассказываете скучную неправду.

— Скучную неправду? — хором обиделись автор и режиссер.

— Конечно, — кивнул суфлер. — Жила-была чайная фабрика, которая не выполняла план. Вдруг явился ваш герой — и все там за месяц переменялось. И план выполнили, и ясли построили, и директор — еще недавно дурак — срочно поумнел, и главный инженер — лопух и растяпа — на пенсию ушел, и рабочие — недотепы и неумышленныши — глаза открыли. А если б ваш герой не явился на эту фабрику? Погибла б она, что ли? Неправда это! И такие пьесы я видел не раз: пока какой-нибудь голубоглазый чудо-парень с высшим образованием не поможет кузнецам, сталеварам или строителям, они и мучаются, бедные, на своих отсталых предприятиях. Разве не так?

— Ей-богу, так! — с жаром воскликнула востроносая.

— Значит, я прав? Рассказываем неправду, — продолжал суфлер. — А как мы ее рассказываем? Долго и скучно до невозможности. О чем только не болтаем? И как чай растет, и как его упаковывать без потерь, и даже... как его заваривать... Это же спектакль! Где любовь, где чувства и эмоции, а? — Терентьев оглядел присутствующих. — Современник — он же веселый человек.

И живет он хорошо, и радуется жизни, и любит, и даже ревнует...

— Что же делать, по-вашему? — криво усмехнулся главный режиссер.

— Не откликаться, а работать. Много и честно. Учиться у той же классики! И помнить: нынешняя пятилетка посвящена качеству. И нам этот знак на спектакле тоже нужен.

Директор взглянул на главного режиссера и тяжело вздохнул. Потом спросил:

— Кто еще просит слова?

Слова не просил никто. И вообще, надо было заканчивать собрание: до начала спектакля оставалось всего полчаса и первые зрители уже входили в театр.

И в этот вечер снова, в триста сорок второй раз, умирающий мавр спрашивал трагическим шепотом:

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

И высококвалифицированная заслуженная Дездемона отвечала утвердительно и умирала в страшных мучениях...

УКРАДЕННЫЙ ОТПУСК

Некоторые думают, что жизнь артиста — это сплошные радости, развлечения и аплодисменты. Конечно, все это бывает, но, поверьте мне, реже, чем хотелось бы. А вот огорчения и неприятности — это, будьте любезны, сколько угодно!

Далеко ли ходить за примерами? Мой сосед очень известный артист Герман Львович... Не буду называть его фамилию, тем более что имя и отчество я тоже изменил...

Так вот, Герман Львович не просто хороший и известный артист, он еще и труженик настоящий. Играет в театре, снимается и озвучивает в кино, читает по радио и выступает по телевидению. Приходится! Теперь, как известно, людям нравится жить хорошо, а на одну актерскую зарплату жить, конечно, можно, но вот хорошо ли, как сказать... Словом, Герман Львович работает, как зверь, тем более что спрос на него огромный. Но, поверьте мне, работает не только из-за презренного металла;

ему еще очень нравится и выходить на сцену, и кланяться, и приглашать друзей на премьеры, и читать рецензии. Не все, конечно, но многие.

Так он работает одиннадцать месяцев в году, а двенадцатый — август, когда театр в отпуске, — он живет, как король. С женой (кстати, тоже актрисой!) и сыном (судя по всем данным, будущим актером) они отправляются на благодатный юг, плещутся в благословенном море и загорают так, что Герман Львович мог бы сыграть Отелло без грима.

Ах, отпуск! Замечательное, неповторимое время! Отдых тела и духа, ремонт организма и характера! Каждый день на вес золота...

И должно же случиться такое: только Герман Львович с семьей прибыли к волшебному Черному морю, только раз-другой погрузились в его теплую, ласковую глубину, прибыла телеграмма с предложением роли Дон Кихота в одноименной музыкальной комедии. Как всегда в кино, надо было действовать с такой быстротой, с какой родственники тяжелобольного несут из аптеки подушки с кислородом.

Конечно, Герман Львович, чтоб не портить отпуск, хотел отказаться от роли, но поставьте себя на его место: вы бы отказались? Тем более что пока требовалось немного — приехать на один день в Москву для съемки актерских проб. И Герман Львович окинул прощальным взглядом яркое великолепие крымского пейзажа со стройными кипарисами на фоне перламутрового моря и поехал на ближайший аэродром.

Через несколько часов он прилетел в Москву и, не щадя затрат, помчался на киностудию на такси. Тут, разумеется, начались объятия и поцелуи, ибо по этой части работники искусств уступают только хоккеистам. Затем режиссер торжественно вручил ему сценарий.

— До утра, голубчик, прочти, а снимать будем кадры 212 и 215. Ясно?

— Но ты сказал — один день! — мягко напомнил Герман Львович.

— Один, — сказал режиссер. — Но ты сам знаешь, день приезда — день отъезда — один день. Завтра же улетишь...

— Ладно, — покорно сказал Герман Львович.

На следующее утро, за полчаса до начала съемки,

выяснилось, что ночью заболел оператор. Ну что ж, незаменимых у нас нет — и вскоре на площадку прибыл другой оператор. Но оказалось, что директор группы выписал не ту пленку, на которой снимаются пробы. Нашли директора, он выписал нужную, но возникло новое обстоятельство: человек, который выдает пленку, в этот день пленку не выдавал, потому что выдавал свою дочь замуж. А тут неумолимая стрелка часов подобралась к обеденному перерыву. После перерыва съемочная группа приступила к работе с новой энергией, и, только готовились снять первый кадр, в наушниках у звукооператора пропал звук. Минут за двадцать аппаратуру исправили, но только появился звук, исчезло солнце. Тогда решили снимать пробы в павильоне и начали быстренько сооружать декорацию. Но время на месте не стоит, и рабочий день благополучно окончился.

Герман Львович был в отчаянии: два неповторимых, золотых дня его жизни, как говорили в старину, канули в Лету. Мало того, он запасся авиабилетом, который пришлось сдавать в кассу.

Но Герман Львович был оптимистом и верил, что уж завтра все будет о'кэй! И правда, на следующее утро было все, начиная с солнца и кончая милейшим Санчо Пансой, тоже срочно отозванным из отпуска. Режиссер ликовал и выглядел как Петр Великий за час до Полтавской битвы. И только он скомандовал: «Внимание! Начали! Мотор!» — на съемочной площадке появился заместитель директора студии с группой чехословацких киноработников. Сами понимаете, зарубежных товарищей приняли, как дорогих гостей, долго с ними беседовали и делились опытом.

А время между тем шло. И все же день оказался счастливым, пробы сняли, но, увы, ни Дон Кихота, ни его будущего оруженосца из Москвы не отпустили: лаборатория должна была утром сообщить, нет ли технического брака.

Брак был! И все пришлось снимать заново...

На пятый день Герман Львович, будучи не только оптимистом, но и человеком из породы тех, которые «не проходят мимо», отправился к директору студии и произнес взволнованный монолог о том, что так работать нельзя! Он проиллюстрировал свои слова живыми примерами нарушений трудовой дисциплины за эти дни.

Монолог Германа Львовича произвел на директора должное впечатление, и он решил на следующий день провести на студии собрание по вопросам социалистического отношения к труду, и, безусловно, первым на этом собрании должен был выступить Герман Львович.

Бедный Герман Львович пытался объяснить директору, что он теряет золотые дни своего недолгого отпуска, что на прекрасном юге остается несъеденным его оплаченный рацион и пустует его кровать, но директор даже удивился, как он мог об этом говорить, если должны обсуждаться серьезнейшие проблемы отношения к труду...

На следующий день провести собрание не удалось, его провели только в конце недели. Собрание было бурным и продолжалось три дня. Была принята соответствующая резолюция, в которой подчеркивалось своевременное и острое выступление Германа Львовича.

После этого он отбыл на юг, а еще через неделю вернулся в Москву, так как отпуск кончился...

Остается добавить немного. В роли Дон Кихота, к сожалению, снимался не Герман Львович, а другой актер, который, по мнению опытейших членов художественного совета студии, для этой роли подходил больше, зато после собрания студия сумела укрепить трудовую дисциплину.

ДЕНЬ ПРОЩАНИЯ С ДОЛЛИ

Этот удивительный день надолго останется в памяти каждого из нас. Понимаете, в нашем дружном цирковом коллективе работала, и отлично работала, слониха Долли. Но безжалостное время не щадит не только людей, но и животных. Бедняга Долли постарела, тяжело и неохотно выполняла команды дрессировщика, стала ворчливой и неуживчивой, как соседка по коммунальной кухне, и нам стало ясно: все! Пора ее провожать на заслуженный отдых.

С нашим мнением согласилось и руководство, и вскоре Долли была списана соответствующим актом. Тогда наш местком, в котором подобрались на редкость чуткие

и отзывчивые люди, решил, что такое мероприятие, как проводы на пенсию, надо провести красиво. Всю жизнь слониха прекрасно работала, она умница и безусловно поймет, что и люди оценили ее по заслугам.

Тогда возник вопрос: как же этот день в жизни слонихи сделать праздником? Ну, не мы первые провожаем на пенсию, так что на этот счет существуют и правила, и традиции, и опыт.

Что в таких случаях делают в большинстве организаций? Правильно: банкет и ценный подарок юбиляру. Какой подарок? Если это мужчина, ему дарят электробритву и два галстука, если женщина — отрез на платье и зонтик. А что подарить слонихе? Электробритва ей ни к чему, галстуки и зонтик тоже, а вот отрез, да-да, красивый отрез, из которого можно сшить попону с бахромой, монограммой и какими-нибудь кисточками, велел сам бог. Таким образом, вопрос о подарке был решен, что называется, с ходу. Тогда возник вопрос о средствах на это общественно полезное мероприятие. Представьте, нашлись! В смете любой организации имеется статья «непредвиденные расходы», так? Спрашивается: предвидел кто-нибудь, что слониха уйдет на пенсию? Нет! И все! С этим согласилась даже наша бухгалтерша, мрачная дама строгих правил, которую по причине очков и ядовитого характера называли «очковая змея» или «кобра с арифмометром».

Как видите, все проблемы были решены: банкет и подарок обеспечены. Конечно, как всегда в таких случаях, отыскиались люди с крайними точками зрения: если один из них считал, что Долли нужно вручить грамоту и даже ходатайствовать о присвоении какого-нибудь почетного звания, то другой — даже возражал против банкета. Ну, с их доводами никто не согласился, и все шло строго по плану.

И вот наступил день прощания с Долли. Прямо скажу, банкет удался на славу. Все пили, ели и говорили с огромным удовольствием. Естественно, Долли на этом банкете присутствовать не могла, но мы нашли выход: банкет происходил в красном уголке, а конюшня, где жила Долли, как раз под ним. Поэтому каждые полчаса мы спускались вниз, говорили тосты и выпивали в присутствии юбиляра, и, можете мне поверить, у нее в глазах были слезы, как у всех юбиляров.

Конечно, если бы усилия наших месткомовцев ограничились только банкетом и попойкой, я бы об этом факте и не рассказывал. Но произошло следующее: два члена месткома поехали в зоопарк и лично проверили, в каких условиях будет жить Долли после выхода на пенсию, оставили подробный список, чем и как ее кормить, когда купать и прогуливать, что она любит и чего терпеть не может. Молодцы! Подумали о дальнейшем житье-бытье члена нашего коллектива, создали отличные условия жизни, а не, так сказать, проводили на пенсию, сказали теплые слова и тут же забыли! И мы решили впредь, провожая уже не слонов, а наших товарищей, поступать таким же образом, потому что, честно скажу, так сердечно и красиво мы провожали на заслуженный отдых впервые!

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНЫЙ РАССКАЗ

Предупреждаю: то, что я сейчас расскажу, должно остаться между нами. Это — совершенно секретно! Тайна!

Я, к вашему сведению, директор киногоруппы и чаще всего работаю с режиссером... Впрочем, ни его фамилии, ни названия фильма я не скажу. Своей фамилии — тоже.

Мы заканчивали картину. До Нового года оставалось три дня, а работы — целый вагон и еще маленькая тележка. Но — кровь из носу! — фильм надо сдать не позже 31 декабря. Успеем — значит, фильм сдан в текущем году, значит, вся киногоруппа и многие работники студии получают премии, словом, мы — молодцы! А если не сдадим, то... даже страшно подумать, что будет...

Так вот, мы работаем как одержимые, а режиссер больше похож на тень отца Гамлета, чем на члена Союза кинематографистов. Выкуривает по пять сигарет в час и мечется между монтажной и просмотрным залом, без конца подрезывая метраж и переставляя кадры.

Я чувствую — к 31-му не успею. Здоровье режиссера держится на валидоле.

Что делать?

В таких случаях я начинаю думать. И как правило, что-нибудь придумываю.

И вот 29 декабря хватаю я моего режиссера, ставлю перед ним чашку кофе и пять бутербродов с любительской колбасой и, пока он жует, начинаю следующий разговор:

— Ангел вы мой и великомученик кинопроизводства! Давайте подумаем, что значит «сдать картину»? По идее, мы привозим восемь частей нашего фильма, авторитетные люди смотрят и решают это «да» или это «нет». Так?

Режиссер кивает, так как жевать наши бутерброды и одновременно разговаривать невозможно.

— Как вам известно, теперь картин мы выпускаем все больше и больше, и люди, сдающие их в конце года, напоминают мне бегунов массового кросса. Добежали, положили свои коробки с пленкой, а люди, которые их принимают, физически просмотреть всю эту продукцию не успевают. И лежат готовые фильмы в обыкновенной, живой очереди. Таким образом, тридцать первого нашу картину никто смотреть не будет. Кроме того, все уже думают о встрече Нового года. Первого и второго января — нерабочие дни, третьего расквашиваются, и, дай бог, четвертого нашу картину посмотрят. Чего же я хочу? Я хочу, чтоб вы пошли домой, поцеловали свою жену, побрились, съели домашний обед и легли спать.

— Да вы что? — чуть не подавился режиссер.

— А вы слушайте дальше. Тридцать первого декабря я беру нашу картину, все восемь частей...

— Позвольте, но готовы только шесть...

— Не перебивайте! Беру нашу картину, шесть частей готовых и две коробки со старой пленкой, сдаю куда полагается, и мне ставят штамп, что картина сдана тридцать первого декабря. Смотреть ее будут четвертого, а до четвертого мы все закончим в лучшем виде.

— Но это обман! — возмутился режиссер.

— Правильно. Святой обман! Благородная ложь! Я думаю не только о сроках, но и о качестве и о вашем здоровье.

— А если этот обман откроется? Вы представляете, что будет? Нам же снимут головы!

— Не нам, а мне. Весь грех я беру на себя. А у меня жена и двое близнецов. Кроме того, я строю квартиру в кооперативном доме.

— Вы сумасшедший!

— Нет. Во-первых, обман не откроется. Не может открыться! Кто до четвертого может его открыть? А во-вторых, давайте рассуждать. Спрашивается, почему все картины надо сдавать обязательно в конце года?

— Существует план и...— начал режиссер.

— Ну и что? У нас достаточно бухгалтеров, которые даже без электронно-вычислительных машин могут все сосчитать не раз в год, а, скажем, каждый месяц. Подумайте сами, не будет горячки, исчезнет спешка, режиссер будет человеком, а не загнанной лошадью.

— Вот именно! А загнанных лошадей убивают, не так ли? — грустно улыбнулся режиссер.

— Возьмите тех же строителей... Гонят, сдают к первому января, а потом еще три месяца занимаются доделками. Это же глупо и не по-хозяйски.

— Нет-нет, я на это не пойду! — решительно заявил мой режиссер. — Жульничество какое-то...

— Абсолютно не согласен, — сказал я. — Если есть возможность создать художнику лучшие условия для работы, почему же этим не воспользоваться? — настаивал я. — Вы должны работать с ясной головой и в хорошем настроении. Я, черт возьми, забочусь о вас, думаю, а вы...

— Ладно, не кричите. А поспать мне бы действительно не мешало.

— Ну вот. Идите, голубчик, домой. И монтажницы пускай отдохнут. Они молодые. Разве мы можем лишать их радостей жизни?..

Словом, я еще минут сорок уговаривал моего режиссера и... уговорил!

Тут же я его отправил домой спать и отпустил монтажниц. Одна сразу же побежала на свидание, другая в гастроном: она замужем.

А 31 декабря, во второй половине дня, я отвез восемь коробок с нашим фильмом. Вернее, шесть готовых и две со старой пленкой. Приняли, поставили штамп, а за праздничные дни мы работу довели до конца и 3 января я заменил «липовые» части настоящими.

Казалось бы, все идет строго по моему плану, но я ошибся, я ужасно ошибся: нашу картину смотрели не четвертого января, а пятого... февраля...

ПОСЛЕДНЯЯ СЪЕМКА

Неприятности бывают двух видов: ожидаемые и неожиданные. К ожидаемым вы можете как-то подготовиться, принять какие-то меры. А как быть с неожиданными?

Словом, если позволите, я расскажу одну небольшую историю.

Мы, постановочная группа фильма «Любовь нечаянно нагрянет...» (название условное), находились в экспедиции, в Одессе. Снимали по две смены и работали так, как умеют работать только в кино: неделю (конечно, по не зависящим от нас причинам!) ничего не делали, зато три месяца после этой недели работали по две смены и без выходных, спали по четыре часа в сутки и питались в студийном буфете чем бог послал. Видимо, бог к этому буфету относился неважно, и мы ежедневно ели нечто, называемое гуляш, и пили компот из сухофруктов. Но на судьбу не жаловались, потому что работа шла отлично и план мы перевыполнили.

Повторяю: работали, как черти, и наш оператор, мужчина выше средней упитанности, потерял шесть килограммов живого веса, а от режиссера остались только творческий профиль и модные бакенбарды.

И вот ночь на двадцать девятое декабря! Последняя съемка в павильоне — и завтра, тридцатого, мы садимся в поезд Одесса — Москва и отбываем домой. Тридцать первого мы дома и встречаем Новый год в кругу близких и родных, перевыполнив план и ожидая (разумеется, в будущем) премиальных. Словом, все рассчитано до минуты.

А снимается не такая уж сложная, хоть и драматическая сцена: от молодой, красивой и добродетельной женщины ушел муж. (Не волнуйтесь! В конце фильма, под влиянием общественности, он вернется! Но это между нами!) Ушел он после бурного и некрасивого объяснения. Жена плачет, и тут...

«...в комнату вбегает их дочь, девочка лет семи.

— Мама, посмотри, что мне подарил папочка! Посмотри! — И она показывает плюшевого зайца. — Какой у меня хороший, добрый папа!

— Да, хороший,—убитым голосом говорит бедная молодая женщина.— Прекрасный...»

(Текст цитирую по литературному сценарию.)

Сцена, повторяю, не особенно сложная, тем более что бурное объяснение с мужем мы сняли еще в августе, так как муж в данное время находится в Африке и занят в совместной постановке с одной из развивающихся стран.

И вот эта самая дочь — юная кинозвезда — пребывает в плохом настроении и сыграть счастливый восторг и любовь к вышеуказанному папе не может. Не получается, и все!

Режиссер в мыле, оператор продолжает худеть на глазах, работа не движется, все планы рушатся.

Сценарист, который случайно оказался на съемочной площадке, предлагает:

— Давайте сделаем наоборот: девочка вбегает в слезах и говорит: «Какой у меня плохой папа! Ушел и даже не попрощался!..» А героиня соглашается: «Да, плохой!..» Поверьте мне, и в этом варианте все нюансы сохраняются.

— Не то! — говорит режиссер.— Надо добиться, чтоб было как было!

И продолжает репетировать с юной кинозвездой. И объясняет, и показывает, и кричит, и просит, а звезда опустила голову и молчит, как памятник дюку де Ришелье, которым гордится вся Одесса.

Тогда за девочку принялась ее мама. Она ей что-то долго шипела в ухо и грозно вращала глазами. Изредка до нас долетали ее слова:

— Вот придем домой, я с тобой рассчитаюсь!

Девочка заплакала.

— Ну что вы наделали? — возмутился режиссер.— Испугали ребенка!..

Мама покраснела:

— Сейчас я это исправлю.

И щебеча, и сюсюкая, снова приникла к уху девочки:

— Видишь, дядя недоволен! А дядя такой хороший, такой талантливый. Он — лауреат! Дядю надо слушаться! Лапочка, солнышко, кошечка, птичка!.. Сделай, как дядя просит, и я тебе потом куплю шоколадку, вкусную-превкусную!..

— Нет, сейчас,—капризно сказала артистка, утирая слезы кулаком.

Пять человек бросились за шоколадом. Принесли. Девочка съела кусочек шоколада, но, увы, в творческое состояние не вошла.

А время, естественно, идет.

Тогда наш худеющий оператор исполнил лезгинку. Специально для нее! С душой и восточным темпераментом. Увы, девочка смотрела на танцора, как милиционер на алкоголика.

За девочку снова принялся режиссер. Тот же эффект.

А часы щелкают, как счетчик в такси.

Тогда к ней подошел бригадир осветителей Вася Скворешников. Вася, конечно, личность! Выдающийся общественный деятель, редактор комсомольских «прожекторов» и «молний» и выступает на всех собраниях.

— Нехорошо ты поступаешь, Лена! Нехорошо! — сурово сказал Вася. — Что же это, понимаешь, получается? Коллектив взял обязательства... Ты тоже член коллектива, тоже взяла... Страна, понимаешь, ждет нашу картину с нетерпением, а ты — в кусты. Нехорошо!

Артистка молчала, и Вася продолжил свое выступление:

— Иной раз и мне охота не светить, а, скажем, играть в бадминтон. Нет, свечу! А почему? Член коллектива! Надо понимать, обязательства берутся, чтоб их выполнять, а не шалай-валяй, кто в лес, кто по дрова!.. Верно я говорю?

— Верно, — согласилась девочка и спросила: — А кто такой шалай-валяй?

Вася только развел руками и отошел.

И тут появился директор нашего фильма.

А вы знаете, что такое директор фильма вообще и наш Аркадий Львович в частности? Нет? Я объясню.

Как правило, директор картины — это фанатик своего дела, человек, для которого нет ничего невозможного. Он может пробиться на прием к министру обороны и получить в распоряжение режиссера эскадру боевых кораблей; может превратить железнодорожную станцию в съемочную площадку и вместе с диспетчером регулировать движение поездов; может за одну ночь высадить в пустыне лес и — наоборот — превратить лес в пустыню; может организовать в июле снежный буран из мела и нафталина; может заставить народного артиста республики купаться в ноябре, изображая, что дело происходит в июле;

может найти общий язык в цирке не только с администрацией, но и с отдельными тиграми; может... Да разве все перечислишь? Он все может.

— Ну? Как дела?— спросил Аркадий Львович у режиссера.

— Придется съемку перенести на завтра.

— На завтра?!— побелел директор.— Почему?

— У Леночки не идет!

— Как не идет? У меня билеты в кармане!— сказал Аркадий Львович и, волоча свой портфель, с которым, кажется, не расставался и во сне, подошел к юной кинозвезде.— Леночка, ты мне нужна!

Леночка посмотрела на него печальными глазами.

— Сколько тебе лет, Леночка?

— Шесть с половиной, скоро семь.

— Ну вот! Ты же взрослая! Киноартистка! А кто я, ты знаешь?

— Знаю. Директор.

— Правильно, директор. А теперь давай поменяемся местами.

— Как поменяемся?..— не поняла Леночка.

— Представь, что директор — ты, а я Леночка. Мои усы у тебя, твои бантики у меня. И вот из-за того, что я, Леночка, срываю съемку, мы выедем в Москву не завтра, а послезавтра! Значит, железнодорожные билеты, добытые с таким трудом, придется сдать и доставать новые. Я обещал завтра освободить гостиницу. Освободить павильон. Ты понимаешь, под какой монастырь ты меня подводишь? Ты понимаешь, как я буду плакать?

Леночка молчала.

— Мало того,— меня ждет внучка. Наташа. Она не артистка, она обыкновенная девочка. Ты представляешь, как она будет плакать, что ее дедушка не приехал на Новый год, на елку. Я купил ей подарки. И у нашего режиссера есть дочка. Люся. И она будет плакать...

— А у оператора?— заинтересовалась Леночка.

— Двое мальчиков. И они будут плакать. Короче: я подсчитал, из-за тебя будут плакать двенадцать детей! Они будут спрашивать: «Где папа? Где дедушка?» А что мы им скажем? «Одна девочка, по имени Леночка, прекрасная киноартистка, не хотела сниматься. Это она во всем виновата — Леночка!» Что они тебе сделали плохого? Имеешь ты право их обижать?

— Нет,— сказала Леночка.

— Ну вот! Тогда к делу! Вчера ты отлично снималась! Ты прекрасная артистка, умница, будущая Марина Неёлова. Да-да-да, ты очень на нее похожа.

Леночка улыбнулась.

— Ну, можно продолжать съемку?— тихо спросил директор.

— Можно,— сказала Леночка.

И Аркадий Львович, волоча свой портфель, тяжелый, как угольная баржа, отошел к пожарному ведру и закурил.

И что вы думаете? Сняли! Сняли именно так, как хотел режиссер! За сорок минут все было закончено на славу.

А почему?

Потому что настоящий мастер своего дела может найти выход и в самой неожиданной ситуации, может одолеть любую непредвиденную неприятность.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Маленький, выдавший виды автобус, на борту которого было написано «киносъёмочная», резво бежал по шоссе, держа путь на киностудию.

В автобусе было трое: шофер Вася, помощник режиссера Николай Николаевич и молодой театральный актер Сережа Байкалов.

— Николай Николаевич, вы хотя бы объясните мне, кто я?— кричал Сережа, так как автобус немилосердно трясло и его старенький мотор рычал из последних лошадиных сил.

— Как это — кто? Человек!— закричал в ответ Николай Николаевич, ударяясь головой о невысокий потолок автобуса.

— Это я понимаю,— улыбнулся Сережа.— Кто я по роли?

— Ну кто? Наш современник! Парень твоего возраста. У тебя в руках роль. Пока оденешься, пока загримируют — выучишь и скажешь.

— Но я ведь должен знать, кто я, какой у меня характер...— настаивал Сережа.

— Хороший характер. Положительный! — успокоил Сережу Николай Николаевич и поправил пестрый шарфик, которым была повязана его жилистая шея.

— Что значит «положительный»? Я курю, пью, женат.

— Да при чем тут женат — не женат? Семь съемочных дней, значит, покажешься на экране по-настоящему, значит, увидят и немедленно возьмут в другие картины.

— Но я даже сценария не читал, — развел руками Сережа.

— А зачем он тебе? Я же объясняю: у тебя счастливый случай! Сидорчук заболел, а лучше тебя на его место не подберешь!

— Это я понимаю. Но все-таки кто я? Врач, инженер...

— Вот привязался, — сказал Николай Николаевич, оборачиваясь к шоферу Васе.

— Действительно! — шумно вздохнул Вася, который с детства мечтал о карьере киноактера. — Семь съемочных дней, а ему характер нужен! Чудак человек, не понимает своего счастья...

Сережа углубился в текст будущей роли. Буквы прыгали перед глазами, но он прочитал, секунду подумал и пожал плечами.

— Ничего не понимаю... Слова как слова. Их можно сказать и так и эдак...

— Ну и скажешь и так и эдак, а режиссер выберет!

— О, нет! Я должен знать, кто я, чем живу, какова моя роль во всем произведении?

— Выучили эту молодежь на нашу голову! — сказал Николай Николаевич Васе и повернулся к Сереже: — Ты друг героя, понял? А герой положительный, значит, и друзья у него соответственно. Семь съемочных дней, и, главное, костюм будет как раз.

— Какой костюм?

— Однорбортный, на две пуговицы. Приходишь к герою, говоришь, что написано, и уходишь. Это вначале. Потом в той же декорации и в середине тоже приходишь и уходишь. И еще сценка с девушкой на бульваре. Это Вера Калашникова из Театра Моссовета. И все! Понял?

— Понял, — мрачно сказал Сережа и задумался.

— Бывают же люди! Такой случай, а он капризничает!

— Ничего я не капризничаяю. Просто не могу играть, когда не понимаю, что я играю!

— Так я ведь объяснил. И режиссер объяснит. Сыграешь, как часы.

— Не могу! Это халтура! — решительно сказал Сережа. — Остановите автобус. Я отказываюсь!

— Ты с ума сошел! — закричал Николай Николаевич. — Через полчаса съемка!

Но Сережа настоял на своем. Маленький автобус остановился, Сережа вышел, а Николай Николаевич и Вася, возмущенные и недоумевающие, смотрели ему вслед...

Так, товарищи, рассказ кончается у автора.

Но, поверьте мне, что в действительности события, о которых я рассказывал, завершились иначе.

— Я ведь объяснил. И режиссер объяснит. Сыграешь, как часы! — сказал Николай Николаевич.

В это время автобус въехал во двор киностудии.

«Что делать? — думал бедный Сережа. — Случай действительно счастливый. Да, нас учили. Но и жизнь учит. По-своему. И упускать такой шанс глупо. И ни один актер его бы не упустил. Может быть, Станиславский и отказался бы. Так у него, между прочим, было другое материальное положение».

И через полчаса Сережа в однобортном костюме на две пуговицы входил в павильон. Началась съемка.

Николай Николаевич и Вася с удовольствием следили за молодым актером. Очевидно, учили его не зря. Он приходил, уходил и говорил, как надо! Играл, как часы. Режиссер кричал: «Мотор! Начали!», аппарат тихо жужжал, все было в порядке!

И позднее даже критик Непомилуев отметил в печати, что «молодой артист С. Байкалов в маленькой роли Федора скупыми и выразительными средствами создал запоминающийся образ нашего современника».

УЛЫБКА ФОРТУНЫ

Ну, к делу.

Жил-был известный киноактер Антон Гусев. Жил спокойно и нормально. Снимался и бывал в простое. Читал периодическую литературу и смотрел телевизионные передачи. И вдруг ему позвонили из киностудии, по-

просили завтра к двум часам быть в комнате номер такой-то.

Приехал.

В комнате сидели двое. Один, которого он сразу узнал, — известный итальянский кинорежиссер, неоднократно приезжавший в Москву, другой — неизвестный молодой человек в очках, как позже выяснилось — переводчик.

Едва Гусев вошел в комнату номер такой-то, известный режиссер вскочил, сказал с акцентом «здравствуй!», пожал Гусеву руку и произнес темпераментный монолог по-итальянски. Переводчик перевел. Перевод (приблизительно) такой:

— Синьор Гусев — прекрасный артист! Умный! Талантливый! Красив, как бог! Его работа давно нравится режиссеру, а сейчас режиссер снимает фильм о минувшей войне. В фильме есть одна роль, и лучшего исполнителя этой роли, чем синьор Гусев, природа не создала. Режиссер умоляет синьора Гусева сняться в этой роли. Если Гусев согласится, режиссер будет самым счастливым человеком во всей Италии.

Синьор Гусев покраснел и после паузы сказал:

— Конечно, а...

Но переводчик перебил Гусева и добавил, что этот вопрос с киностудией согласован и артист может совершенно спокойно подписать контракт, потом прочесть сценарий и ждать вызова в Рим. Режиссер надеется, что эта работа заберет у синьора Гусева не так уж много времени, и, если он согласен, вот контракт и вот вечное перо.

С этого дня Гусев жил в том состоянии, которое боксеры называют «гrogги».

Находиться в состоянии «гrogги» Гусев имел все основания. Он прочитал сценарий, огорчился, что роль невелика, но подсчитал: он появляется в трех декорациях. В одной декорации кадров пятнадцать, — значит, два съемочных дня; в остальных декорациях еще два дня, — значит, уже четыре. До съемок обычно бывает освоение декорации — еще три дня. После съемки следует подождать результатов обработки пленки в лаборатории — еще два дня. Просмотр материала! Обсуждение! Разборка снятых декораций и постройка новых! Выходные дни!.. Словом, как ни считай — работы актеру минимум

дней на десять — двенадцать! А десять — двенадцать дней в Риме — это и есть улыбка фортуны!

«Повезло! Здорово мне повезло! — думал счастливый Гусев. — Свободное время будет? Будет! Посмотрю музеи, картинные галереи, памятники старины...»

Наконец пришел вызов, и ранним утром Гусев вылетел в Рим. В его лучшем чемодане лежали два лучших костюма, лучшие рубашки и лучшие галстуки, а в боковом кармане фотография и основные габариты жены — столь необходимые для покупки ей сувениров.

Ровно в одиннадцать утра Гусев уже не спеша выходил из самолета. У трапа его встретили двое давно не стриженных молодых людей. Один из них схватил чемодан Гусева, а другой, расталкивая толпу встречающих, поспешил к выходу с аэродрома. Через пять минут все трое уже мчались в маленьком «фиате» по загородному шоссе на киностудию. Рассмотреть дорогу, поглядеть на прекрасный Рим Гусеву не удалось, так как один из молодых людей оказался гримером, и прибыл Гусев на студию уже в гриме. Здесь его доставили в костюмерную, где в мгновение ока для него подобрали соответствующий костюм. Тут же подкатили небольшой столик, на котором стояла еда, именуемая в авиации «легкий завтрак» и включающая даже небольшую бутылочку кьянти. Гусев поспешно поел и выпил, и его бегом доставили в съемочный павильон. Режиссер очаровательно улыбнулся, переводчик перевел его улыбку, сообщив, что к съемке все готово, и нестриженные молодые люди ввели Гусева в кадр.

Через десять минут первый кадр был снят, и режиссер перешел к другому аппарату, чтобы снять следующий кадр с новой точки.

— А дубль? — робко спросил Гусев.

— Синьор Гусев хочет сыграть по-другому? Ему не нравится режиссерский вариант?

— Нет, что вы... Я думал — для «страховки».

— «Страховка»? А что это «страховка»?

— Ну, мало ли что? Вдруг пленка плохая.

— Почему плохая? Пленка не может быть плохая. Фирма гарантирует...

— А вдруг подведет лаборатория?

— А почему лаборатория должна подвести? Там специалисты.

— А... — начал Гусев.

— Синьор Гусев, все разговоры потом, — твердо сказал режиссер. — Прошу в кадр. Репетируем...

Короче: к одиннадцати вечера все сцены были сыграны и все декорации отсняты. Усталый Гусев впервые за весь день опустился на стул. К нему подошел режиссер, расцеловал его, поблагодарил за отличную, профессиональную работу и сказал, что, как ему кажется, синьор Гусев потратил на его фильм не так уж много времени.

В четверть двенадцатого двое нестриженных доставили артиста в отель при аэродроме, сообщили, что самолет в Москву вылетает в восемь утра, вручили конверт с гонораром и, пожелав спокойной ночи и счастливого рейса, исчезли...

На следующий день в одиннадцать утра Гусев был дома.

Увидев мужа, который вернулся с такой космической быстротой, жена всплеснула руками:

— Что случилось, Антоша? Отменили съемку?

— Нет.

— Закрыли картину?

— Да нет...

— Переделывают сценарий? Твою роль превратили в женскую?

— Да нет же, Маша. Сняли!

— Режиссера?

— Да нет же, просто сняли! Все сняли!

— Все?! За один день?

— За один день! — убитым голосом сказал Гусев и вместе с конвертом, в котором лежал гонорар, вынул листок с основными габаритами жены.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАКОНЫ ГОСТЕПРИИМСТВА

Вторая бабушка	6
Жертва капитализма	10
В антракте	13
Законы гостеприимства	17
Мы им докажем!	20
Новый стиль	22
«Буду пятого Кузнецов»	27
Зверь в очках	30
Счастливая скамейка	36

ДОБРЫЕ УСЛУГИ

Черная бутылка	48
Сыночек	51
Добрые услуги	58
Привлекательный мужчина	60
Свадьба Ардальона Стебелькова	64
Психолог	69
Не проходите мимо!	73

Я САМ ВИДЕЛ

Громкая свадьба	78
Вскоре после свадьбы	80
Чуткие люди	82
Я сам видел!	85
Правая подметка и левый каблук	88
Хобби	89
Первая скрипка	92

Сухой алкоголь	94
Гипертония	96

ТОЛЬКО ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ

На корабле женщина!	102
Женская доля	106
Чудовище с зелеными глазами	110
Зуб мудрости	113
Идеальный муж	116
Плоды эмансипации	118
Проверенные средства	121
Соло на трубе	124
Только для женщин!	130

ВОСПИТАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ

Логика взрослых	134
Новая клюшка	136
Воспитание родителей	138
Отец своего сына	142
Букет двоек и единиц	144
Двушка	147
Цирковой ребенок	149
Пари	152
Ключ к профессору	153
Роковое число	157

КРИВАЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Подарок судьбы	160
Протокол с последствиями	164
Крайняя мера	167
Кривая преступности	170
Личная дверь	173
Темная личность	175
Прекрасный ишак	178

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В МОСКВУ

Оказия	186
Южная тетя	188
Потомок Дон Жуана	195
Солнечный берег	198
Новогодний подарок	202
Путешествие из Москвы в Москву	205
Драма в купе	208

УЖАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

Ужасная профессия	214
Искусство требует жертв	218
Леокадия Сергеевна дает интервью...	220
Пятнадцать дней на свежем воздухе	223
Юбилей	227
Молилась ли ты на ночь, Дездемона?	229
Украденный отпуск	234
День прощания с Долли	237
Совершенно секретный рассказ	239
Последняя съемка	242
Счастливый случай	246
Улыбка фортуны	248

Яков Маркович Зискинд

СЧАСТЛИВАЯ СКАМЕЙКА

М., «Советский писатель», 1980, 256 стр.

План выпуска 1980 г. № 28

Редактор М. В. Иванова

Худож. редактор Е. И. Балашева

Техн. редактор В. Г. Комм

Корректор С. И. Крягина

ИБ № 1933

Сдано в набор 23.07.79 Подписано к печати 18.07.80. А03452.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 1, Литературная гарнитура.

Высокая печать. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,25.

Тираж 30 000 экз. Заказ № 4814. Цена 90 коп.

Издательство «Советский писатель».

121069, Москва, ул. Воровского, 11.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».

103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

